

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 2 (25)

2016

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Рвина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Е.В. Муранова

Технический редактор:
Е.В. Муранова

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.06.2016.
Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 9,5.
Тираж 50 экз. Заказ 3-463-16.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия).

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия).

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия).

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая Академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРестУПЛЕНИЙ С БЛАНКЕТНЫМИ ДИСПОЗИЦИЯМИ, НАПРАВЛЕННЫХ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ) Айвазян Арам Жорикович.....	7
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Беляева Зоя Викторовна.....	12
ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕГ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОТРАСЛЕВЫХ СТРАТЕГИЯХ, ПРОГРАММАХ И ПРАВОВЫХ АКТАХ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) Бошнагян Армен Перчович.....	15
СУЩНОСТЬ РЕЙДЕРСТВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ Валеев Рафаэль Ринатович.....	19
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Воробьева Ольга Александровна.....	23
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА, ПОСВЯЩЕННОГО 150-ЛЕТИЮ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ») Деревскова Валентина Михайловна, Григорьев Андрей Сергеевич, Измествьева Елизавета Аркадьевна, Пиншин Павел Петрович.....	26
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ Каинов Александр Сергеевич.....	30
РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ Каинов Александр Сергеевич.....	33
ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДЕФЕКТЫ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ Кожокарь Игорь Петрович.....	35
КРАТКИЙ ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КРУГЛЫЙ СТОЛ ЖУРНАЛОВ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО», «ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ», «ВЕКТОР НАУКИ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ» НА ТЕМУ: «ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ» Малько Александр Васильевич, Липинский Дмитрий Анатольевич.....	38
МЕСТО И РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Малько Александр Васильевич, Маркунин Роман Сергеевич.....	45
САНКЦИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ НОРМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Моисеев Александр Владимирович.....	49
К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Немова Елена Николаевна.....	52
ФОРМИРОВАНИЕ И ОБНАРУЖЕНИЕ УМЫСЛА КАК СТАДИИ РАЗВИТИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ Паносян Арман Тадевосович.....	56
СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ Розенко Станислав Васильевич.....	60
ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ ПРАВОПОРЯДКА Рудковский Виктор Анатольевич.....	63
Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (25)	3

ИНСТИТУТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Савельев Юрий Михайлович	68
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Степанова Вера Владимировна	72
ФОРМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ И СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВАХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ Шутемова Тамара Васильевна	76
Наши авторы	79

CONTENT

FEATURES OF QUALIFICATIONS OF CORRUPTION CRIMES WITH BLANKET DISPOSITIONS AGAINST THE SAFETY OF THE ENVIRONMENT (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS) Ayvazyan Aram Zhorikovich	7
GENERAL CHARACTERISTICS OF LEGAL LIABILITY Belyaeva Zoya Viktorovna.....	12
ISSUES ON COMBATING MONEY LAUNDERING AND TERRORIST FINANCING IN THE NATIONAL SECURITY STRATEGY, SECTORAL POLICIES, PROGRAMS AND LEGAL ACTS OF THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF ARMENIA (CRIMINOLOGICAL ASPECT) Boshnaghyan Armen Perchovich.....	15
THE ESSENCE OF RAIDING IN CIVIL-LAW ASPECT Valeev Rafael Rinatovich.....	19
FEATURES OF INTERACTION OF BODIES OF STATE POWER AND BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT Vorobyova Olga Aleksandrovna	23
SOCIAL CONFLICT AND STATE-LEGAL REALITY (BASED ON THE MATERIALS OF THE ROUND TABLE DEVOTED TO THE 150TH ANNIVERSARY OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT") Derevskova Valentina Mikhailovna, Grigoryev Andrey Sergeevich, Izmestyeva Elizaveta Arkadyevna, Pinshin Pavel Petrovich	26
LAW ENFORCEMENT AND HUMAN RIGHTS ACTIVITY: CORRELATION OF CONCEPTS Kainov Aleksandr Sergeevich.....	30
THE ROLE OF PUBLIC PROSECUTION IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF INEVITABILITY OF PUNISHMENT Kainov Aleksandr Sergeevich.....	33
GENERAL AND SPECIAL DEFECTS MECHANISMS OF CIVIL-LEGAL REGULATION OF REAL RELATIONS Kozhokar Igor Petrovich.....	35
AN OVERVIEW OF ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "ROUND TABLE OF JOURNALS "STATE AND LAW", "LEGAL POLICY AND LEGAL LIFE", "VECTOR OF SCIENCE OF TOGLIATTI STATE UNIVERSITY. SERIES: LEGAL SCIENCES" ON THE TOPIC: "DISCUSSION OF THE DRAFT OF A LEGAL POLICY CONCEPT IN THE FIELD OF LEGAL RESPONSIBILITY: FROM PRELIMINARY STUDIES TO A COMPREHENSIVE UNDERSTANDING" Malko Aleksandr Vasilyevich, Lipinsky Dmitriy Anatolyevich	38
PLACE AND ROLE OF LEGAL LIABILITY OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE CONCEPT OF LEGAL POLICY LEGAL LIABILITY Malko Aleksandr Vasilyevich, Markunin Roman Sergeevich	45
SANCTION AS THE STRUCTURAL ELEMENT OF LEGAL LIABILITY STANDARDS Moiseev Aleksandr Vladimirovich	49
EXEMPTION FROM LEGAL RESPONSIBILITY Nemova Elena Nikolaevna	52
FORMATION AND DETECTION OF INTENT AS THE STAGES OF DEVELOPMENT OF A DELIBERATE CRIME Panosyan Arman Tadevosovich	56
PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION SYSTEM OF CRIMINAL PUNISHMENTS IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW NOW Rozenko Stanislav Vasilyevich	60
THE SENSE OF RESPONSIBILITY AND THE OBJECTIVITY OF THE LEGAL ORDER Rudkovsky Viktor Anatolievich.....	63
INSTITUTE OF CRIMINAL LAW Savelyev Yuriy Mikhailovich.....	68

INDEPENDENCE OF INSTITUTE OF FINANCIAL AND LEGAL LIABILITY Stepanova Vera Vladimirovna	72
THE FORMS OF CRIMINALISTIC OPERATIONS OF THE PROSECUTOR IN THE PRETRIAL AND TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES AS THE FORMS OF IMPLEMENTATION OF THE CRIMINALISTIC POLICY Shutemova Tamara Vasilievna	76
Our authors	79

**ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С БЛАНКЕТНЫМИ ДИСПОЗИЦИЯМИ, НАПРАВЛЕННЫХ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

© 2016

А.Ж. Айвазян, соискатель кафедры уголовного права и уголовного процесса
Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Республика Армения)

Ключевые слова: безопасность окружающей среды; незаконная охота; водные животные и растения; незаконная добыча животных и растений; лесной фонд.

Аннотация: В статье представлены преступления, направленные против безопасности окружающей среды, считающиеся коррупционными преступлениями с бланкетными диспозициями. В то же время предлагается устранить отягчающее обстоятельство «использование должностного положения» и ввести изменение по части диспозиции, а именно сделать обязательным признаком объективной стороны состава преступления обстоятельство однократного привлечения к административной и природопользования, в том числе установление уголовной ответственности за преступные посягательства, направленные против безопасности окружающей среды.

Проблемы обеспечения чистоты окружающей среды, эффективного использования природных ресурсов являются вопросами, беспокоящими мировую общественность и требующими незамедлительного решения. Важнейшей предпосылкой решения выдвинутых задач является создание стабильной правовой основы для отраслей экологии и природопользования, в том числе установление уголовной ответственности за преступные посягательства, направленные против безопасности окружающей среды.

В Уголовном кодексе Республики Армения (УК РА) преступлениями против безопасности окружающей среды посвящены 18 статей, представленных в 10-м разделе УК РА. В трех из указанных статей представлены коррупционные преступления с бланкетной диспозицией:

- 1) пункт 1 части 2 статьи 292 (незаконный экспорт водных животных и растений, совершенный с использованием должностного положения);
- 2) пункт 1 части 2 статьи 294 (незаконная охота, совершенная с использованием должностного положения);
- 3) пункт 1 части 2 статьи 296 (незаконный сруб деревьев, кустов и травяного покрова, совершенный с использованием должностного положения).

Примечательно, что вышеуказанные преступления не включены в список коррупционных преступлений, утвержденный Генеральным прокурором РА Приказом № 82 от 19 ноября 2008 года и доработанным Приказом № 12 от 19 марта 2013 года; по нашему мнению, необходимо дополнить этот список, включив и эти преступления.

Обсудим особенности классификации каждого из вышеуказанных преступлений, предлагаемых нами для включения в этот список, и рассмотрим существующие к ним подходы с точки зрения законодательства зарубежных стран, проведя сравнительно-правовое исследование.

292-я статья УК РА устанавливает ответственность за незаконную добычу водных ресурсов и растений.

Для наличия состава преступления необходимо, чтобы экспорт рыбы, других водных животных или промышленных водных растений носил незаконный характер. Незаконной считается добыча указанных животных или растений без соответствующего разрешения (когда его наличие необходимо) или с нарушением его условий (сроков промыслового сезона, промысловых территорий, инструментов промысла, видов, количества пойманной рыбы), а также охота на водных животных, добыча которых вообще запрещена.

Согласно 24-й статье Закона РА «О животном мире», принятого в 2000 году, использование объектов животного мира с сельскохозяйственными и промышленными целями в РА осуществляется на основании лицензий и

договоров, выдаваемых уполномоченным государственным органом [1]. Для ловли рыбы в личных целях специального разрешения не требуется, однако есть места, где рыбная ловля вообще запрещена, например, на территориях государственных заповедников [2].

Пояснение вопроса, является ли совершенная добыча незаконной или нет, предполагает анализ таких нормативных правовых актов, как «Основы законодательства Республики Армения об охране природы», законы РА «Об особо охраняемых природных территориях», «О животном мире» и др.

Незаконная добыча рыбы, других водных животных или промышленных водных растений сама по себе не является уголовно наказуемой. Законодатель устанавливает, что для наличия преступления, предусмотренного частью 1 статьи 292, необходимо, чтобы вышеуказанное деяние либо причинило крупный ущерб, либо было совершено с использованием способов массового уничтожения животных или растений, являющихся предметом преступления, либо было совершено в местах яйцекладки, на миграционных путях или в процессе яйцекладки. Как видим, законодатель связывает завершение преступления в одном случае с возникновением общественно опасного последствия (причинение крупного ущерба), в других случаях – с совершаемым деянием (например, совершение деяния на миграционных путях).

Понятие крупного ущерба дано в части 3 статьи 292 УК РА, согласно которой крупным ущербом считается сумма (стоимость), превышающая двухсоткратную минимальную заработную плату, установленную на момент преступления. Отметим, что еще в статье 292 УК РА, вступившего в силу 01.08.2003, вообще не разъяснялось, что является понятием крупного ущерба, и только в УК РА от 09.06.2004 было сделано дополнение, по которому в части 3 статьи 292 было определено содержание понятия «крупный ущерб». Причинение крупного ущерба может проявляться путем добычи ценных, например, редко встречающихся или находящихся на грани исчезновения, видов водных животных, уничтожения молодняка водных животных в большом количестве, уничтожения мест яйцекладки и др. Стоимость добытых или уничтоженных рыб, других водных животных определяется по тарифам, устанавливаемым нормативными правовыми актами [3].

Законодатель устанавливает уголовную ответственность также за незаконную добычу рыб или других водных животных в местах яйцекладки, на миграционных путях или в процессе яйцекладки. Законом РА «О животном мире» установлено только понятие «миграционный путь». Миграционными путями рыб или других водных животных являются водные пути, по которым осуществляются регулярные, периодические и непериодические

массовые перемещения упомянутых животных, обусловленные изменением условий существования или связанные с циклами их развития.

Что касается определения понятий «место яйцекладки» и «время яйцекладки», то это, по сути, наиболее благоприятные места и периоды для воспроизводства и обеспечения жизнеспособности нового поколения рыб или водных животных.

Одним из отягчающих обстоятельств, предусмотренных частью 2 статьи 292 УК РА, является совершение данного правонарушения с использованием должностного положения лица. В этом случае речь идет о коррупционном преступлении с бланкетной диспозицией.

По поводу наличия указанного отягчающего обстоятельства в рамках рассматриваемого преступления мы выражаем наше недоумение. Так, согласно порядку, установленному действующим уголовным законодательством, в каждом случае, когда рассматриваемое преступление совершается лицом с использованием своего должностного положения, это деяние квалифицируется по правилам совокупности: с признаками злоупотребления должностными полномочиями (статья 308 УК РА) или превышения должностных полномочий (статья 309 УК РА), поскольку принято, что отягчающее обстоятельство рассматриваемого преступления не может существовать самостоятельно, без указания наличия одного из двух составов преступления. Именно здесь возникает проблема, связанная с принципом индивидуализации справедливости и ответственности уголовного законодательства, согласно которому запрещается вторично осудить лицо за то же самое преступление.

Как известно, непосредственный объект преступления – конкретное общественное отношение, нарушаемое в результате конкретного преступления, содержащего признаки данного вида состава преступления. Существуют также двубъектные (имеющие два непосредственных объекта) преступления, в которых выделяются основной непосредственный объект, нанесение ущерба которому является сущностью данного преступления, и дополнительный непосредственный объект – общественное отношение, которое нарушается или может нарушиться в случае данного вида преступления наряду с основным непосредственным объектом [4]. Объектом преступлений, направленных против государственной службы, является нормальная деятельность государственного аппарата (общественного аппарата управления).

Помимо основного объекта указанные преступления, в зависимости от конкретных обстоятельств, могут иметь дополнительный объект и нанести ущерб жизни, здоровью, собственности людей, нарушить конституционные и другие права и свободы людей.

При действующем законодательном регулировании получается, что если должностное лицо, используя свое должностное положение, совершает незаконную добычу водных животных и растений, то оно наносит ущерб и сохранению водных животных или водных растений, находящихся в естественной свободе, и общественным отношениям, обеспечивающим разумное пользование, и интересам государственной службы. Следовательно, логично, что в этом случае ответственность должна быть строже, чем в случае совершения рассматриваемого правонарушения частным лицом. Однако если деяние должностного лица квалифицируется совокупностью статьи 308 УК РА и пункта 1 части 2 статьи 292, то получается, что за злоупотребление должностными полномочиями должностное лицо привлекается к ответственности дважды: сначала устраивается наказание, предусмотренное статьей 292 УК РА, затем вступает в силу статья 308. А в случае признания утратившим силу пункта 1 части 2 статьи 292 должностное лицо будет привлечено к ответственности за злоупотребление своими полномочиями однократно – в рамках статьи 308, т. е. за указанное пре-

ступление должностное лицо будет привлечено к ответственности по части 1 статьи 292, а за злоупотребление должностными полномочиями – по статье 308 УК РА.

К указанной проблеме обращается также концепция проекта нового уголовного кодекса РА. В частности, в концепции, при характеристике существующего несовершенного состояния действующего уголовного кодекса, в качестве противоречия в пункте 1.5 (2) указано, что в действующем уголовном кодексе проблемой является вопрос отягчающих обстоятельств состава преступления. Во многих случаях они предусматриваются безосновательно и становятся причиной противоречий. К примеру, прекрасно известно, какие споры вызывает ситуация, когда в составе преступления в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено обстоятельство сочетания с иным преступлением. Это очень хорошо видно в связи с отягчающими обстоятельствами убийства. Всегда порождает споры вопрос, следует ли классифицировать деяние по совокупности преступлений. Если квалифицируем по совокупности, получается, что лицо за то же преступление наказывается дважды. А если удовлетворяемся лишь квалификацией только в качестве убийства с отягчающими обстоятельствами, то словно бы лицо подвергается ответственности за одно преступление. Решение вопроса – воздержание от предположения подобного рода отягчающих обстоятельств, в особенности если иметь в виду, что иные отягчающие обстоятельства (например, совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, с корыстными целями, убийство лица или его близких в связи с осуществлением этим лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга и др.) закрывают вопрос.

Более того, в концепции пунктом 1.5 закреплено, что особая часть уголовного кодекса, в числе иных принципов, должна быть обоснована и на следующем принципиальном положении. Так, неприемлемой является ситуация, наличествующая в действующем уголовном законодательстве, когда в качестве отягчающего состав преступления обстоятельства предусмотрено совершение иного правонарушения (например, убийство, сопровождаемое похищением человека или разбоем и т. п.). В подобных случаях не только возникают многочисленные проблемы, связанные с квалификацией деяния, но и нарушается принцип недопустимости двойного осуждения за одно и то же деяние. Следовательно, предусмотрение подобных отягчающих обстоятельств является неверным.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, считаем, что наше предложение признать утратившим силу пункт 1 части 2 статьи 292 УК РА можно рекомендовать не только в случае данного преступления: из статей Особой части исключить отягчающее обстоятельство «совершение лицом с использованием своего должностного положения». В этом случае квалификация деяния личности по совокупности преступлений не будет противоречить запрету на вторичное осуждение за то же самое деяние.

В то же время предлагается ввести изменения по части диспозиции. Для деяния, сходного с рассматриваемым преступлением, предусмотрена административная ответственность в Кодексе об административных правонарушениях РА (КоАП РА), в частности, в статье 88 (нарушение правил охраны животных, в том числе рыбных запасов, осуществления охоты и рыбалки, а также иных способов пользования животным миром), следовательно, мы предлагаем в качестве обязательного свойства объективной части состава преступления установить обстоятельство однократного привлечения к административной ответственности за последний год. Предусмотрение административной преюдиции обосновывается тем, что она позволит осуществить принцип экономии уголовного принуждения. В частности, этот принцип требует, чтобы уголовно-правовые средства воздействия приме-

нялись в случае, когда иные средства неэффективны. В данном случае обстоятельство совершения рассматриваемого уголовного правонарушения лицом, подвергнутым административному взысканию, свидетельствует о том, что административно-правовые средства были неэффективны и следует прибегнуть к уголовно-правовому инструментарию. Предлагаем также на примере статьи 32 Уголовного кодекса Беларуси предусмотреть в Общей части Уголовного кодекса РА административную и дисциплинарную преюдицию.

Рассматриваемое преступление в ином изложении представлено в статье 256 УК РФ «Добыча водных биологических ресурсов». Имеется отличие и в плане вариантов проявления объективной стороны, в частности, перечислены некоторые виды используемых методов массового уничтожения: с применением самоходных транспортных плавающих средств, взрывчатых, химических или электрических средств. В части 3 статьи в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено использование лицом своего служебного положения. Статья 281 УК Беларуси предусматривает уголовную ответственность за совершение указанного преступления при условии, что лицо за последний год должно быть подвергнуто административному штрафу за то же деяние. В части 3 той же статьи в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено совершение данного правонарушения такими средствами, принципы работы которых основаны на использовании электромагнитного поля, ультразвука, или посредством взрыва, совершенного должностным лицом с использованием своих служебных полномочий [5].

В связи с указанным преступлением статья 249 УК Украины [6], а также статья 110 УК Латвии не предусматривают отягчающих обстоятельств. Причем законодательный орган Латвии предусматривает ответственность за этот вид правонарушения в случае повторного его совершения в течение года. Статья 157 УК Эстонии предусматривает «собирательную» ответственность за незаконную рыбную ловлю, охоту и срез растений, однако относительно должностного лица повторного отягчающего обстоятельства не предусмотрено.

Статья 294 УК РА устанавливает ответственность за совершение незаконной охоты.

Для наличия преступления, предусмотренного частью 1 статьи 294 УК РА, необходимо, чтобы охота носила незаконный характер. Незаконной считается охота на диких животных или птиц, осуществляемая лицом, вообще не имеющим права на охоту (к примеру, не достиг соответствующего возраста, не является членом союза охотников, постановлением суда на определенный срок лишен права на охоту и др.) либо совершившим охоту без соответствующего разрешения или с нарушением условий охоты (сроков сезона охоты, территорий охоты, инструментов охоты, видов, количества животных, подлежащих охоте), а также в отношении животных, охота на которых вообще запрещена.

Охота с промышленными целями, согласно статье 24 Закона РА «О животном мире», принятого в 2000 году, осуществляется на основании лицензий и договоров, выдаваемых уполномоченным государственным органом. Что касается спортивной и научной охоты, то «Устав охоты и ведения охотничьего хозяйства на территории Армянской ССР», утвержденный Постановлением № 26 Совета Министров АССР, устанавливает, что спортивная охота на территории Армянской ССР разрешается на протяжении охотного сезона только по субботам и воскресеньям по путевке или лицензиям, а разрешения на научную охоту могут использоваться в любое время года, в зависимости от цели научного исследования. Охота на животных или птиц без указанных документов или с просроченным разрешением считается незаконной.

Разъяснение вопроса законности или незаконности охоты предполагает анализ таких норматив-

ных правовых актов, как «Основы законодательства Республики Армения об охране природы» от 09.07.1991, Закон РА «О природном мире» от 2000 года, принятый Постановлением Совета Министров АССР № 26 «Устав охоты и ведения охотничьего хозяйства на территории Армянской ССР» и др.

Не во всех случаях действия, направленные на незаконную охоту животных или птиц, уголовно наказуемы; необходимо, чтобы в объективной стороне преступления наличествовало одно из указанных проявлений. Законодатель завершение преступления в одном случае связывает с возникновением общественно опасного последствия (нанесение крупного ущерба), а в других случаях – с совершаемым деянием (например, совершение деяния на особо охраняемых природных территориях).

Понятие и размер крупного ущерба установлены в части 3 статьи 292 УК РА. Оценка характера причиненного ущерба должна осуществляться по каждому конкретному делу, с учетом экономической, научной и экологической ценности животных или птиц, количества пойманных животных и др. Стоимость пойманных животных определяется по тарифам, устанавливаемым нормативными правовыми актами.

Наземными транспортными средствами считаются автомобили, а также иные транспортные средства, запускаемые при помощи мотора. Незаконная охота считается совершенной с применением транспортного средства или самолета, если они непосредственно целевым образом использовались во время охоты, выступали в качестве средства совершения правонарушения. Случаи, когда транспортное средство служило в качестве средства передвижения, не могут считаться преступлениями, совершенными с применением наземных, водных или воздушных транспортных средств.

Уголовно наказуемой также считается незаконная охота на птиц и диких животных, охота на которых полностью запрещена. Это означает, что в отношении определенных видов животных или птиц во все времена года запрещено осуществление промышленной или спортивной (любительской) охоты. Эти животные представлены в 23 пункте Устава «Охоты и ведения охотничьего хозяйства на территории Армянской ССР», утвержденного Постановлением № 26 Совета Министров АССР от 21.01.1981 (например, запрещается охота на линяющих птиц), Красной книге животных, иных нормативных правовых актах.

Согласно статье 3 Закона РА «Об особо охраняемых природных территориях», принятого 17.12.1991, особо охраняемыми природными территориями являются те обособленные в установленном законом порядке участки наземных и подземных вод, недр, растительного и животного мира, которые представляют особую экологическую, научную, медицинскую, культурную, эстетическую ценность и полностью либо частично, временно либо постоянно не подвергаются экономической эксплуатации. Особо охраняемыми природными территориями являются государственные заповедники, национальные парки, государственные заповедные зоны, памятники природы.

Субъектом настоящего преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В случае когда незаконная охота осуществлена лицом с употреблением должностного положения, деяние квалифицируется по части 2 данной статьи в качестве совершенного при отягчающих обстоятельствах, в то же время уже считается коррупционным преступлением с бланкетной диспозицией.

Как в случае незаконной добычи водных животных и растений, так и в случае незаконной охоты мы с теми же обоснованиями выражаем свое недоумение в связи с рассмотрением использования лицом своего должностного положения в качестве отягчающего обстоятельства. Учитывая, что за деяние, подобное обсуждаемому пре-

ступлению, в качестве правонарушения предусмотрено административная ответственность и в КоАП РА, в частности, в статье 52 («Нарушение государственной собственности на фауну»), вновь предлагаем сделать обязательным признаком объективной стороны состава преступления обстоятельство однократного привлечения лица к административной ответственности в течение последнего года.

Почти такая же законодательная формулировка относительно рассматриваемого преступления дана и в части 2 статьи 258 УК РФ, которой в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено использование лицом своего служебного положения.

Статья 282 УК Беларуси предусматривает уголовную ответственность за указанное преступление при условии, что лицо на протяжении последнего года должно быть подвергнуто административному штрафу. В части 3 той же статьи в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено совершение данного правонарушения должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.

Статья 112 УК Латвии, устанавливая уголовную ответственность за рассматриваемое правонарушение, хоть и не причисляет к отягчающим обстоятельствам использование должностного положения, однако вновь в качестве обязательного признака состава преступления указывает обстоятельство повторного совершения лицом данного деяния в течение года.

Уголовную ответственность за данное преступление предусматривает и статья 248 УК Украины, в части 2 которой в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено совершение данного правонарушения должностным лицом при использовании своих служебных полномочий.

Статья 296 УК РА устанавливает ответственность за незаконную вырубку деревьев, кустарников и растительного покрова.

Для установления, является ли вырубка леса незаконной, необходимо обратиться к анализу таких нормативных правовых актов, как «Основы законодательства Республики Армения об охране природы», Закон РА «Об особо охраняемых природных территориях», Лесной кодекс РА и др. В частности, статья 17 Лесного кодекса РА устанавливает, что территории лесного фонда предоставляются на основании специальных документов: договора лесопользования, билета или ордера на вырубку леса, лесного билета. Договор лесопользования заключается между предприятиями, организациями, ведущими лесное хозяйство, и лесопользователями; в нем указываются описание границ предоставляемого для использования участка лесного фонда, вид, объемы лесопользования и другие данные. Билет на вырубку леса дает лесопользователю право на сбор и вывоз природного дерева и вторичного лесосырья. Лесной билет дает право на побочное лесопользование (скос травы, выпас скота, размещение ульев). Он предусматривает размеры, стоимость и условия лесопользования.

Уголовно наказуема не только вырубка леса, но и уничтожение запрещенных к порубке деревьев, кустарников на территориях лесного фонда, а также на территориях, не входящих в лесной фонд. Ответственность вызывает также уничтожение растительного покрова, считающегося государственной или частной собственностью, либо повреждение его до степени прекращения роста.

Состав преступления материален, обязательными признаками объективной стороны являются общественно опасное последствие в виде значительного ущерба и причинно-следственная связь между деянием и этим последствием. Размеры значительного, а также предусмотренных в качестве отягчающих обстоятельств крупного и особо крупного размера, приведены в статье 296. Субъектом преступления считается вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В случае

если правонарушение было совершено лицом с использованием должностного положения, этот поступок должен квалифицироваться частью 2 настоящей статьи в качестве совершенного в отягчающих обстоятельствах. В данном случае речь идет уже о коррупционном преступлении с бланкетной диспозицией. Во 2 и 3 частях статьи предусмотрены также отягчающие обстоятельства. В их число включен также случай совершения данного преступления в отношении видов деревьев и кустарников, занесенных в Красную книгу РА. Совершение рассматриваемого правонарушения в отношении видов деревьев или растительного покрова, занесенных в Красную книгу РА, проявляется при вырубке, уничтожении или повреждении до степени прекращения таких видов деревьев или травяного покрова, как *Hohenackeria*, *Rhizocephalus orientalis* и др.

Как в случае незаконной добычи водных животных и растений или незаконной охоты, так и в случае незаконной вырубке деревьев, кустарников и растительного покрова мы с теми же обоснованиями выражаем наше недоумение в плане рассмотрения использования должностного положения лицом в качестве отягчающего обстоятельства и в очередной раз предлагаем сделать обязательным признаком объективной стороны преступления обстоятельство однократного привлечения лица к административной ответственности за это деяние в течение одного года.

Относительно рассматриваемого преступления почти та же самая законодательная формулировка дана в статье 260 УК РФ, однако в качестве предмета преступления не предусмотрен растительный покров, считающийся государственной или частной собственностью. В части 2 данной статьи в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено использование лицом своего служебного положения. В статье, в отличие от отечественного законодательства, предусмотрено также совершение правонарушения со стороны группы, при предварительном согласовании группы или организованное группой. Однако в то же время вместо этого отсутствуют такие отягчающие обстоятельства, как случаи совершения преступления в особо охраняемых природных территориях или в отношении видов деревьев, занесенных в Красную книгу, либо в отношении растительного покрова.

Примечательно, что законодательный орган Беларуси как в случае незаконной добычи водных животных и растений, так и в случае незаконной охоты не предусматривает обязательное закрепленное условие для состава преступления, а именно: лицо за последний год должно быть привлечено к административному штрафу за то же деяние, в случае рассматриваемого преступления (статья 277 УК). Помимо этого, в качестве отягчающего обстоятельства не предусматривается и злоупотребление должностным положением.

В отношении указанного преступления статья 246 УК Украины, а также статья 109 УК Латвии не предусматривают злоупотребление должностным положением в качестве отягчающего обстоятельства.

Таким образом, обобщая результаты исследования коррупционных преступлений с бланкетной диспозицией, направленных на безопасность окружающей среды и особенности их классификации, предлагаем:

1. Список коррупционных преступлений, утвержденный Приказом Генерального прокурора РА № 82 от 19 ноября 2008 года, а также дополненный Приказом Генерального прокурора РА № 12 от 19 марта 2013 года, необходимо в очередной раз доработать, включив в него в качестве коррупционных преступлений:

а) пункт 1 части 2 статьи 292 УК РА (незаконная добыча водных животных и растений, совершенная с использованием должностного положения),

б) пункт 1 части 2 статьи 294 УК РА (незаконная охота, совершенная с использованием должностного положения),

в) пункт 1 части 2 статьи 296 УК РА (незаконная вырубка деревьев, кустарников и растительного покрова, совершенная с использованием должностного положения).

2. На примере статьи 292 УК РА представить предложение о том, чтобы не квалифицировать деяние должностного лица по правилам совокупности преступлений не только в случае преступлений, направленных против безопасности окружающей среды, но и в случае других преступлений, тем самым исключив и устранивотягчающее обстоятельство «использование должностного положения».

3. Внести изменения по части диспозиции в коррупционные преступления с бланкетными диспозициями, направленные против безопасности окружающей среды. Предлагается в качестве обязательного признака объективной стороны состава преступления сделать обстоятельство однократного привлечения лица к административной ответственности за это деяние в течение года, а также по примеру статьи 32 Уголовного кодекса Беларуси закрепить административную и дисциплинарную преюдицию в Общей части Уголовного кодекса РА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О животном мире: закон Республики Армения от 03.04.2000 г. // Законодательство стран СНГ. URL: base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7454.
2. Об особо охраняемых природных территориях: закон Республики Армения от 17.12.1991 г. // Законодательство стран СНГ. URL: base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2973.
3. О тарифах платы за природопользование: постановление Правительства Республики Армения № 864 от 30 декабря 1998 г. // Организация экономического сотрудничества и развития. URL: oecd.org/env/outreach/40977076.pdf.
4. Уголовное право Республики Армения. Общая часть. Ереван: ЕГУ, 2011. 260 с.
5. Уголовный кодекс Республики Армения. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 446 с.
6. Уголовный кодекс республики Украина // Legislationline. legislationline.org/download/action/download/id/3814/file/Ukraine_CC_2001_am_2010_ru.pdf.

FEATURES OF QUALIFICATIONS OF CORRUPTION CRIMES WITH BLANKET DISPOSITIONS AGAINST THE SAFETY OF THE ENVIRONMENT (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

© 2016

A.Zh. Ayvazyan, applicant of the Criminal Law and Legal Proceedings Chair
Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan (Republic of Armenia)

Keywords: environmental security; illegal hunting; aquatic animals and plants; illegal hunting of animals and plants; forestry fund.

Abstract: The article presents crimes against the safety of the environment, considered corruption crimes with blanket dispositions. At the same time it proposes to eliminate “use of official position” aggravating circumstance and enter the change on the part of the disposition, namely, to make the circumstance of bringing to administrative responsibility once in the past year a mandatory feature of the objective side of the offense, and fix administrative disciplinary and prejudice in the General Part of the Criminal Code of RA. Comparative legal study comparing the legislation of foreign states has been conducted on the topic, the differences in legislative securing have been disclosed, and opinions on them arose, presenting legal comments and justifications.

З.В. Беляева, магистрант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; правомерное поведение; правонарушитель; проступок; преступление; правонарушение.

Аннотация: В статье рассмотрена общая характеристика юридической ответственности. Для определения ее сущности выделены: основание юридической ответственности, которым является правонарушение, будь то преступление или проступок; признаки, по которым возможно определить, что относится к юридической ответственности, а также виды юридической ответственности и ее меры в зависимости от характера правонарушения.

Основанием возникновения юридической ответственности является правонарушение – противоправное деяние или бездействие субъекта, повлекшее нанесение вреда общественным отношениям, определенным группам лиц или одному лицу и его интересам. Правонарушение является действием, противоположным правомерному поведению. Оно, в свою очередь, предполагает осуществление прав и обязанностей субъекта в рамках, установленных законодательством РФ и в соответствии с ними.

Рассматривая правонарушение как общественно опасное деяние, следует обратить внимание на его перспективный характер. Результатом любого противоправного деяния будет ущемление интересов и прав других субъектов. Правонарушения классифицируются по степени вреда, нанесенного таким интересам и общественным отношениям в целом, как проступки и преступления.

Нормальной считается ситуация, когда за любой нанесенный вред виновное лицо должно понести наказание. Оно выражено в форме денежной компенсации морального или материального ущерба, лишения или ограничения каких-либо субъективных прав. Также наказание может быть выражено в возникновении дополнительных обязательств у правонарушителя, таких как уплата штрафа, неустойки, пени.

Все вышеперечисленные меры представляют собой характеристику и элементы перспективного характера правонарушения, которое выражено в равенстве «правонарушение – ответственность». Юридическая ответственность неразрывно связана с государством, нормами права, обязанностью и противоправным поведением граждан. Кроме того, важно учесть, что юридическая ответственность субъектов определена независимо от их воли и желаний, она носит государственно-принудительный характер.

Под государственным принуждением понимается специфическое воздействие на поведение людей, которое побуждает к исполнению норм права.

Юридической ответственности присущи несколько функций. Основное назначение юридической ответственности – штрафное или карательное воздействие. Следует отметить тот факт, что, наряду с карательной, юридическая ответственность выполняет и превентивную функцию. Она заключается в побуждении субъектов к правомерному поведению с психологической точки зрения (каждый знает, что за правонарушение наступит ответственность, поэтому лучше не совершать противоправного деяния во избежание ответственности). Наряду с наказанием юридическая ответственность выполняет правосстановительную функцию – позволяет восстановить нарушенные права личности или государства.

Для реализаций функций юридической ответственности установлены основные принципы юридической ответственности: законность, обоснованность, справедливость, целесообразность, неотвратимость. Их характеристика представлена на рис. 1.

Юридическая ответственность воздействует на сознание людей, побуждая их к совершению правомерных

действий, и представляет собой механизм применения мер государственно-принудительного воздействия к правонарушителю. Эта особенность является отличительной чертой правовой ответственности от других видов социальной ответственности. Следует также отметить, что юридическая ответственность для правонарушителя всегда взаимосвязана с определенными лишениями, т. е. она сопровождается причинением виновному отрицательных последствий путем ущемления или ограничения его личных, имущественных и прочих интересов. В этом случае лишения – естественная реакция общественности на вред, причиненный правонарушителем обществу, государству или отдельной личности. Другими словами, лишения обусловлены необходимостью реализации дополнительных неблагоприятных последствий, возникающих только при правонарушении.

Юридическая ответственность взаимосвязана с санкцией правовой нормы и в этом качестве является принудительно исполняемой обязанностью, которая возникает в связи с правонарушением и реализуется в конкретном правоотношении.

Правонарушение – основание для юридической ответственности. Особое значение играет состав правонарушения, который представляет собой фактическое основание для юридической ответственности. Норма права, в свою очередь, также является правовым основанием, без которого невозможно применение юридической ответственности.

Правонарушение указывает на момент возникновения юридической ответственности и порождает определенные правоотношения и соответствующую ответственность лица, которое его совершило. В научной литературе выделяют следующие этапы реализации юридической ответственности:

- 1) совершение и выявление правонарушения;
- 2) оценка правонарушения как основание юридической ответственности;
- 3) возникновение и реализация юридической ответственности, соответствующей конкретному правонарушению;
- 4) применение мер юридической ответственности к правонарушителю.

Юридическая ответственность характеризуется следующими основными признаками, представленными на рис. 2.

Указанные признаки юридической ответственности являются обязательными: отсутствие хотя бы одного из них свидетельствует об отсутствии юридической ответственности и позволяет отграничивать ее от других правовых и неправовых категорий.

В соответствии с видами правонарушений, выделяют классификацию юридической ответственности.

Уголовная ответственность наступает за совершение преступлений и представляет собой наиболее суровый вид юридической ответственности. Только наличие в действиях индивида состава уголовного преступления является основанием для возникновения уголовной ответственности. Уголовная ответственность воздействует

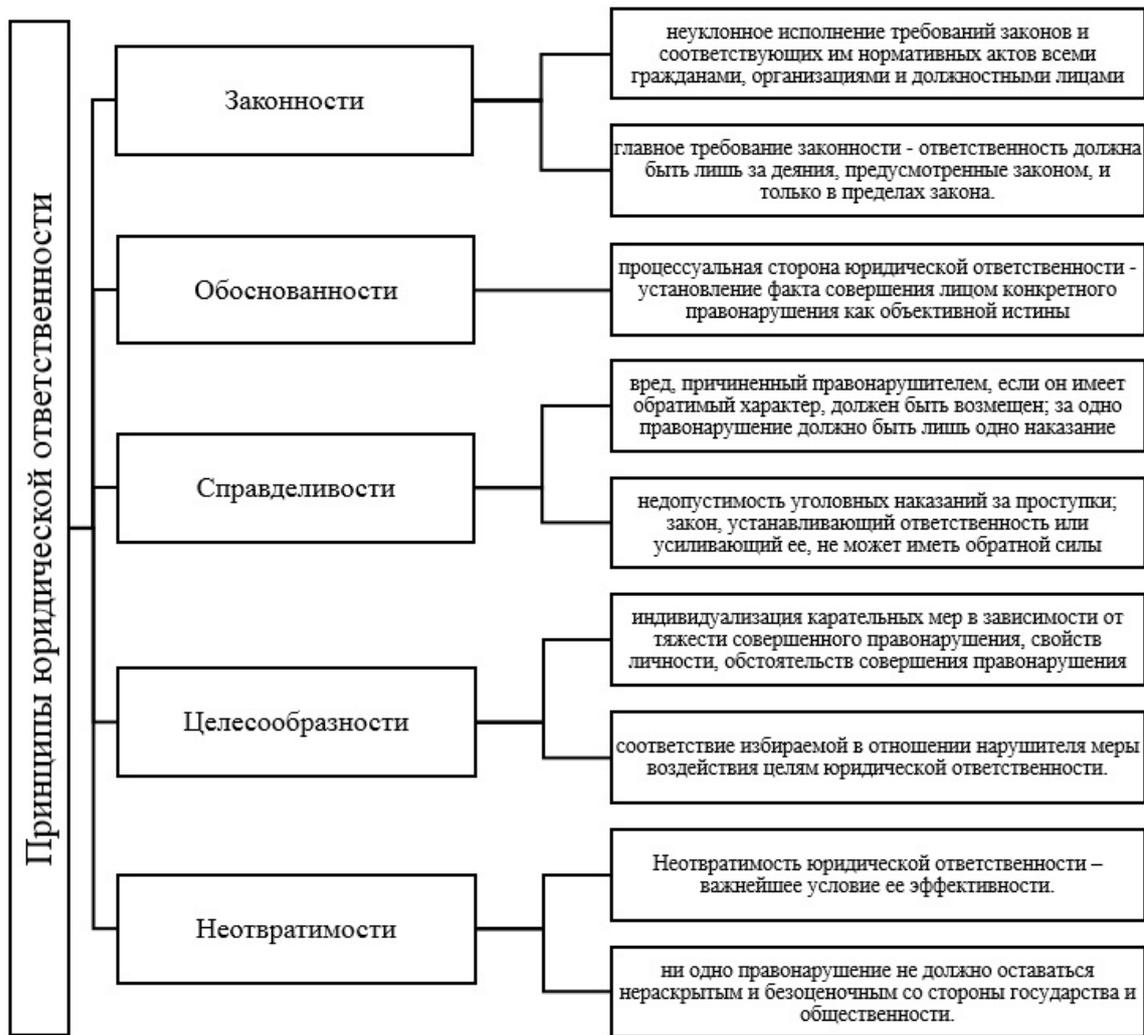

Рис. 1. Принципы юридической ответственности

Рис. 2. Признаки юридической ответственности

непосредственно на личность преступника, даже если при этом наказание сопровождается ограничением его личных имущественных прав. Уголовное судопроизводство осуществляется в строго регламентированной процессуальной форме, которая обеспечивает установление объективной истины по делу и наказание виновных лиц.

Уголовная ответственность подразделяется на позитивную – соблюдение предписанных норм субъектами – и негативную – применение государственных репрессивных мер к преступнику. В России уголовная ответственность предусмотрена исключительно для физических лиц. Если организация замешана в преступлении, то наказание несут её руководители или сотрудники, принимавшие участие в преступлении.

Примером уголовного правонарушения и ответственности за него является экоцид – массовое уничтожение животного мира. Санкция по статье 358 Уголовного кодекса РФ носит альтернативный относительно определённый характер и предусматривает назначение в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет [1].

Гражданско-правовая ответственность предусмотрена за нарушение договорных обязательств или за причинение внедоговорного имущественного ущерба. Ей характерны определённые черты, специфичные данной отрасли права и предмету ее регулирования. Наиболее характерными санкциями являются возмещение правонарушителем имущественного вреда и восстановление нарушенного права. Закон предусматривает также возможность взыскания с виновного в нарушении договорных обязательств неустойки в виде штрафа или пени, и в этом проявляется ее компенсационный и правостановительный характер. Примером гражданско-правовой ответственности является нарушение передачи товаров надлежащего качества по договору поставки. В соответствии со статьей 475 Гражданского кодекса РФ, если недостатки товара не были оговорены продавцом, покупатель, которому передан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать от продавца:

- соразмерного уменьшения покупной цены;
- безвозмездного устранения недостатков товара в разумный срок;
- возмещения своих расходов на устранение недостатков товара.

Административная ответственность – следствие совершения административных правонарушений. Через институт административной ответственности реализуются нормы различных отраслей права (административного, трудового, хозяйственного, финансового и др.), поэтому круг актов, имеющих к ней отношение, весьма многочислен. Центральное место среди них занимает Кодекс РФ об административных правонарушениях. В

нем предусмотрены такие меры административной ответственности, как предупреждение, штраф, возмездное изъятие или конфискация определенных предметов, временное лишение специального права, исправительные работы, административный арест. Например, статья 15.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусматривает ответственность за нарушение сроков представления налоговой декларации [2]. Так, несвоевременное представление налоговой декларации в налоговый орган по месту учета влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от трехсот до пятисот рублей.

Дисциплинарная ответственность наступает вследствие совершения дисциплинарных проступков. Статья 192 Трудового кодекса РФ устанавливает, что за совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания:

- 1) замечание;
- 2) выговор;
- 3) увольнение по соответствующим основаниям.

Осуществляется дисциплинарная ответственность через должностных лиц, обладающих дисциплинарной властью.

Последний вид ответственности – *материальная* – наступает за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации рабочими и служащими при исполнении ими своих трудовых обязанностей. Например, недостача в кассе денежных средств. По статье 238 «Материальная ответственность работника за ущерб, причиненный работодателю» Трудового кодекса РФ, работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб. Так, с виновного сотрудника, у которого выявлена недостача в кассе, взыскивается сумма причиненного ущерба, которая не должна превышать среднемесячный заработок, и только с письменного распоряжения руководства.

Таким образом, рассмотрена общая характеристика юридической ответственности. Для определения ее сущности выделены: основание юридической ответственности, которым является правонарушение, признаки и принципы юридической ответственности, а также виды юридической ответственности и ее меры в зависимости от характера правонарушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2013. 192 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: Книга-сервис, 2003. 254 с.

GENERAL CHARACTERISTICS OF LEGAL LIABILITY

© 2016

Z.V. Belyaeva, graduate student

Keywords: legal responsibility; good behavior; offender; misdemeanor; crime; offense.

Abstract: The article describes the general characteristics of legal liability. To determine the nature of its defined: a base of legal responsibility, which is an offense, whether a crime or a misdemeanor, the signs by which it is possible to determine that refers to legal responsibility, as well as the types of legal liability and its action depending on the nature of the offense.

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕГ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОТРАСЛЕВЫХ СТРАТЕГИЯХ, ПРОГРАММАХ И ПРАВОВЫХ АКТАХ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2016

А.П. Бошнаган, начальник отдела аппарата Совета национальной безопасности Республики Армения, соискатель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики *Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Республика Армения)*

Ключевые слова: стратегия; противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма.

Аннотация: Отмывание денег и финансирование терроризма как преступления транснационального характера являются угрозами национальной безопасности. В статье рассматриваются законодательные, институциональные и организационные меры профилактики с этими видами преступлений, содержащиеся в положениях стратегии национальной безопасности Республики Армения и других источниках.

Стратегия национальной безопасности страны утверждена Указом Президента Республики Армения от 7 февраля 2007 года № НГ-37-Н «Об утверждении стратегии национальной безопасности Республики Армения». В преамбуле документа стратегия национальной безопасности (далее – стратегия нацбезопасности) определяется как «система государственной политики по обеспечению безопасности и стабильного развития государства, общества и личности и сохранения армянской идентичности. Она осуществляется во всех сферах жизнедеятельности путем разработки и реализации единой государственной политики, основанной на системе демократических ценностей» [1]. Основополагающими ценностями нацбезопасности Республики Армения (РА) являются: независимость, защита государства и народа, мир и международное сотрудничество, сохранение армянской идентичности и процветание, а в качестве действий и факторов, обеспечивающих их существование, в стратегии указаны, в частности, углубление и укоренение рыночных отношений, стимулирование наукоемких, инновационных, ориентированных на экспорт отраслей экономики.

Среди внешних угроз отмечены международных терроризм во всех его проявлениях, распространение и транзит оружия массового уничтожения, отмывание денег, торговля людьми, а в числе внутренних угроз – вызовы, направленные против создания рыночной экономики и финансово-бюджетного регулирования. Это неудовлетворительный уровень формирования справедливой конкурентной среды и управления естественными монополиями, большие объемы теневой экономики и наличного денежного обращения, препятствующие экономическому росту, развитию свободной торговли, малого и среднего бизнеса, привлечению и защите инвестиций.

Представляется обоснованным отнести отмывание денег (ст. 190 УК РА) и к внутренним угрозам, поскольку, хотя этот состав и является транснациональным, однако непосредственным объектом посягательства являются общественные отношения, возникающие в сфере законного, свободного предпринимательства в данной стране [2]. Вряд ли обосновано отсутствие в стратегии в качестве внутренней и внешней угрозы другого преступления транснационального характера – финансирования терроризма (ст. 217.1 УК РА), имеющего и внутригосударственную, и международную направленность. Нет никаких предпосылок полагать, что в обозримом будущем степень общественной опасности деяния может снизиться.

В стратегии нацбезопасности РА выделены два самостоятельных раздела: стратегия внутренней безопасности и стратегия внешней безопасности.

Стратегия внутренней безопасности в качестве меры обеспечения эффективного государственного управления предусматривает усиление борьбы с коррупцией, в частности, взяточничеством – основным преступлени-

ем по отношению к отмыванию денег. С этой целью в стране реализовывают государственные перспективные программы, в их числе уже третья антикоррупционная стратегия, программы совершенствования систем административного правосудия и электронного управления, разрабатывается пакет законодательных предложений о введении института уголовной ответственности юридических лиц. В качестве фундаментальной задачи, имеющей целью охрану конституционного строя, обеспечение приоритета права и нормальной деятельности законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, указана необходимость проведения стратегических реформ в области правоохранительной деятельности.

В качестве средства борьбы с упомянутыми внутренними угрозами в стратегии указано функционирование либеральной экономики, призванной обеспечить: а) дальнейшее развитие рыночных отношений; б) повышение конкурентоспособности экономики; в) обеспечение макроэкономической и финансовой стабильности и развитие финансовой системы; г) углубление финансового посредничества; д) улучшение конкурентной среды, сокращение теневое сегмента экономики и существенное уменьшение ее долларизации; е) пресечение монополизации тех или иных отраслей экономики, эффективное управление естественными монополиями и контроль за их деятельностью; ж) реализацию перспективной программы стимулирования инвестиций; з) соразмерное территориально-отраслевое социально-экономическое развитие и эффективное управление инфраструктурами; и) приоритет применения наукоемких и экологически чистых технологий в структуре экономики; к) стимулирование экспорта. Целями достижения нового качества жизни и морально-психологического климата являются, в частности, укоренение социальной справедливости и ликвидация социальной поляризации общества.

Одним из основных направлений реализации стратегии внешней безопасности является участие Армении в международных межгосударственных и иных профильных организациях (FATF, GRECO, MONEYVAL, Egmont Group и др.) и общезначимых программах по борьбе с отмыванием денег, международным терроризмом и его финансированием.

На основании положений стратегии нацбезопасности РА утверждены отраслевые стратегии и программы, а правительством приняты постановления по их реализации.

Так, программа противодействия организованной преступности была утверждена распоряжением Президента РА от 29 декабря 2011 года № НК-232-Н «Об утверждении национальной программы повышения эффективности борьбы с организованной преступностью в Республике Армения». В соответствии с положениями документа организованная преступность имеет различные проявления, например, как «способ спасти доходы, полученные преступным путем (злостное уклонение от

уплаты налогов, отмывание денег)... как средство легализации собственной (преступной. – А.Б.) деятельности (создание формальных предприятий) и т. д.» [3]. Среди целей программы подчеркивается необходимость подрыва экономической основы организованной преступности, применение против нее реальных, действенных методов борьбы, а среди задач – обеспечение экономической безопасности государства путем решительной борьбы против разнохарактерных посягательств в отношении государственной и частной собственности, усиления контроля в сферах сбора налогов, банковских и других обязательных выплат, финансово-кредитных отношений, предупреждения коррупционных проявлений во всех уровнях власти.

Организационная деятельность правоохранительных и других государственных органов в борьбе с организованной преступностью предусматривает приложение целенаправленных усилий, в частности, в следующих направлениях: предупреждение и раскрытие случаев легализации доходов, полученных преступным путем; организация информационно-аналитической и методической работы; эффективное использование статистических и иных данных о преступности; интеграция информационных баз компетентных органов (информбаз полиции, Минфина, комитета государственных доходов, центра финансового мониторинга Центробанка РА); совершенствование особого режима регулирования и внутреннего контроля тех финансовых организаций, которые наиболее уязвимы с точки зрения отмывания денег, и чья деятельность связана с международными финансовыми отношениями; осуществление стратегических анализов преступлений, являющихся источниками преступных доходов, рисков отмывания денег и финансирования терроризма, на основании результатов анализов составление наиболее распространенных типологий этих деяний и их использование с целью повышения эффективности борьбы с организованной преступностью.

Одними из основных направлений борьбы с организованной преступностью являются: разложение ее экономической базы, объединение усилий правоохранительных и других государственных органов, неправительственных организаций и граждан; совершенствование правового регулирования экономических отношений, а также усиление контроля за исполнением требований законодательства, ужесточение ответственности за их нарушение; совершенствование методов, средств и форм противодействия коррупции и экономическим преступлениям путем объединения сил правоохранительных, контролирующих, финансовых и других органов [4]; разработка проекта закона «Об утверждении порядка создания и эксплуатации информационной системы об экономической деятельности физических и юридических лиц».

На основании Постановления Правительства РА от 26 апреля 2012 года № 533-Н «Об утверждении графика мероприятий по обеспечению осуществления положений национальной программы повышения эффективности борьбы против организованной преступности в Республике Армения» осуществлены меры законодательного характера по приведению в соответствие с международными нормами законодательства РА о противодействии организованной преступности, отмыванию денег и финансированию терроризма. С целью обеспечения координации действий субъектов оперативно-розыскной деятельности, в особенности проведения комплексных межведомственных мероприятий по реализации информации об организованных преступных группах и сообществах, в системе полиции, службы нацбезопасности, прокуратуры, Минобороны, комитета государственных доходов и Центробанка РА были сделаны шаги по созданию единой информационно-вычислительной сети и базы данных, а также внедрению современных технологий и программно-технических средств [5].

Национальная стратегия по борьбе с терроризмом утверждена распоряжением Президента РА от 16 апреля 2012 года № НК-51-Н «Об утверждении национальной стратегии по борьбе с терроризмом в Республике Армения». Согласно стратегии одной из характерных особенностей современного терроризма является повышение уровня его финансирования и материально-технической оснащенности, поэтому в противостоянии терроризму наиболее важное значение придается нейтрализации финансирования международных террористических организаций, а в ряду основных мер профилактики – совершенствованию законодательства о пресечении материального содействия терроризму и экстремизму и обеспечению неотвратимости наказания за их финансирование [6]. Учитывая, что в числе 7 стратегических мер борьбы с терроризмом, предусмотренных Конвенцией Совета Европы «О борьбе с терроризмом» 2004 года, отмечена нейтрализация возможностей террористов и террористических организаций в отношении использования финансовых средств, в рамках международного антитеррористического сотрудничества РА направила основные усилия, в частности, на участие в практических мероприятиях по выявлению источников финансирования международного терроризма.

Согласно Постановлению Правительства РА от 22 ноября 2012 года № 1473-А «Об утверждении программы-графика мероприятий по обеспечению осуществления положений национальной стратегии по борьбе с терроризмом» в 2012–2015 годах проведены следующие мероприятия: продолжены работы по приведению в соответствие с международными стандартами законодательства РА об отмывании денег и финансировании терроризма; подготовлены специалисты и организовано повышение профессиональной квалификации работников государственных компетентных органов, в частности, Центробанка РА и подотчетных лиц, с целью развития навыков по борьбе с финансированием терроризма; выполнены рекомендации МВФ и MONEYVAL согласно отчету по итогам 3-го оценочного раунда системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма и представлен 2-ой отчет Центробанка РА о прогрессе в этом направлении; обеспечено участие в работе международных организаций, осуществляющих деятельность в сфере борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма [7]. В РА завершено выполнение мероприятий законодательного и институционального характера, предусмотренных «Национальной стратегией борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма 2010–2013 гг.» от 26.03.2010 и «Национальной стратегией борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма 2013–2015 гг.» от 25.10.2012, утвержденной Межведомственной комиссией РА по вопросам борьбы с фальшивомонетчеством, мошенничеством в области пластиковых карт и иных платежных инструментов, отмыванием денег, а также финансированием терроризма [8].

Группа специальных экспертов по оценке мероприятий против отмывания денег и финансирования терроризма Совета Европы (MONEYVAL) в посвященном Армении докладе за 2015 год по итогам 5-го оценочного раунда отметила, что в период с 2009 года по настоящее время с точки зрения профилактики преступлений в стране зафиксирован заметный прогресс: создана законодательная база по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, повышена эффективность превентивной деятельности финансовой сферы. Отмечается также, что действуют довольно эффективные механизмы предупреждения этих деяний и анализа финансовых данных, которые, однако, часто неэффективно используются правоохранительными органами для выявления и изъятия преступных доходов. Эксперты сочли, что для отмывания денег наиболее уязвимы сфера экономики, банковская система и рынок недвижимости, а наиболь-

шие риски отмыывания денег возникают в результате совершения мошенничества, а также при злостном уклонении от уплаты налогов, пошлин и других обязательных выплат, контрабанде и хищении имущества путем присвоения [9].

Стратегия борьбы против наркомании и незаконного оборота наркотиков утверждена распоряжением Президента РА от 30 декабря 2014 года № НК-226-Н «Об утверждении национальной стратегии о борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков в Республике Армения». Ранее в стране была реализована утвержденная распоряжением Президента РА от 25 сентября 2009 года «Национальная программа 2009–2012 гг. о борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков в Республике Армения», в рамках которой в соответствии с Постановлением Правительства РА от 15 июля 2010 года № 892-н «Об утверждении графика мероприятий, предусмотренных Национальной программой 2009–2012 гг. о борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков в Республике Армения» были предприняты меры по неукоснительному предупреждению легализации доходов, полученных от наркобизнеса [10].

Согласно стратегии от 30 декабря 2014 года, наркоситуация в РА продолжает вызывать обеспокоенность и характеризуется, в частности, слабым взаимодействием государственных компетентных органов, призванных предупреждать и раскрывать случаи легализации доходов, полученных от наркобизнеса, и низкой эффективностью борьбы с организованными формами преступлений, связанных с наркотиками. С точки зрения противодействия отмыыванию денег предусматривается решение ряда стратегических задач, в их числе – с вовлечением полиции и Службы национальной безопасности при Правительстве РА, прокуратуры, комитета государственных доходов и других взаимодействующих госструктур пресекать отток наркотиков, психотропных и сильнодействующих веществ и их прекурсоров из сферы законного оборота в сферу незаконного, а в числе ожидаемых результатов – предупреждение легализации преступных доходов [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении стратегии национальной безопасности Республики Армения и Стратегия национальной безопасности Республики Армения: указ Президента Республики Армения от 7-го февраля 2007 г., № НГ-37-Н: преамбула, раздел 1-ый, п.п.1, 2, 3; раздел 2-ой, п.п.1, 3, 4; раздел 4-ый, п.1 // Национальная статистическая служба Армении. URL: arlis.am.
2. Якимов О.Ю. Легализация (отмыывание) доходов, приобретенных преступным путем (уголовно-правовые и уголовно-политические проблемы). СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 260 с.
3. Об утверждении национальной программы повышения эффективности борьбы с организованной преступностью в Республике Армения и Национальная программа повышения эффективности борьбы с организованной преступностью в Республике Армения: распоряжение Президента РА от 29-го декабря 2011 г. № НК-232-Н: глава 2-ая, п.п.9, 10, 13 // Национальная статистическая служба Армении. URL: arlis.am.
4. Батяева А.Р., Матушкин А.В., Прошунин М.М., Финансовый мониторинг и коррупция: правовая взаимосвязь // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2009. № 3. С. 19–27.
5. Об утверждении графика мероприятий по обеспечению осуществления положений национальной программы повышения эффективности борьбы против организованной преступности в РА: постановление правительства РА от 26.04.2012г. № 533-Н // Национальная статистическая служба Армении. URL: arlis.am.
6. Об утверждении национальной стратегии по борьбе с терроризмом в Республике Армения и Национальная стратегия по борьбе с терроризмом в РА: распоряжение Президента РА от 16-го апреля 2012 г. № НК-51-Н: глава 1-ая, п.5; глава 2-ая, п.п.32, 35; глава 4-ая, п.43, подпункт (далее пд.п) 7; глава 5-ая, п.51, глава 6-ая, п.58, пд.п 3; глава 8-ая, п.67, п.дп 3; глава 9-ая, п.72, пд.п 2 и п.79, пд.п 3 // Национальная статистическая служба Армении. URL: arlis.am.
7. Об утверждении программы-графика мероприятий по обеспечению осуществления положений национальной стратегии по борьбе с терроризмом: постановление правительства РА от 22-го ноября 2012 г. № 1473-А // Национальная статистическая служба Армении. URL: arlis.am.
8. Цагикян С.Ш., Бошнагян А.П., Задачи совершенствования уголовного законодательства Республики Армения о легализации доходов, полученных преступным путем // Формирование комфортной правовой среды как вектор развития российского законодательства: сборник научных статей по материалам 10-ой международной конференции. Ростов н/Д.: АзовПечать, 2015. С. 110–111.
9. Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures. Armenia. Fifth Round Mutual Evaluation Report Strasbourg. URL: coe.int/t/dghl/monitoring/moneyval/Evaluations/round 5/.
10. Об утверждении графика мероприятий, предусмотренных Национальной программой 2009-2012 гг. о борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков в Республике Армения: постановление правительства РА от 15-го июля 2010 г. № 892-Н // Национальная статистическая служба Армении. URL: arlis.am.
11. Об утверждении национальной стратегии о борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков в Республике Армения и Национальная стратегия о борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков в РА: распоряжение Президента РА от 30-го декабря 2014 г. № НК-226-Н // Национальная статистическая служба Армении. URL: arlis.am.

**ISSUES ON COMBATING MONEY LAUNDERING AND TERRORIST FINANCING
IN THE NATIONAL SECURITY STRATEGY, SECTORAL POLICIES, PROGRAMS
AND LEGAL ACTS OF THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
(CRIMINOLOGICAL ASPECT)**

© 2016

A.P. Boshnaghyan, chief of the division of the staff of National Security Council of the Republic of Armenia,
applicant of Chair of criminal law and criminal procedural law of Law and Policy Institute
Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan (Republic of Armenia)

Keywords: strategy; combating money laundering and terrorist financing.

Abstract: Money laundering and terrorist financing, as the transnational nature of the crime, are threats to national security. The article deals with the legislative, institutional and organizational measures preventing these kinds of crimes prescribed by the provisions of the National Security Strategy of the Republic of Armenia and other sources.

Ключевые слова: рейдерство; признаки рейдерства; виды рейдерства; гринмейл; методы рейдерства; недружественное поглощение.

Аннотация: Статья посвящена раскрытию сущности рейдерства в гражданско-правовом аспекте. Дано определение рейдерства с учетом различных подходов к указанному понятию, его признакам. Приведена его классификация, обозначены основные виды. Раскрыто соотношение понятий «рейдерство» и «недружественное поглощение».

Тема рейдерства в современной России актуальна до сих пор. Свидетельство тому вовсе не увеличение статистики по возбужденным уголовным делам за подобные преступления, а провал Федерального закона от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], который также называют «законом об амнистии капиталов». В современной России бенефициары любого уровня бизнеса предпочитают оставаться в тени. Основной причиной этого является обеспечение защиты информации о собственниках от всевозможных рейдеров, коррумпированных чиновников и правоохранительных органов. Отсутствие доступа к информации о лицах, контролирующей компанию, существенно затрудняет возможности рейдеров требовать уступить предприятие за бесценок.

Современной России уже двадцать пять лет, и такое явление, как рейдерство, берет свое начало как раз во времена появления частной собственности после распада СССР. Несмотря на это, до настоящего момента определение рейдерства на законодательном уровне не закреплено, отсутствует его точное понимание в правоприменительной практике и научно-исследовательских областях.

На сегодняшний день данное явление может рассматриваться в разнообразных аспектах, над его изучением работают не только юридические науки.

Выделяются несколько подходов к пониманию рейдерства, среди них правовой, экономический, общественный, социальный. Каждый из этих подходов, в свою очередь, может разделиться на те или иные направления. Так, правовой подход включает в себя гражданско-правовой и уголовно-правовой аспекты.

Рейдерство на начальном этапе рассматривалось как некий феномен в экономике, но с учетом использования незаконных или якобы законных методов в операциях по захвату предприятий, собственности, активов рейдерство стало изучаться в правовой сфере.

Некоторые особенности рейдерства зависят от тех процессов, которые происходят в экономике, обществе, государстве. Последствия рейдерских захватов касаются практически всех сфер общества. Вот поэтому, в силу такого разнообразного характера данного явления, оно является объектом исследования в разных науках. Естественно, что каждая из наук старается акцентироваться на тех свойствах рейдерства, которые выступают предметом ее изучения и исследования.

В настоящее время, как уже было упомянуто, нет общепринятого понимания рейдерства. Среди ученых существует множество точек зрения на то, что понимается под таким явлением, как рейдерство. И это, прежде всего, обусловлено областью науки, в которой происходит исследование.

С учетом обозначенных причин в настоящий момент имеется большое количество разнообразных определений термина рейдерства, которые существенно отличаются друг от друга, а иногда даже противоречат друг другу.

Изначально сам термин «рейдерство» происходит

от английского слова *raid* – «набег, налет», которое используется применительно к одиночным надводным вооруженным кораблям, уничтожающим во время боевых операций вспомогательные суда противника.

Укрупненно выделяются следующие подходы к определению рейдерства: правовой, экономический и экономико-правовой. В большей степени остановимся на правовом определении. В этом случае рейдерство рассматривается с позиции юриспруденции, даются характеристики этому явлению с правовой точки зрения.

К примеру, А.В. Габов и А.Е. Молотников в статье «Рейдерство как правовое явление» определяют рейдерство как «захват имущества (ценных бумаг, производственных мощностей и бизнеса в целом – предприятия как объекта имущественных прав) помимо воли его собственника с применением средств и способов криминального характера (во всех известных случаях имели место элементы коррупции), а также приобретение крупных пакетов акций (поглощение) помимо установленной процедуры и воли менеджмента поглощаемой компании (первый вид рейдерства используется в отношении юридических лиц любых организационно-правовых форм; второй – только в отношении открытых акционерных обществ)» [2].

Другие авторы под этим явлением понимают:

– «недружественное поглощение имущества, которое осуществляется с использованием недостаточности правовой базы и с коррупционным использованием государственных, административных и силовых ресурсов» [3];

– «незаконное приобретение права на осуществление управленческой (организационно-распорядительной или административно-хозяйственной) функции юридическим лицом с целью распоряжения его имуществом» [4];

– «тщательно спланированная система деятельности, направленная на получение чужой компании, осуществляющей предпринимательскую и (или) иные виды экономической деятельности, которая, как правило, включает в себя сочетание незаконных, полужаконных (не прописанных в законе, иными словами – противоправных, но не нашедших законодательного запрета) и законных способов приобретения привлекательного, но чужого бизнеса» [5].

Стоит также отметить определение А.А. Лабутина: «Рейдерство (недружественное поглощение предприятий или корпоративный захват предприятий) – это захват контрольного пакета акций или долей, кредиторской задолженности предприятия (организации) с целью установления над ним полного (фактического) и юридического контроля вопреки интересам и воле собственника или менеджмента этого предприятия (организации)» [6].

Раскрывая содержание данного явления, А.А. Лабутин несколько сузил определение рейдерства, ограничив его понятиями «враждебное поглощение» и «захват помимо интересов собственников и органов управления компании».

В экономическом подходе к определению рейдерства можно отметить следующее раскрытие понятия: «это крайне опасное социальное явление, связанное с криминальными проявлениями в сфере экономики страны, на-

правленное на похищение чужого имущества путем незаконного изменения права собственности, в том числе и недвижимости, с использованием обманных действий в правовой и судебной сферах государства, с последующим захватом собственности и применением или угрозой применения сил и средств, опасных для жизни и здоровья человека, с причинением владельцам имущества ущерба в крупном или особо крупном размере» [7].

Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка П.А. Астахов в своей статье «Противодействие рейдерским захватам» еще в 2007 году отразил экономическую составляющую рейдерства: «это особый вид враждебного поглощения, при котором ценные активы подвергшейся рейдерской атаке компании распродаются, и бизнес перестает существовать» [8].

Экономико-правовой подход раскрывает термин «рейдерство» с точки зрения экономики и права. К примеру, И.Н. Соловьев дает такое определение: «незаконное поглощение, когда бизнес-конфликт инициируется не для получения прибыли от перепродажи акций, а для установления полного контроля над бизнесом» [9].

Тем не менее, принимая во внимание все подходы к определению рассматриваемого понятия, в конечном итоге целью рейдерства является неправомерный захват собственности при реорганизации прав собственности на интересующие активы предприятий, долей в уставном капитале либо на само предприятие в целом. При этом рейдерами могут использоваться как насильственные, так и ненасильственные методы при проведении сделок, осуществлении действий по отношению к законным собственникам.

Изучив множество публикаций и научных статей в различных аспектах, можно выделить следующие наиболее характерные признаки рейдерства:

- а) действия направлены на присвоение чужой собственности;
- б) действия направлены на легализацию присвоенных прав собственности с целью владения, пользования и распоряжения ими;
- в) действия осуществляются против воли настоящего собственника или собственников, конечных бенефициаров;
- г) захват чужой собственности осуществляется с наименьшими затратами;
- д) действия осуществляются с использованием законных и незаконных методов (подделка реестра акционеров, учредительных документов, преступления в области правосудия и так далее).

Также для рейдерства характерно то, что операции по неправомерному захвату, как правило, хорошо планируются, их реализуют специалисты с профессиональными знаниями в области права, финансов, психологии.

Благоприятной средой для осуществления рейдерской деятельности являются условия финансово-экономической нестабильности, кризисные явления в экономике, зависимость предприятий от положения на рынке, дисбаланса спроса и предложения; зависимость от кредиторов, в том числе от банков; наличие скрытой и недобросовестной конкуренции.

Неправомерным захватам в большинстве случаев подвергается бизнес, в структуре предприятия которого отсутствуют юридические подразделения с функциями правового риск-менеджмента. Многие руководители просто переоценивают свои компетенции в необходимых сферах, не уделяют должного внимания в оценке правовых последствий при определенных действиях, бездействиях на собственных предприятиях. Особенно это касается предприятий среднего и малого бизнеса.

Рейдерский захват предприятий, собственности, активов состоит из трех основных элементов, изучением и проработкой которых занимаются рейдеры на подготовительной стадии перед захватом. Это состояние экономики (финансов), юриспруденции и безопасности на

предприятии.

По сути, слаженная совокупность этих элементов должна противостоять неправомерным захватам собственности. Но в большей степени юридическая защита тех или иных прав собственности выходит на первый план, ведь без последующей легализации неправомерного присвоения рейдеры не смогут владеть, пользоваться и распоряжаться захваченным имуществом.

Выше обозначены только основные признаки этого явления без возможной детализации характерных черт, потому что рейдерство в настоящее время включает в себя весьма разнообразные и многосторонние процессы и может проходить в абсолютно разных формах.

Наряду с этим существуют и различные классификации рейдеров. К примеру, их делят на организованных и неорганизованных.

Организованные рейдеры могут достаточно профессионально вести по несколько операций по захвату имущества. Такие профессиональные рейдеры самые опасные. Они, как правило, обладают необходимыми ресурсами – финансовыми, административными, организационными. При этом они способны привлечь и значительные (но в то же время минимальные для присвоения привлекательных объектов собственности, имущества, предприятий) денежные средства на операции по неправомерному захвату.

Не менее опасны и неорганизованные рейдеры, но они способны вести не более одного проекта по захвату.

Что касается выделения видов рейдерства, то можно остановиться на следующей классификации:

1. «Белый» вид. В основном касается корпоративных захватов, поглощений, которые осуществляются на вполне законных основаниях. В научной литературе его еще называют западным вариантом рейдерства. Это сделки по слияниям и поглощениям компаний, которые обозначаются как сделки «M&A» (англ. *mergers and acquisitions*). В данном случае слабые компании поглощаются более сильными с целью повышения своей рыночной капитализации (стоимости), устранения возможных конкурентов, увеличения своей доли на рынке. «Белый» вид присутствует в развитых странах, он также есть и в России.

2. «Серый» вид. При нем комбинируются законные методы и нелегальные, а зачастую и преступные механизмы присвоения чужой собственности. Используются также несовершенства тех или иных нормативных документов в различных областях.

Данный вид рейдерства на сегодняшний день самый распространенный. Он отличается определенной изощренностью, зависимостью от наличия коррупционных связей рейдеров в системе исполнительной и судебной власти. Сочетание законных и незаконных действий в захватах собственности, активов, предприятий позволяет называть данный вид рейдерства еще и полужаконным.

3. «Черный» вид. Используются незаконные, противоправные способы отъема и присвоения чужой собственности, как правило, с применением силовых захватов и насилия по отношению к руководящему составу и собственникам предприятий. Такой вид противоправных захватов в современной России в большей степени был распространен в девяностых и в начале двухтысячных годов, хотя и сейчас он также встречается. «Черное» рейдерство уступило место «серому», для которого физическое насилие уже не характерно.

Стоит отметить, что в конечном итоге, вне зависимости от деления на определенные виды, рейдерство – это противоправное присвоение, захват собственности, активов, предприятий. Приведенное деление рейдеров условно. Фактически встречаются прецеденты, когда захват предприятия внешне выглядит законным, а в дальнейшем вскрываются криминальные способы приобретения собственности.

В научной литературе также выделяется еще один особый вид рейдерства под условным обозначением

«гринмейл» (от англ. *greenmail*). Под этим термином понимают корпоративный шантаж по отношению к акционерам предприятия со стороны миноритария с целью вынужденного приобретения его акций по более выгодной цене.

Заинтересованные структуры, использующие гринмейл, стремятся приобрести сначала незначительный пакет акций у акционеров-миноритариев привлекательной компании и уже потом, используя вполне законные механизмы, пытаются препятствовать эффективному управлению акционерным обществом. Таким образом они принуждают более крупных акционеров к покупке акций у них по цене, значительно превосходящей рыночную. По сути, при помощи гринмейла такие акционеры-миноритарии злоупотребляют принадлежащими им правами акционеров.

Многие эксперты отделяют гринмейл от рейдерства, потому что считают, что целью рейдерства является захват и контроль над собственностью, а не продажа по высокой цене акций, полученных при помощи корпоративного шантажа.

С другой стороны, рейдеры, захватывая собственность с минимально возможными затратами, в дальнейшем также могут перепродать ее по более высокой цене, то есть, если смотреть с позиции дальнейшей перепродажи и получения прибыли, цель одна и та же.

Гринмейл свойственен высокопрофессиональным рейдерам, которые легко ориентируются в специфической информации в области корпоративного права, экономики и финансов, имеют доступ к закрытым, служебным сведениям.

Наряду с понятием «рейдерство» в контексте физического захвата используется такое понятие, как «силовой захват», иногда, как синоним, – «криминальный захват». Стоит отметить, что содержание понятия «силовой захват» более широкое, так как он может быть правомерным и неправомерным. Криминальный захват – всегда незаконный, при нем используются только противоправные методы.

Относительно видов рейдерства можно также выделить рейдерство в сфере интеллектуальной собственности, когда, например, присваиваются или отнимаются различные патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы. Такое рейдерство условно можно назвать интеллектуальным.

На практике также существует и банковское рейдерство, когда банки, которыми владеют частные лица, создают невыносимые дополнительные условия своим заемщикам, залогодателям уже в процессе обслуживания кредита с целью обращения взыскания на заложенное имущество или принуждения их к отступному по значительной заниженной стоимости, доведения до банкротства привлекаемых предприятий.

Как уже было упомянуто выше, в операциях по рейдерским захватам могут использоваться как вполне законные, так и абсолютно незаконные методы.

К правовым методам можно отнести следующие:

а) использование административного ресурса при организации различных проверок с целью поиска и предъявления каких-либо нарушений в тех или иных областях законодательства;

б) скупка у акционеров-миноритариев необходимых пакетов акций, позволяющих принимать участие в общих собраниях, запрашивать и получать необходимую информацию о состоянии общества и так далее;

в) скупка и аккумуляция кредиторской задолженности предприятия, одновременное предъявление ее к оплате. В случае невозможности исполнения обязательств по оплате этой задолженности запускается процедура банкротства, и рейдеры как крупнейшие кредиторы могут перехватить активы предприятия.

Среди полужаконных методов можно выделить:

а) лоббирование «своих» и «нужных» людей на клю-

чевые должности предприятия;

б) целенаправленное давление на топ-менеджеров компаний;

в) бесконечные судебные тяжбы по различным основаниям;

г) создание необходимого информационного фона вокруг предприятия через средства массовой информации.

К абсолютно незаконным методам относятся:

а) дача взяток должностным лицам различных ведомств;

б) шантаж и угроза насилием;

в) подделка документов: решений судов, учредительных документов, протоколов общих собраний;

г) физический криминальный захват территории компании и другие.

Раскрывая определение рейдерства как правового явления, необходимо также остановиться на сопоставлении определенных рейдерства и недружественного (враждебного) поглощения. Вопрос о сопоставлении данных понятий до сих пор является спорным.

Существуют различные точки зрения на соотношение враждебного поглощения и рейдерства.

Первая точка зрения опирается на мнение о том, что недружественное поглощение никоим образом не нарушает законные права собственника поглощаемой компании, приобретение предприятия происходит при помощи законных методов и способов. При этом при рейдерстве, согласно данной точке зрения, используются только неправомерные инструменты захвата чужой собственности.

Вторая точка зрения основана на толковании враждебного поглощения как одного из способов рейдерства, то есть рейдерство в данном случае является более широким понятием, чем просто враждебное поглощение.

Третья точка зрения вообще считает эти понятия тождественными. Но она в корне не верна, так как, по сути, данный подход может привести к отрицанию недружественного поглощения как такового, даже если оно осуществляется с использованием законных методов при приобретении компании на рынке, но при этом нет какого-либо согласия со стороны владельцев и руководства предприятия.

На наш взгляд, наиболее верной является точка зрения, учитывающая ключевое определение слова «недружественный». Ведь недружественное поглощение – это получение контроля над компанией, ее активами вне зависимости от согласия/противодействия конечных бенефициаров и руководства поглощаемой компании. Недружественное или враждебное оно еще и потому, что таким его воспринимают топ-менеджеры поглощаемой компании, которые понимают, что после такого поглощения, как правило, происходит смена руководства на ставленников нового собственника.

В том случае, если по тем или иным причинам не удастся завершить такое недружественное поглощение, может уже использоваться рейдерский захват с любым набором как законных, так и незаконных методов.

В последней рассматриваемой точке зрения понятие рейдерства более узкое, чем понятие недружественного поглощения.

Типичной целью рейдерства является получение полного контроля над управлением предприятием. Получение такого контроля происходит вопреки воле конечных бенефициаров, в меньшей степени вопреки воле руководства предприятия. Активы предприятия приобретаются за бесценок либо за гораздо меньшую сумму, чем их рыночная стоимость. Методы получения контроля и приобретение компании могут быть как легальными, так и вовсе незаконными.

Учитывая приведенные характеристики, можно дать определение понятию «рейдерство» – это действия, совершаемые с целью получения полного контроля над предприятием, активами, собственностью вопреки воле

конечных бенефициаров с использованием совокупности различных законных и незаконных методов.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что рейдерство как явление имеет свои национальные свойства.

Феномен рейдерства, сложившийся за последнее время в современной России, не похож на рейдерство как таковое в западных странах и США. Отличия в первую очередь вызваны разными условиями в корпоративном бизнесе, финансово-экономической сфере, обществе России и стран Запада, в большей степени – различиями национального законодательства, регулирующего те области, в которых может проявить себя рейдерство.

С учетом вышесказанного, использование в России работ зарубежных исследователей, посвященных рейдерству, будет малоэффективным.

В то же время нельзя игнорировать западный опыт в научных исследованиях данного феномена, потому что, даже если и присутствуют какие-либо национальные черты рейдерства, его сущность остается неизменной. В противном случае применение термина «рейдерство» не имело бы смысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О добровольном декларировании физическими ли-

цами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ; ред. от 05.04.2016 г. // Консультант Плюс: информационно-правовая система. URL: consultant.ru.

2. Габов А.В., Молотников А.Е. Рейдерство как правовое явление // Законодательство. 2009. № 7. С. 80–87.
3. Долинская В.В. Криминализация корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 3. С. 58–63.
4. Сергеев К.А. Криминальное рейдерство – разновидность мошенничества? // Современное право. 2011. № 5. С. 116–118.
5. Лопашенко Н.А. Рейдерство // Законность. 2007. № 4. С. 7–12.
6. Лабутин А.А. Рейдерство // Вестник ТИСБИ. 2008. № 1. С. 16–24.
7. Константинов В.В. Рейдерство – не мошенничество! // Законность. 2008. № 11. С. 38–43.
8. Астахов П.А. Противодействие рейдерским захватам. М.: Эксмо, 2007. 239 с.
9. Соловьев И.Н. Правовые основы противодействия рейдерству // Юрист. 2011. № 1. С. 8–15.

THE ESSENCE OF RAIDING IN CIVIL-LAW ASPECT

© 2016

R.R. Valeev, graduate student of Chair “Civil Law, Civil Procedure and Labor Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: raiding; characteristics of raiding; types of raiding; greenmail; methods of raiding; asset-grabbing.

Abstract: The article is devoted to reveal the essence of the phenomenon of raiding in civil-law aspect. The definition of raiding is given with considering the different approaches to the term “raiding” and its features. Its classification is given, the key types are indicated. Correlation of concepts of “raiding” and “asset-grabbing” is shown.

О.А. Воробьева, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: государство; публичная власть; разделение власти; государственная власть; местное самоуправление; федеральный закон.

Аннотация: В статье рассмотрены признаки, формы и сферы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [1, с. 25].

Российская Конституция провозглашает права и свободы человека и гражданина, которые являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18). Также Основным Законом РФ закреплен принцип разделения властей (ст. 10), определены органы государственной власти в Российской Федерации и ее субъектах (ст. 11), конституционные основы местного самоуправления (ст. 12, гл. 8), сферы ведения Российской Федерации и ее субъектов и др.

Природа публичной власти предполагает для Российской Федерации наличие как минимум двух уровней ее реализации: государственный и местный. Следует отметить, что государственная власть реализуется на федеральном и региональном уровнях, а местная власть осуществляется в городских, сельских поселениях, а также на территории других муниципальных образований.

Мы согласны с точкой зрения С.А. Авакьяна, что существует как минимум три формы взаимодействия государственных и муниципальных органов власти.

Первую форму взаимодействия характеризует тем, что вышестоящие органы помогают и будут помогать в хозяйственно-финансовом отношении местному самоуправлению.

Вторая форма взаимодействия заключается в том, что вышестоящие органы должны выступать в качестве надзорной инстанции, «оберегающей» местное самоуправление от принятия незаконных и неправильных, необоснованных решений, не позволяющей забыть о государственном интересе.

Третья форма взаимодействия заключается в том, что вышестоящие органы призваны быть инстанцией, которая помогает, в том числе и методически, местному самоуправлению, обобщая и распространяя их положительный опыт.

Государственная власть и местное самоуправление представляют собой сложные взаимодействующие системы, которые являются основными способами реализации публичной власти народа. Являясь по своей природе неполитической, власть местного самоуправления основывается на сочетании государственных и общественных начал. Самостоятельность местного самоуправления не предполагает абсолютной независимости от государства. Но не следует отождествлять местное самоуправление, включая исполнительные органы местного самоуправления в систему органов государственной власти, потому что это приведет к искажению сущности местного самоуправления, в том числе и к замене его государственным управлением на местах [2, с. 7].

К признакам взаимодействия государственных органов власти и органов местного самоуправления можно отнести:

- 1) наличие двух и более субъектов правоотношения;
- 2) активную деятельность субъектов правоотношения;
- 3) согласованную деятельность субъектов правоотношения;
- 4) наличие единой цели, на достижение которой направлена деятельность субъектов правоотношения [3, с. 26].

Как отмечает Н.Л. Пешин, к сферам взаимодействия государственной власти и местного самоуправления относятся:

- установление общих принципов организации местного самоуправления;
- регулирование компетенции органов местного самоуправления;
- определение полномочий органов государственной власти в сфере местного самоуправления;
- делегирование отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления;
- осуществление контроля за деятельностью местного самоуправления [4, с. 140].

Концепция взаимодействия государственных и местных органов представляет собой обособленный пласт. При этом необходимо исходить из того, что государственное централизованное управление и местное самоуправление – это не однопорядковые явления, они скорее противостоят друг другу, так же как государство и гражданское общество – взаимно связанные, но противоположные по сути образования [5].

Ст. 12 Конституции Российской Федерации 1993 года закрепляет принципиальные положения о самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий и невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. И, как заметил И.И. Овчинников, именно эти положения стали основополагающими в процессе формирования механизма взаимодействия между органами исполнительной власти, прежде всего субъектов Федерации, и органами местного самоуправления [6, с. 72].

Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] закрепил новый характер взаимоотношений между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Он не только не содержит прежних указаний о запрете осуществления местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами, но и впервые предусматривает возможность непосредственного осуществления исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации в отношении муниципальных образований и органов местного самоуправления. Данное положение существенно расширяет возможности органов государственной власти

непосредственно влиять на деятельность органов местного самоуправления и способствует укреплению вертикальных взаимосвязей. В частности, применительно к реализации отдельных государственных полномочий теперь установлено (ст. 20), что органы местного самоуправления вправе участвовать в осуществлении – за счет средств местных бюджетов – и тех государственных полномочий, которые прямо законом органам местного самоуправления не переданы, но это их участие предусмотрено федеральными законами. Формулировку «вправе» в данном случае следует понимать как обязанность, если такое участие органов местного самоуправления в реализации не только не переданных, но и иных государственных полномочий вытекает из федерального закона [6, с. 73–74].

Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрел и возможность прямого участия органов государственной власти субъектов Федерации в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности лиц местного самоуправления (ст. 34, 37), помимо предусмотренных в Законе процедур ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством (ст. 72–75).

Можно сделать вывод, о том, что взаимодействие государственных органов власти и органов местного самоуправления – это деятельность государственных органов власти и органов власти местного самоуправления, направленная на решение общих задач, развитие межбюджетных отношений и распределение полномочий, основанная на государственном и муниципальном контроле за соблюдением законодательства и предполагающая экономическую самостоятельность и организационно-правовую направленность местного самоуправления.

На наш взгляд, необходимо вести работу по следующим направлениям.

В рамках дальнейшего процесса конституционного развития было бы правильно на конституционном уровне зафиксировать понятие «публичная власть», а также указать на собирательный характер данного понятия, включающего государственную власть (федеральную и субъектов РФ), а также местное самоуправление (муниципальную власть). Это позволит адекватно урегулировать множество сходных отношений, затрагивающих и государственный, и муниципальный уровни власти, и ввести институты публичных органов власти, услуг, службы, собственности и т. д.

В определении местного самоуправления, закрепляемом в российском законодательстве, несмотря на его достоинства, касающиеся, прежде всего, его развернутого характера и демократизма, имеется значимый пробел – отсутствие указания на то, что местное самоуправление представляет собой один из уровней публичной власти. В этой связи в легальном определении местного самоуправления следует закрепить в том числе его трактовку как уровня публичной власти.

Хотелось бы также отметить, что в ст. 3 Конституции РФ отсутствует единое понятие представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления (такое понятие между тем присутствует в ч. 2 ст. 97 Конституции РФ: «Депутат Государственной Думы не может быть депутатом иных представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления»); отсутствие же единого понятия и единой системы представительных органов власти, с одной стороны, ослабляет представительные органы власти, снижает их конституционную функцию быть представителями интересов народа, с другой стороны, нивелирует представительные и исполнительные органы власти в пользу последних.

Формулировка ст. 12 Конституции РФ, согласно которой «органы местного самоуправления не входят в

систему органов государственной власти», в сочетании с гл. 3 «Федеративное устройство», создающей региональный уровень государственной власти, превращает административные центры субъектов РФ и иные крупные мегаполисы в псевдосамоуправление, ничего общего с самоуправлением не имеющее, в то время как это должен быть третий уровень государственной власти [8].

Следует принять федеральный закон «О Президенте Российской Федерации», где четко определить права и обязанности главы государства, процедуру его отрешения от должности.

В Указе Президента РФ от 24 сентября 2007 года № 1274 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти», Указе Президента РФ от 12 мая 2008 года № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» следует более четко определить сферы деятельности министерств и ведомств, с тем чтобы исключить дублирование полномочий.

В Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» подробно установить вопросы взаимоотношений между Правительством РФ и иными органами государственной власти.

В Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» предусмотреть обязанность Правительства РФ по обеспечению действия законов подзаконными актами. Установить меры ответственности за неисполнение данной обязанности.

Учитывая сложившуюся практику и в интересах четкого определения структуры и состава Правительства России, в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» следует выделить категорию первых заместителей Председателя Правительства РФ, изложив ст. 6 Закона в следующей редакции: «Правительство Российской Федерации состоит из членов Правительства Российской Федерации – Председателя Правительства Российской Федерации, первых заместителей, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров».

Необходимо принять федеральный закон «О конституционно-правовой ответственности», активно использовать средства парламентского контроля.

Необходимо принять федеральный закон «О согласительных процедурах разрешения разногласий в системе органов публичной власти Российской Федерации», который будет способствовать эффективному функционированию конституционно-правового механизма разрешения разногласий в системе органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ прописать процедуру рассмотрения дел по рассмотрению заявлений органов местного самоуправления о признании недействительными законов или иных правовых актов о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями.

Усилить гарантии самостоятельности местного самоуправления, прежде всего финансовой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева О.А., Станкин А.Н. Публичная власть в России: проблемы теории и практики. М.: Nota Bene, 2010. 192 с.
2. Скрипкин Г.Ф. Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 128 с.
3. Нуркин М.Г. Теоретико-правовые основы взаимодействия государственных органов власти и органов власти местного самоуправления // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8. С. 22–26.
4. Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М.: Статут, 2007. 460 с.

5. Безруков А.В. Государственная власть и местное самоуправление: проблемы соотношения и взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 6. С. 31–35.
6. Овчинников И.И. Взаимоотношения органов государственной власти и органов местного самоуправления: теоретико-правовые аспекты // Исполнительная власть: проблемы организации и деятельности: труды кафедры конституционного и административного права. Вып. 1. М.: ТЕИС, 2006. С. 59–82.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
8. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33–37.

FEATURES OF INTERACTION OF BODIES OF STATE POWER AND BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

© 2016

O.A. Vorobyova, PhD (Pedagogy), Associate Professor, assistant professor of Chair
“Business and employment law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: state; public authority; division of the authorities; state power; local self-government; federal law.

Abstract: The article describes the features, forms and spheres of interaction of bodies of state power and bodies of local self-government.

В.М. Деревскова, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
А.С. Григорьев, студент 2-го курса юридического факультета (бакалавриат)
Е.А. Измestьева, студент 1-го курса юридического факультета (бакалавриат)
П.П. Пиншин, студент 1-го курса юридического факультета (бакалавриат)
*Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской
Федерации, Иркутск (Россия)*

Ключевые слова: социальный конфликт; цели противоправного поведения; мотивы противоправного поведения; правонарушение; преступление; наказание; соразмерность преступления и наказания.

Аннотация: Статья построена на материалах научного студенческого мероприятия – круглого стола «Социальный конфликт и государственно-правовая действительность (к 150-летию романа Ф.М. Достоевского)», проведенного 28 апреля 2016 года на базе Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Рассматриваются природа, причины возникновения и особенности социальных конфликтов, мотивы и цели в структуре противоправного поведения, а также проблема соразмерности преступления и наказания.

Произведение «Преступление и наказание» выдающегося российского писателя Ф.М. Достоевского в 2016 году отмечает свой 150-летний юбилей. Социально-правовое и государственно-политическое осмысление [1] автором проблематики, поднятой в произведении, до настоящего времени не только не утрачивает своей актуальности, но и приобретает особое звучание, смысл. Механизм, условия и причины делинквентного поведения как часть общесоциологической и общеправовой картины мира высвечиваются в романе с особой глубиной и знанием дела, причем как в эмпирическом (объективные события и психические метаморфозы, сопутствующие противоправному поведению), так и в теоретическом (концепция героя произведения Р.Р. Раскольникова о праве особых, исключительных людей («сверхлюдей») на совершение преступления) измерениях.

На студенческом мероприятии – круглом столе «Социальный конфликт и государственно-правовая действительность» (к 150-летию романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»), проведенном 28 апреля 2016 года на базе Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прозвучали сообщения студентов П.П. Пиншина, Е.А. Измestьевой и А.С. Григорьева. Краткое изложение студенческих докладов приводится далее.

1. В докладе о понятии, видах и причинах возникновения социальных конфликтов студент 1-го курса Иркутского юридического института (филиала) **П.П. Пиншин** обратил внимание на следующее:

Среди социологов и правоведов нет однозначной трактовки понятия конфликта, но преобладает точка зрения, определяющая социальный конфликт через общее понятие противоречия в обществе, которое, даже находясь в рамках юридического поля, может быть исследовано при помощи социологических методов [2, с. 59–66].

Между тем противоречие и конфликт не должны ни отождествляться, ни противопоставляться. Противоречия являются основаниями конфликта, но не приводят к нему, пока субъекты конфликта не взаимодействуют между собой. Так, например, А.В. Дмитриев определяет конфликт как проявление объективных либо субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве его сторон [3, с. 55].

Социальный конфликт в данном случае выражается в активности индивида или социальной группы, блокирующей функционирование или наносящей ущерб иным индивидам или группам. Среди отечественных ученых, на наш взгляд, наиболее полное определение социаль-

ного конфликта дал Е.М. Бабосов. По его мнению, социальный конфликт представляет собой «...пределный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами и различными социальными общностями, направленной на достижение экономических, социальных, политических, духовных интересов и целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника и не позволяющей ему добиться реализации его интересов» [4, с. 55].

Типология конфликтов очень сложна по причине разнообразия, а зачастую и расплывчатости критериев выделения типов конфликтов [5, с. 52–53]. На сложность решения этой проблемы также существенно влияют идеологические ориентации ученых. Из многих других наиболее важной представляется классификация конфликтов по субъектам, поскольку именно субъекты конфликта, вступающие в противоборство, главным образом и определяют характер конфликта, его содержание и динамику.

Причины внутриличностного конфликта многообразны и могут быть представлены различными субъективными причинами, такими как противоречие потребностей; противоречие между различными ролями индивида и др.

Рассматриваемые конфликты по своей природе и по своему содержанию являются во многом психологическими и вызываются противоречиями интересов, мотивов и ценностей. Они сопровождаются негативным переживанием какой-либо ситуации и эмоциональным напряжением субъекта. Как и любой другой, внутриличностный конфликт может иметь деструктивные или конструктивные последствия для личности [6, с. 302].

Весьма ярко данный тип конфликта отражен в произведении Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Конфликт внутри личности Родиона Раскольникова между бесчеловечной теорией и душой героя произведения является ключевым в романе. Кроме этого, к внутриличностным можно отнести конфликт Авдотьи Романовны по поводу возможного брака с Петром Лужиным.

Межличностный конфликт – это столкновение между отдельными людьми в процессе их социального и психологического взаимодействия. Данный тип конфликтов очень распространен в повседневной жизни, поэтому причины такого рода конфликтов могут быть разнообразными, в том числе объективными и субъективными, временными и постоянными, материальными и идеальными. В таких условиях большую роль играют личные качества людей, их социально-психологические, психические и нравственные характеристики.

Межличностный конфликт в данном произведении также имеет место. Во-первых, это конфликт между преступником и следователем. Порфирий Петрович догадывается, что Раскольников совершил преступление, но обвиняет его не напрямую, а лишь косвенно, тем самым усугубляя душевные муки героя произведения. Он даже предлагает Раскольникову свести счеты с жизнью, если тот не хочет признаваться в преступлении, несмотря на угрызения совести. Во-вторых, нельзя не упомянуть конфликт Раскольникова с процентщицей. Ведь именно противоречие их интересов стало причиной преступления, за которое он понес наказание.

Конфликт между личностью и группой более разноплановый по сравнению с межличностным конфликтом. Это связано с тем, что в группе существует сложный комплекс взаимоотношений. Так, например, в любой группе всегда есть лидер, координационная и субординационная структуры. Они не всегда явно выражены, но это непременное условие существования группы. Однако это влечет за собой возникновение дополнительных причин для конфликта, помимо причин возникновения внутриличностных и межличностных конфликтов.

В «Преступлении и наказании» самым ярким примером, демонстрирующим конфликт «личность – группа», являются взаимоотношения семьи Раскольниковых с Лужиным. Несмотря на то, что Авдотья Романовна собиралась замуж за Лужина, она разрешила свой внутренний конфликт под влиянием своей семьи и, в особенности, под влиянием Раскольникова, который заметил в Лужине человека недостойного и решительно выступил против намечающейся свадьбы. Так, назрел конфликт между группой, представляемой семьей Раскольниковых и некоторыми близкими им людьми, с одной стороны, и Лужиным, с другой.

Межгрупповой конфликт характеризуется столкновением интересов разных социальных групп. Они обычно обозначаются на основе общих для всех членов группы признаков, например, политических, экономических или этнических. Большая часть остросоциальных конфликтов, происходящих в мире, являются межгрупповыми. Особенно это заметно на уровне больших социальных групп, когда долго накапливаются социальные противоречия, и рано или поздно недовольство перерастает в конфликт. В романе «Преступление и наказание» межгрупповой конфликт выражен неявно, но на протяжении всего сюжета сложно не заметить существенные противоречия между бедными и богатыми, людьми с высоким и низким социальным статусом. Беден человек или богат, определяло его судьбу. Это заметно влияет на отношения между Лужиным и семьей Раскольниковых, Свидригайловым и Раскольниковыми.

Роман «Преступление и наказание» – одно из наиболее известных произведений Ф.М. Достоевского, которое не только имеет огромное культурное и эстетическое значение, но и позволяет нам оценить глубину противоречий в обществе середины XIX века и рассмотреть их с современных позиций.

2. Мотивы и цели в структуре субъективной стороны правонарушения были рассмотрены студенткой 1-го курса Иркутского юридического института (филиала) Е.А. Измestьевой, указавшей на следующее:

Состав правонарушения как юридическая конструкция, среди прочего, подразумевает обязательность наличия объективного (объект, объективная сторона) и субъективного (субъект, субъективная сторона) элементов. Структура субъективной стороны правонарушения традиционно раскрывается с позиции составляющих ее элементов. Е.Л. Ковалева относительно структуры субъективной стороны высказалась так: «включает вину, а в ряде случаев также мотив и цель» [7, с. 459]. По мнению А.Н. Головистиковой и Ю.А. Дмитриева, субъективная сторона правонарушения «определяет вид и степень виновности нарушителя, характеризует его психическое

отношение к содеянному, а также мотивы и цели правонарушения» [8, с. 571]. Мы солидарны с учеными, определяющими субъективную сторону как «внутреннюю сторону правонарушения, выраженную в системе установленных законом признаков» [9, с. 289].

Субъективная сторона состава правонарушения отражает психическое отношение субъекта к содеянному и наступившим последствиям. Исходя из действующего уголовного законодательства России, понятие субъективной стороны также принято раскрывать через такие элементы, как вина, мотив, цель, поименованные в составе субъективной стороны отдельных видов правонарушений. Очевидно, что мотив и цель как факультативные признаки субъективной стороны более содержательно изучены в науке уголовного права, несмотря на то, что их значение не отрицается и в административном, гражданском, трудовом и иных отраслях права.

Термин «мотив» произошел от латинского «*muveo*» – двигать, мотив выражается в побудительной причине человеческих действий. В юридической психологии понятие «мотив» раскрывается через «механизм внутреннего формирования образа действий, который, проявившись вовне, дает объективный результат» [10, с. 38]. Обычно мотив рассматривается как «обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление, и которыми оно руководствовалось при его совершении» [11, с. 149].

Иными словами, мотив является побуждением к выбору направленности деяний, в его основе лежат потребности, интересы и склонности индивида. Это означает, что в субъективном отношении лица к совершенному им правонарушению существуют не только отдельные элементы осознания и предвидения последствий, но и руководящие, побуждающие мотивы.

Мотив как элемент субъективной стороны правонарушения тесно взаимосвязан с целью. Но, несмотря на их взаимообусловленность, эти психические феномены характеризуют разные стороны волевого процесса. Цель правонарушения – «это представление о желаемом результате, к достижению которого стремится виновный» [12, с. 208]. И если мотив – это то, чем руководствовалось лицо при совершении правонарушения, то цель – это предвосхищение результата, определяющего направленность действий лица.

В некоторых случаях цель ошибочно отождествляется с последствиями правонарушения, однако необходимо иметь в виду, что результат правонарушения не всегда оправдывает заранее поставленную цель.

В уголовном праве значение мотивов и целей правонарушений играет определенную роль при конструировании состава преступления. Это проявляется в следующем.

Во-первых, мотив и цель выступают в качестве обязательных элементов состава преступления, если они обозначены в диспозиции конкретной статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (далее – УК РФ). В случае их отсутствия не будет и состава преступления (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в силу ст. 327 УК РФ может быть признано таковым лишь в случае его совершения в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности).

Во-вторых, мотив и цель могут влиять на квалификацию правонарушения, т. е. выступать признаками, при наличии которых состав того же преступления становится квалифицированным и наступает повышенная ответственность (например, убийство по мотиву кровной мести или с целью скрыть другое преступление является квалифицированным согласно ч. 2 ст. 105 УК РФ).

В-третьих, мотив и цель преступления без измене-

ния квалификации могут влиять на меру уголовной ответственности в случаях, когда они предусмотрены в качестве отягчающих (по мотивам национальной или религиозной ненависти) или смягчающих (по мотиву сострадания) обстоятельств.

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» мотивы поведения и цели героев играют значительную роль. До настоящего времени вопрос о реальных мотивах и целях главного героя произведения Раскольникова остается открытым.

Опираясь на теорию правонарушений, необходимо обозначить известную двойственность мотивов. Первый – социальный, который обуславливается крайней нищетой Родиона Раскольникова, его болезненным состоянием, социальным неравенством, желанием материально помочь не только себе и своей семье, но и иным лицам (например, семье Мармеладовых). Второй мотив – идейный: Раскольников выдвинул свою собственную теорию деления всех людей на две группы: «твари дрожащие» и «право имеющие». Он стремился не только описать существование самой теории, но и установить свою принадлежность к разряду «Наполеонов». Данные мотивы были во многом определены двумя целями: первая – обогащение, вторая – проверка себя на принадлежность к «особым» людям.

В черновиках к роману сам Ф.М. Достоевский писал, что желает «...уничтожить неопределенность, то есть так или этак объяснить все убийство...». Решив проблему «диалектически», автор создал образ «добраго Наполеона». Совместимость несоместимого и является сутью вопроса о мотивах героя, построенных на глубоких и запутанных противоречиях.

В первую очередь противоречия зарождаются во внутреннем мире самого Раскольникова. Исследуя его теорию на протяжении всего романа, автор приходит к иезуитскому лозунгу – «цель оправдывает средства». В этих словах и заключается суть теории героя. Родион Раскольников идет на убийство ради получения материальных средств для дальнейшей «новой жизни», его лихорадочно мучает вопрос: обычный ли он человек или имеет право нарушить человеческий закон. Теория «сверхлюдей» завладела им целиком, поэтому преступление стоит понимать намного глубже. Это не просто убийство, это право на распоряжение людскими судьбами, право решать – кому жить, а кому умирать. В итоге он стал убийцей троих (ведь Елизавета Ивановна, сестра старухи-процентщицы, на момент преступления была беременна).

То, что происходило с душой Раскольникова, Ю.Ф. Карякин верно определил как борьбу мотивов за преступление и против него, правых и неправых целей, определяющих и свои средства.

Еще один пример преступления, но уже нравственного, принадлежит Соне Мармеладовой. Дочь спившегося бывшего чиновника и сестра троих ребятишек, живущих в крайней бедности, не находит иного выхода для спасения своей семьи, как занятие проституцией. Руководствуясь благой целью, Мармеладова преступает евангельские заповеди, приносит себя в жертву, чтобы облегчить жизнь близких.

Проблема установления истинных мотивов и целей в структуре противоправного поведения многоаспектна и чрезвычайно важна. От верного их определения зависят многие вопросы, в том числе разделение правомерного и неправомерного поведения, отделение основного состава правонарушения от смежных и т. д. Для реализации правовых принципов необходимо тщательно изучать мотив и цель совершения правонарушения конкретным лицом, чтобы впоследствии избрать для него должную меру ответственности [13, с. 37].

3. Проблема соразмерности наказания и преступления была отражена студентом 2-го курса Иркутского юридического института (филиала) А.С. Григорьевым,

отметившим следующее:

Исследование вопроса правового регулирования является очень важным и может привести нас к пониманию сущности лиц, совершающих преступления, выявлению закономерностей влияния различного рода и характера наказаний на дальнейшее исправление правонарушителей, усовершенствованию правовой системы, в результате чего число правонарушений стремилось бы к объективному минимуму.

Анализируя Общую часть УК РФ, можно заметить, что в ней содержится исчерпывающий перечень случаев, в которых тот или иной фактор идентифицируется как отягчающий, но остается место для пополнения перечня смягчающих. Видимо, это говорит нам о гуманизации юридической ответственности за правонарушения. Сторонники разных взглядов не находят решения по разным аспектам данного вопроса, их идеи разнятся в спектре от радикальных до либеральных. Можно, однако, выделить роль в этом государства. Например, в 2002 году в Послании В.В. Путина Федеральному Собранию РФ была высказана идея о минимизации лишения свободы. В УК РФ установлено: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (ч. 2 ст. 43 УК РФ), поэтому основной целью наказания является его неотвратимость, а не суровость. Были сделаны шаги в этом направлении – отмена нижнего порога по 68 статьям УК РФ. П.В. Васильев и Д.С. Теляшин говорят, что эта идея несет в себе мысль о быстром перевоспитании заключенного и его возможности быстрого возвращения в нормальную жизнь и мысли об индивидуализации наказания, но при этом поясняют, что крайне затруднительно указывать на преступление как на тяжкое, когда санкция статьи позволяет применять наказание как за преступление средней или даже небольшой тяжести [14]. При этом чрезмерно мягкое наказание может привести к росту недовольства потерпевших, самосуду, недоверию и неверию в силу закона и, как следствие, – развитию правового нигилизма.

Кроме очевидных примеров из юридической практики, интересным представляется взгляд на данный вопрос, который присутствует в художественной литературе. Показательным в этом отношении будет роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

В своем произведении писатель не сводит наказание только к судебному приговору, оно заключается в нравственной пытке, более тягостной для героев романа, нежели тюрьма или каторга. В 1965 году Ф.М. Достоевский, будучи за границей, посылает письмо издателю «Отечественных записок» А.А. Краевскому, в котором, кратко описывая главного героя романа, пишет: «Принужден, что хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его. Закон правды и человеческая природа взяли свое... Преступник сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело... В повести моей есть, кроме того, намек на ту мысль, что налагаемое юридическое наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти потому, что он и сам его нравственно требует» [15, с. 418–419]. Данная мысль Ф.М. Достоевского, безусловно, является достаточно интересной и раскрывает нам личность преступника, который осознал свой поступок, при этом исправившись морально и нравственно. «Представляется не совсем правильным во всех случаях придавать наказанию сугубо карательный характер» [16, с. 94]. Тем не менее законодатель, указывая, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (п. 2 ст. 43 УК РФ), не-

посредственно подразумевает наступление подобных последствий.

Преступление как основание для назначения наказания с позиции общеметодологических ориентиров имеет свою философскую подоплеку (право государства наказывать правонарушителей, возможность и необходимость существования ответственности), а также социальную привязку (предпосылки для установления ответственности в нормах права и ее возложения на конкретного правонарушителя) [17, с. 40–41].

Проблема соразмерности наказания и правонарушения требует осмысления комплекса теоретических и практических вопросов, связанных с основными понятиями теории правоотношений, правонарушений, реализации и применения права, а также юридической ответственности. На наш взгляд, можно выделить ряд критериев, которыми руководствуется законодатель, устанавливая тот или иной вид наказания:

- существующая в стране идеология;
- характер и степень общественной опасности преступления;

- цели, которые перед собой ставит законодатель;
- личность преступника;
- мотив, цель, умысел, различные стороны внутреннего мира преступника, его отношение к содеянному.

Данный перечень не является исчерпывающим и нуждается в доработке.

Определенные вопросы может вызвать и оценочный характер большинства понятий в уголовном праве («превышение пределов необходимой обороны», «особая жестокость», «беспомощное состояние и др.), однако необходимо учитывать и современные реалии жизни общества. Так, актуальные криминологические исследования, помимо прочего, охватывают собой и проблемы установления соразмерности преступлений и наказаний в сфере проявления террористической, экстремистской, рецидивной, профессиональной, компьютерной и иных форм преступности [18].

Перспективы дальнейшего проникновения в суть классических произведений и экстраполяции таких бессмертных работ, как роман «Преступление и наказание», на юридическую теорию и практику представляются весьма серьезными и значимыми. Общеметодологический анализ подобного рода литературных трудов позволит проникать в суть человеческого взаимодействия и психических процессов (через их восприятие писателями-мыслителями), создавать прочную основу для осуществления мер по недопущению право-

нарушений еще на этапе образования социальных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юрковский А.В. Право и политика // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4. С. 35–39.
2. Кузьмина Е.С., Кузьмин И.А. Социологические методы в юриспруденции (на примере социально-правовых исследований юридической ответственности) // Социология и право. 2016. № 1. С. 59–67.
3. Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики, 2000. 320 с.
4. Бабосов Е.М. Основы конфликтологии. Минск: Право и экономика, 1997. 390 с.
5. Леонов Н.И. Конфликтология. Воронеж: МОДЭК, 2006. 232 с.
6. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000. 551 с.
7. Проблемы теории государства и права / под ред. В.М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. 528 с.
8. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права. М.: Эксмо, 2005. 650 с.
9. Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
10. Еникеев М.И. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2004. 480 с.
11. Уголовное право. Общая и особенная части / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Городец, 2006. 911 с.
12. Уголовное право России. В 2-х т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: Норма, 2005. 592 с.
13. Липинский Д.А. Виновность деяния – общий принцип юридической ответственности // Законность. 2015. № 4. С. 37–41.
14. Васильев Д.С., Тепляшин П.В. Эффективность гуманизма в профилактике преступлений // Российский следователь. 2013. № 14. С. 36–39.
15. Достоевский Ф.М. Письма. В 4-х т. Т. 1. М.-Л.: Госиздат, 1928. 1867 с.
16. Кузьмин И.А. Категории «юридическая ответственность» и «наказание» в общей теории права // Вопросы правопедания. 2016. № 1. С. 90–109.
17. Куликов Е.А. К вопросу о понятии основания юридической ответственности // Юридические исследования. 2015. № 1. С. 39–46.
18. Криминология. Особенная часть. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2016. 311 с.

SOCIAL CONFLICT AND STATE-LEGAL REALITY (BASED ON THE MATERIALS OF THE ROUND TABLE DEVOTED TO THE 150TH ANNIVERSARY OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT")

© 2016

V.M. Derevskova, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair of Theory and History of State and Law

A.S. Grigoryev, second-year student of Law School (Baccalaureate)

E.A. Izmestyeva, first-year student of Law School (Baccalaureate)

P.P. Pinshin, first-year student of Law School (Baccalaureate)

Irkutsk Law Institute (Branch) of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Irkutsk (Russia)

Keywords: social conflict; objectives of unlawful conduct; causes of unlawful conduct; offense; crime; punishment; proportionality in sentencing.

Abstract: The article is written based on the materials of a student scientific event – the Round table “Social Conflict and State-Legal Reality (to mark the 150th anniversary of Fyodor Dostoevsky's novel)”. The event took place at the Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education “Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation” on April 28, 2016. The article considers the nature, causes of occurrence and peculiarities of social conflicts, reasons and objectives in a structure of unlawful conduct and a problem of proportionality in sentencing as well.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; правозащитная деятельность; охрана прав и свобод; защита прав и свобод.

Аннотация: На основе научных исследований правоохранительная и правозащитная деятельности определяют как самостоятельные виды юридической деятельности. Автор анализирует имеющиеся в юридической литературе мнения, выделяет общие и отличительные черты правоохранительной и правозащитной деятельности.

В настоящее время в юридической науке отмечается разносторонность позиций в определении понятия «правоохранительная деятельность». Ситуация вокруг этого феномена запутывается в связи с различной терминологией, используемой при теоретической характеристике правоохранительной деятельности в юридической науке. К примеру, Д.В. Пожарский предлагает для ее анализа использовать понятие «охранительная функция государства» [1, с. 110–114], В.Н. Галузо – «теория правоохраны» [2, с. 110–114].

В общей теории государства и права весьма распространена точка зрения, согласно которой юридическая деятельность может быть правотворческой и правоприменительной, а правоохранительная является одной из разновидностей последней. Вместе с тем в последнее время теория юридической деятельности получила новый вектор развития, и многие ученые выделяют такие виды юридической деятельности, как правоохранительная, правозащитная [3, с. 89–95], правообеспечительная [4, с. 88–94], контроль и надзор [5, с. 68–84].

Соглашаясь с приведенной позицией, следует отметить, что правоохранительную деятельность не следует рассматривать как вид правоприменительной деятельности, поскольку она отличается от последней по своему содержанию, формам осуществления, результатам, объектам, предметам и субъектам воздействия [6, с. 168].

Нередко ученые-теоретики, считая понятие правоохранительной деятельности само собой разумеющимся, используют его в своих научных трудах, не приводя определения, а ограничиваясь перечислением мероприятий, входящих в содержание правоохранительной деятельности. Так, И.С. Самошенко рассматривал последнюю как активно властную деятельность по принуждению к исполнению требований правовых норм [7, с. 89–90]. С.С. Алексеев понимал ее как деятельность государственных органов по исследованию обстоятельств деяний, в которых обнаруживаются признаки правонарушений, принятию специальных юридических мер воздействия против противоправных деяний и претворение их в жизнь [8, с. 74].

Ситуация усложняется отсутствием законодательной позиции по данному поводу, хотя зачастую термин «правоохранительная деятельность» в отечественных нормативных правовых актах встречается. В международных документах данная дефиниция также упоминается, но без раскрытия ее сути. И только опираясь на законы логики, можно определить смысл, вкладываемый в содержание исследуемого понятия. В частности, Таможенный кодекс Таможенного союза в ст. 7 «Правоохранительная деятельность таможенных органов» перечисляет основные направления правоохранительной деятельности таможенных органов: таможенные органы осуществляют дознание по определенным преступлениям, оперативно-розыскную деятельность, производство по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности.

Во встречающихся на страницах печати рассуждени-

ях о правоохранительной деятельности часто подчеркивается, что ее необходимо рассматривать в узком и широком смыслах.

В узком смысле правоохранительная деятельность – это деятельность специально уполномоченных государственных органов по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, защите прав, свобод и законных интересов различных субъектов права. Основой данной позиции выступали нормативные предписания, в которых закреплялось определение правоохранительной службы, с 1 января 2016 года утратившее силу.

Широкая трактовка понятия правоохранительной деятельности позволяет решить ряд задач, а именно:

- соблюдать порядок создания различных организаций в целях исключения появления структур, ориентированных на совершение правонарушений;
- ограничивать деятельность организаций, не способных оказывать социально-культурные, хозяйственные и иные услуги;
- удостоверять факты совершения юридически значимых действий или наличие (отсутствие) события;
- формировать правовой режим, не допускающий совершения противоправных деяний и обеспечивающий их выявление с помощью различных контрольно-надзорных проверок.

Решение перечисленных задач обеспечивают не только органы государственной власти, но и негосударственные структуры: частный нотариат, адвокатура, частные детективы и охранники, арбитражные управляющие и другие субъекты, созданные на базе частной собственности и действующие на возмездной основе для потребителя услуг. Однако, понимая правоохранительную деятельность в таком контексте, можно прийти к выводу о том, что ее осуществляют в той или иной степени все органы государства, в т. ч. и законодательные (представительные) [9, с. 341].

Как уже отмечалось выше, в современной юридической науке правозащитная деятельность многими исследователями рассматривается как самостоятельный вид юридической деятельности [10, с. 39–40; 11, с. 21–30]. Вместе с тем в юридической литературе встречаются иные мнения. Так, одни понимают правозащиту как часть правоохраны [8, с. 280], другие считают, что в сфере правоохранительной деятельности государства, его органов и должностных лиц правозащитная деятельность отсутствует, поскольку охрана прав и свобод граждан, юридических лиц или самого государственного органа осуществляется в пределах предоставленных законом полномочий против любых противоправных деяний [9, с. 445–448]. Третьи рассматривают их как синонимичные, взаимозаменяющие друг друга понятия [12, с. 81].

На наш взгляд, правоохранительную и правозащитную деятельности следует рассматривать как самостоятельные виды юридической деятельности, хотя и тесно взаимосвязанные. О правильности сделанного

вывода говорит анализ положений отечественного законодательства. Так, ст. 2 Конституции РФ четко различает, с одной стороны, защиту прав и свобод человека и гражданина, а с другой – их обеспечение, признание, соблюдение и охрану. Кроме того, в соответствии с Приказом Министерства образования и науки РФ от 10 января 2012 года № 5 «О внесении изменений в номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную приказом Министерства образования и науки РФ от 25 февраля 2009 года № 59 «Об утверждении Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» наряду с правоохранительной деятельностью появилась правозащитная. Указом Президента РФ от 30 сентября 2015 года № 491 «О Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности и Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области благотворительной деятельности» поощряются государственной премией лица, осуществляющие правозащитную и благотворительную деятельность.

В чем же заключаются различия между правоохранительной и правозащитной деятельностью? По справедливому мнению Б.Ю. Тихоновой, охрана права – это совокупность осуществляемых государственными органами власти и общественными объединениями различных мер, направленных на предупреждение нарушений прав человека или устранение препятствий, не относящихся к противоправным деяниям, в процессе реализации прав и обязанностей [13, с. 11–15]. Иными словами, охрана права предстает как единство статики и динамики: наличия определенных мер воздействия и демонстрации готовности их применения. Это как бы предзащита права.

Под защитой права следует понимать некий способ восстановления нарушенного права, осуществляемый в принудительном порядке. Таким образом, «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются» [14, с. 130–131]. В то же время данные категории нельзя разграничивать только по одному критерию: наличию и отсутствию правонарушения. Как считает А.С. Мордовец, «их следует различать по сути, содержанию и форме. При этом имеется в виду следующее: охрана прав и свобод есть состояние правомерной реализации прав и свобод под контролем социальных институтов, но без их вмешательства. Меры защиты применяются тогда, когда осуществление прав и свобод затруднено, но права и свободы еще не нарушены. Если права и свободы нарушены, то их нужно не защищать, а восстанавливать. Следовательно, восстановление нарушенного права есть верный путь к их обеспечению, но не к защите» [15, с. 88].

Кроме того, далеко не вся охрана прав, свобод и законных интересов осуществляется в порядке применения права. Как правило, охрана прав происходит путем нормативных предписаний, направленных на предупреждение правонарушений. И только защита прав реализуется в форме правоприменения. Отсюда можно сделать вывод о том, что правоохранительную деятельность не следует рассматривать как разновидность правоприменительной, поскольку не всегда они совпадают. Хотя нередко охрана права осуществляется в форме правоприменения, однако предполагает реализацию не мер защиты, а штрафных (карательных) санкций. Таким образом, правоохранительная деятельность – это вид юридической деятельности по охране права, обеспечению законности и правопорядка, связанный с профилактикой и предупреждением правонарушений, не исключающий применение юридических санкций. Напротив, правозащитная деятельность – это самостоятельный вид юридической деятельности, направленный на положительное изменение ситуации с нарушением прав человека, в ходе

которой могут быть реализованы меры защиты.

Несмотря на самостоятельный характер каждой категории, понятия защиты права и охраны прав, свобод и законных интересов взаимосвязаны. Прежде всего, это выражается в том, что на практике правозащитные отношения порождают возникновение правоотношений правоохранительного характера. К примеру, вышестоящая судебная инстанция, проверяя доводы, изложенные в жалобе стороны по поводу неправомерного поведения судьи в ходе процесса, может отменить несправедливый и незаконный обвинительный приговор и применить к судье соответствующие меры юридической ответственности.

Таким образом, с учетом всего вышесказанного следует подчеркнуть, что под правоохранительной деятельностью как элементом правоохранительной системы необходимо понимать особый вид государственной или санкционированной государством юридической деятельности, осуществляющий охрану права, обеспечение законности и правопорядка, защиту прав с помощью предупреждения его нарушений, применения юридических мер воздействия при неуклонном соблюдении установленного порядка [6, с. 171]. Безусловно, изложенная нами точка зрения не лишена критики. Однако существующее в юридической науке расхождение во мнениях по поводу понятий «охрана прав человека», «защита прав человека», «правоприменительная деятельность», «правоохранительная деятельность» свидетельствует о наличии сложной научной проблемы, требующей самостоятельного глубокого осмысления и решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства: вопросы системности // Государство и право. 2012. № 2. С. 110–114.
2. Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110–113.
3. Калнина М.Ю. Правозащитная деятельность как вид юридической деятельности в Российской Федерации // Государственное строительство и право. Вып. 8. М.: Юридическая литература, 2008. С. 89–95.
4. Амирбеков К.И. Правообеспечительная юридическая деятельность: теоретический подход // Государство и право. 2006. № 1. С. 88–94.
5. Беляев В.П. Надзор как форма юридической деятельности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 3. С. 68–84.
6. Шагиева Р.В., Шагиев Б.В. Правоохранительная деятельность как разновидность юридической деятельности: проблемы теоретического обоснования // Евразийский юридический журнал. 2014. № 2. С. 166–171.
7. Самощенко И.С. О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 81–91.
8. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. 265 с.
9. Сырых В.М. Теория государства и права. М.: Юстицинформ, 2006. 704 с.
10. Галузин А.Ф. Смена парадигмы: от понятия правоохранительные органы к понятию правоприменительные органы // Актуальные проблемы правоведения. 2011. № 1. С. 34–44.
11. Глущенко П.П. Институт правозащитной деятельности – составная часть правового государства, его правовой системы // Правозащитная деятельность правового государства: история и современность, теория и практика: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургская академия управления и экономики, 2010. С. 21–30.

12. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. 259 с.
13. Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 22 с.
14. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.
15. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения права человека и гражданина. Саратов: СВШ МВД РФ, 1996. 287 с.

LAW ENFORCEMENT AND HUMAN RIGHTS ACTIVITY: CORRELATION OF CONCEPTS

© 2016

A.S. Kainov, senior prosecutor of Department for supervision over execution of the environmental legislation of the Department for supervision over execution of federal legislation
Krasnodar Territory Prosecutor's Office, Krasnodar (Russia)

Keywords: law enforcement activity; advocacy; security of rights and freedoms; protection of rights and freedoms.

Abstract: On the basis of research, law enforcement and human rights activity are defined as independent types of legal activities. The author analyzes the existing legal literature opinions, highlights the common and distinctive features of law-enforcement and human rights activity.

А.С. Каинов, старший прокурор отдела по надзору за исполнением природоохранного законодательства управления по надзору за соблюдением федерального законодательства
Прокуратура Краснодарского края, Краснодар (Россия)

Ключевые слова: прокуратура; надзор; общественно опасные деяния; возбуждение уголовного дела; избрание меры пресечения; борьба с преступностью; принцип неотвратимости наказания.

Аннотация: В статье раскрывается роль органов прокуратуры в реализации принципа неотвратимости наказания по уголовным делам за нарушения требований закона не только для граждан, но и для сотрудников правоохранительных органов.

Общеизвестно, что принцип неотвратимости наказания означает, что любое лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию или иным мерам уголовно-правового воздействия, предусмотренным уголовным законом. Напротив, полная безнаказанность преступников порождает новую волну преступлений, снижает общий уровень моральной требовательности, воспитания в обществе, ослабляет нетерпимость населения к неправомерным деяниям и нарушителям закона. Поэтому в реализации данного принципа не последнюю роль играют органы прокуратуры.

Несмотря на отсутствие полномочий по возбуждению уголовных дел, прокуратура не остается безучастной к выявлению общественно опасных деяний. Так, при осуществлении надзорной деятельности прокурорские работники могут выявить факты нарушений законодательства, влекущие уголовную ответственность, а затем направить соответствующие материалы со своим постановлением в следственные органы для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела. Более того, Генеральный прокурор РФ не раз высказывался о необходимости возвращения прокурорам права возбуждать уголовные дела, хотя бы в отношении специальных субъектов (судей, прокуроров, адвокатов). «Прокурор – нейтральный человек. Он не заинтересован в результатах. Он мог бы и возбуждать, и расследовать» [1, с. 1].

Прокуроры в рамках предоставленных законом полномочий реагируют на факты незаконных задержаний, арестов и другие нарушения прав участников уголовного процесса. Однако зачастую складывается такая юридическая практика, когда при избрании меры пресечения по уголовным делам для суда приоритетным служит мнение следователя, а не прокурора, притом что заключение под стражу предусматривает значительные ограничения прав на свободу и личную неприкосновенность. Поэтому, как справедливо отметил Ю. Чайка, «участие прокурора в судебных заседаниях при избрании данной меры пресечения является не чем иным, как дополнительной гарантией соблюдения законности при лишении неприкосновенности... Однако законодатель особой значимости этой функции прокурорской деятельности в досудебной стадии не учел» [2, с. 1]. Кроме того, достаточно часто прокурорские работники выявляют случаи укрытия преступления органами, осуществляющими предварительное следствие (отказ гражданам в принятии заявления, регистрация сообщения граждан о совершении преступления). Нередко граждан, заявивших о совершенных общественно опасных деяниях, сотрудники правоохранительных органов пытаются склонить к изменению показаний на некриминальные версии случившегося, либо, наоборот, прокуроры отменяют необоснованные постановления сотрудников правоохранительных органов о возбуждении уголовных дел.

Достаточно часто прокурорские работники выявляют случаи применения к гражданам сотрудниками ОВД насильственных способов урегулирования ситу-

ации (подчас без предупреждения о своем намерении применить физическую силу или специальные средства) либо безосновательного использования различных форм принуждения к лицам, совершившим не преступление, а административное правонарушение. Поэтому опасное в таких случаях сопротивление гражданина расценивается как спровоцированное сотрудниками правоохранительных органов действие в результате неправомерного поведения самих сотрудников ОВД [3, с. 262–263].

Прокуратура, обеспечивая реализацию принципа неотвратимости наказания, активно взаимодействует с иностранными коллегами. Так, Генеральная прокуратура РФ ведет работу по решению вопроса о выдаче преступников по требованию иностранных государств, участвует в разработке международных договоров и соглашений по поводу оказания правовой помощи и борьбы с преступностью. Сегодня в сфере экстрадиции и правовой помощи Генеральная прокуратура РФ взаимодействует более чем с 80 государствами, причем не только со странами СНГ, но и дальнего зарубежья (Франция, Италия, США, Великобритания и др.). Ежегодно Генеральная прокуратура РФ прорабатывает и направляет десятки тысяч запросов об оказании правовой помощи по уголовным делам. Причем в этом направлении имеются положительные тенденции. В результате международно-правового сотрудничества удалось вернуть на родину ряд фигурантов «громких» уголовных дел, связанных с коррупцией, мошенничеством, растратой бюджетных средств и пр. Например, в 2016 году Италия выдала экс-главу Росграницы Д. Безделова, обвиняемого в мошенничестве на сумму 1,7 млрд руб. Франция до лета 2016 года обязалась вернуть в Россию экс-главу министра финансов Московской области А. Кузнецова, обвиняемого в мошенничестве на сумму 14 млрд руб.

В целях обеспечения реализации принципа неотвратимости наказания прокуратура координирует работу правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В юридической литературе встречается точка зрения, согласно которой прокуратуре следует отказаться от данной функции, поскольку «...прокурор фактически приобретает властно-распорядительные полномочия в отношении руководителей правоохранительных органов... Наделение прокурора полномочиями координатора автоматически накладывает на него ответственность за положение дел с раскрываемостью преступлений, за сроки и качество расследования преступлений, состояние и динамику преступности и т. п.» [4, с. 158]. Однако, на наш взгляд, вряд ли с этим можно согласиться. В современных условиях, когда существует сложная криминогенная обстановка, а в организации деятельности правоохранительных органов имеются просчеты и недостатки, присутствует ведомственная разобщенность государственных структур, основной целью прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью служит анализ состояния преступности, результатов борьбы с ней, принятие действий по выявлению причин и условий, способствующих совершению правонарушения,

выработка дополнительных мер, а также восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений. Именно через проводимые совещания по решению той или иной задачи прокуратура реализует полномочия по обеспечению соблюдения требований законности и компетенции ОВД, ФСБ, таможенных органов, органов наркополицей и иных правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью. А значит, в ходе реализации координационной функции происходит конкретизация действий для каждого участника правоохранительной деятельности с установлением ответственности за качественное их выполнение. При этом прокуратура может проводить проверки исполнения приказов, требований, запросов и пр. Следовательно, координационная функция прокуратуры способствует созданию единой, целенаправленной деятельности вышеперечисленных правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в стране, поскольку стабилизирует саму деятельность правоохранительных органов и формирует предпосылки для правомерного поведения субъектов права.

Таким образом, прокуратура, обладая уникальной централизованной системой управления, обеспечивает

реализацию принципа неотвратимости наказания и, как следствие, способствует укреплению законности и правопорядка в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чайка Ю. Человек нейтральный // Российская газета. 2012. 31 мая.
2. Чайка Ю. Господин укрядом // Российская газета. 2012. 14 декабря.
3. Индык А.Г. Элементы правозащитной деятельности в системе правоохранительных органов государства // Правозащитная деятельность правового государства: понятие и современность, теория и практика: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургская академия управления и экономики, 2010. С. 262–263.
4. Протопопов А.Л. Место и роль прокуратуры в системе государственных органов // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. К 275-летию Российской прокуратуры: материалы научно-практической конференции. М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1997. С. 73–77.

THE ROLE OF PUBLIC PROSECUTION IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF INEVITABILITY OF PUNISHMENT

© 2016

A.S. Kainov, senior prosecutor of Department for supervision over execution of the environmental legislation of the Department for supervision over execution of federal legislation
Krasnodar Territory Prosecutor's Office, Krasnodar (Russia)

Keywords: prosecutor's office; supervision; socially dangerous acts; criminal proceedings; election of a preventive measure; fighting against crime; principle of inevitability of punishment.

Abstract: The article reveals the role of prosecution bodies in the implementation of the principle of inevitability of punishment in criminal cases not only for citizens but also for law enforcement officers for violations of the requirements of the law.

**ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДЕФЕКТЫ МЕХАНИЗМА
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

© 2016

И.П. Кожокарь, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского и международного частного права
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Ключевые слова: дефекты механизма правового регулирования; вещное право; общие и специальные дефекты.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы классификации дефектов механизма гражданско-правового регулирования вещных отношений. Выделяются общие и специальные дефекты предложенной группы, а также соответствующие подвиды.

Классификация дефектов механизма гражданско-правового регулирования (далее также – МГПР) вещных отношений, как и всякая классификация, может быть построена по различным основаниям. В системе дефектов вещных прав можно выделить общие и специальные дефекты.

За основу выделения общих дефектов МГПР вещных отношений следует взять типологию дефектов МГПР с позиции элементов этого механизма и структурных связей его элементов. Такие дефекты будут общими с той точки зрения, что эта классификация может быть применена в отношении дефектов любых видов отношений, регулируемых гражданским правом, в том числе и вещных дефектов. В этом случае можно выделить систему общих дефектов МГПР вещных отношений, приведенную ниже.

1. Общие дефекты МГПР вещных отношений:

- 1) дефекты нормативной основы МГПР вещных отношений;
- 2) дефекты юридических фактов приобретения, перехода, прекращения права собственности и ограниченных вещных прав;
- 3) дефекты вещных правоотношений;
- 4) дефекты структурных связей элементов МГПР вещных отношений.

Специфика предмета и метода регулирования избранна нами в качестве основания для вычленения специальных дефектов МГПР вещных отношений в рамках общих дефектов, определяемых с позиций дефектов элементов МГПР и связи этих элементов.

В свою очередь система самого вещного права, его деление на право собственности и на ограниченные вещные права может служить критерием построения ещё одной классификации. С этих позиций можно выделить в системе специальных дефектов МГПР вещных отношений дефекты общие для всей подсистемы МГПР вещных отношений и дефекты отдельных составляющих этой подсистемы – дефекты регулирования отношений собственности и дефекты регулирования ограниченных вещных отношений. Такая классификация будет выглядеть следующим образом.

II. Специальные дефекты МГПР вещных отношений

1. Дефекты, свойственные всей подсистеме МГПР вещных отношений

Отсутствие в российском праве до самого последнего времени комплекса взаимосвязанных институтов вещного права, объединенных развернутой системой общих норм вещного права. Этот дефект следует отнести к системным дефектам всего гражданского права. Это предопределяет значение дефекта в сбое функционирования всего МГПР, не могущее не влиять на стабильность гражданского оборота и эффективность функционирования МГПР. Перед наукой стоит задача дальнейшего развития теории вещных прав, а перед законодателем дальнейшее совершенствование норм вещного права. С рассмотренных методологических позиций, по нашему мнению, необходимо рассматривать дефекты МГПР вещных прав. Обращает на себя внимание тот факт, что

в действующем законодательстве раздел второй, его название и структура не могли способствовать эффективности МГПР. Общие положения этого раздела из девяти статей содержат только одну ст. 216, предлагающую открытый перечень вещных прав лиц, не являющихся собственниками. Термин «ограниченные вещные права» в действующем ГК РФ отсутствует. Остальные восемь статей относятся к праву собственности. Трудно переоценить значение предложенного Проекта изменений названия и структуры раздела II ГК РФ.

2. Отсутствие до последнего времени института фактического владения как системного дефекта нормативной основы МГПР вещных отношений

Хотя термин «фактическое владение» и отсутствует в действующем законодательстве, само фактическое владение как юридический факт ему известно. Так, в силу ст. 223 ГК РФ право собственности у приобретателя по договору возникает с момента её передачи, если иное не предусмотрено законом или договором. Вещь считается врученной приобретателю с момента ее фактического поступления во владение приобретателя или указанного им лица (абзац 2 п. 1 ст. 224 ГК РФ). Действующее законодательство знает приобретение права собственности по давности владения и защиту фактического владельца против третьих лиц, не являющихся собственниками имущества, а также не имеющих прав на владение им в силу иного предусмотренного законом или договором основания (ст. 234 ГК РФ). В основном владение рассматривается действующим законодательством как правомочие в составе ряда гражданских субъективных прав. Проектом изменений ГК РФ предложено выделить в разделе «Вещное право» особого подраздела 1 «Владение». В частности, в Проекте под владением понимается «фактическое господство лица над вещью». Владение сохраняется до тех пор, пока владелец имеет свободный доступ к объекту владения.

В случае принятия предложенных изменений будет устранён вышеназванный дефект, что бесспорно повысит эффективность МГПР вещных отношений.

3. Дефекты норм – дефиниций вещного права

В действующем законодательстве отсутствует понятие вещного права. Нет и определения права собственности, его заменяет статья о содержании права собственности, предлагающая триаду правомочий собственника (ст. 209 ГК РФ). Понятие ограниченных вещных прав можно вывести путём толкования норм об этих правах, императивно закрепляющих правомочия их правообладателей. Например, земельный сервитут можно определить в соответствии с заголовком статьи 274 ГК РФ как право ограниченного пользования чужим земельным участком.

В Проекте изменений ГК РФ вещное право определяется как право, предоставляющее лицу возможность непосредственно господствовать над вещью или иным объектом вещного права, осуществляя правомочия владения, пользования и распоряжения ею вместе или по отдельности в пределах, которые установлены Гражданским кодексом.

Поскольку научные понятия могут воплощаться в законодательные, следует обратить внимание на правовые нормы – дефиниции. Дефинитивные нормы (или норы-дефиниции) С.С. Алексеев определяет как «предписания, направленные на закрепление в обобщённом виде признаков данной правовой категории» [1, с. 71].

Определение в законе вещного права вполне уместно, тем более что в Проекте оно дано в столь общем виде, что вряд ли может встретить возражения, разве что какие-то уточнения. Несколько затрудняет толкование термина «непосредственно господствовать», ибо его можно толковать двояко: как возможность непосредственного воздействия на вещь путём фактических и юридических действий с самой вещью либо как возможность господства самому без чьего-либо усмотрения.

4. Дефекты в осуществлении вещных прав (злоупотребление правом)

В соответствии со ст. 9 ГК РФ «граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права».

Обращает на себя внимание тот факт, что термин «по своему усмотрению» законодатель применяет как к осуществлению всяких гражданских прав, так и к праву собственности (ст. 209 ГК РФ). Очевидно, что этот термин не может служить отличительной особенностью права собственности. Ни в одной норме об ограниченных вещных правах нет упоминания своего усмотрения их правообладателей, но в императивной форме фиксируются их ограниченные правомочия в отношении чужого имущества. Но в таком случае статью 9 ГК РФ нельзя распространять на иные вещные права? Очевидно, здесь кроется дефект нормативной основы механизма гражданско-правового регулирования, выходящий за пределы вещных отношений.

Собственное усмотрение правообладателя гражданских прав ставит пределы (ст. 10 ГК РФ). Собственник, кроме пределов, установленных ст. 9, не вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества действия, противоречащие закону и иным правовым актам и нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц. В соответствии со ст. 10 ГК РФ «в случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом». Всё содержание ст. 10 ГК РФ свидетельствует о том, что злоупотребление правом с учётом характера допущенного злоупотребления может выступать как дефект правового механизма, в частности вещного правоотношения. Нивелирование такого дефекта может быть осуществлено судом путём отказа в защите принадлежащего правообладателю вещного права полностью или частично.

5. Дефекты, свойственные подсистемам вещного права

5.1. Дефекты института права собственности

1. Дефекты систематизации законодательных конструкций о формах собственности и недооценка экономической составляющей в построении законодательной системы форм собственности.

2. Отсутствие чёткого перечня ограничений права собственности – существенный изъян нормативной системы МГПР вещных отношений. Этот дефект предопределяет дефекты осуществления права собственности. В научной литературе уже было отмечено, что в действующем ГК не в полной мере раскрыт институт ограничения права собственности [2, с. 2]. Эти дефекты тесно связаны с общими дефектами в осуществлении вещных прав, порождая злоупотребления правом как со стороны собственника, так и со стороны иных лиц, противостоящих ему. Особое значение в деле нарушения интересов собственника в этих случаях имеют действия органов

власти и управления.

Согласно ч. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ «гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона, и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Этот принцип гражданского права естественно относится ко всем гражданским отношениям. Однако в отношении права собственности он нуждается в детализации через закрепление в ГК РФ конкретных ограничений права собственности.

В соответствии с Проектом изменений ГК «1. Собственник обладает наиболее **полным господством над вещью** и вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащей ему вещи любые действия, если это не противоречит закону и не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, а также устранять любое незаконное воздействие на эту вещь со стороны третьих лиц». И, тем не менее, если такое полное господство провозглашено в норме права, ГК РФ должен содержать императивные нормы, ограничивающие это господство.

3. Дефекты в распоряжении права государственной собственности через установление таких его способов, как наделение государственных предприятий и организаций правом хозяйственного ведения и оперативного управления.

Е.А. Суханов обуславливает появление таких особых вещных прав, составляющих, по его мнению, особую, третью группу вещных прав, не основанную на классических подходах к данной категории, исключительно господством плановой экономики советского периода. Эти права, как считает Е.А. Суханов, сохраняются в нынешней экономике переходного типа вместе с не менее искусственными организационно-правовыми формами юридических лиц – не собственников, считающимися самостоятельными участниками гражданского оборота [3, с. 2]. Здесь прослеживаются системные связи между дефектами в распоряжении права собственности и дефектами института ограниченных вещных прав.

5.2. Дефекты института ограниченных вещных прав

1. Дефекты законодательных конструкций права оперативного управления и права хозяйственного ведения. Одно из наиболее явных дефектных явлений механизма правового регулирования вещных отношений – неопределённость роли и значения прав оперативного управления и хозяйственного ведения.

Это находит подтверждение в противоречивом отношении к ним учёных, вплоть до полного их отрицания. В настоящий момент в России не прекращаются дискуссии учёных о правовых формах участия государства и государственной собственности в хозяйственном обороте страны [4].

Для многих исследователей стало очевидно, что право хозяйственного ведения и право оперативного управления не обеспечивают эффективное управление объектами публичной собственности, закрепленными за юридическими лицами [2].

У истоков формирования юридической конструкции оперативного управления как правовой формы закрепления имущества за государственными организациями стоял А.В. Венедиктов. Он предлагал указать в Гражданском кодексе, что госорганы осуществляют предоставленные им государством права по владению, пользованию и распоряжению имуществом в порядке управления [5, с. 359].

Между тем, по мнению некоторых исследователей, сохранение этих вещных прав в действующем законодательстве свидетельствует о переходном характере самой экономики, которая неизбежно, но временно и в модифицированном виде сохраняет определённые элементы прежней хозяйственной системы (к которым относятся

и права хозяйственного ведения и оперативного управления) [3, с. 359]. Одним из доводов в защиту своей позиции Е.А. Суханов считает, что «набор» ограниченных вещных прав и их система в современном российском законодательстве не совпадают с традиционной систематизацией, представленной И.А. Покровским [6, с. 203]. Вместе с тем подчеркнем, что излишне частые ссылки на классические вещные права не всегда обоснованы. Тем самым отрицается возможность рождения новых правовых форм по мере развития и изменения общественных отношений, опосредствовать которые как раз и призваны эти новые формы, в частности, возможность дальнейшего развития классического учения о вещных правах.

В защиту этих прав выступает Д.В. Петров. Он считает необходимым выделение в правовой системе России двух больших групп вещных прав [7]. Критерием такой классификации он считает предназначение (смысл, цель) тех или иных правовых конструкций, поскольку выделения вещных прав только по критерию объёма и характера вещных правомочий субъектов вещных прав явно недостаточно.

В первую группу Д.В. Петров включает вещные права, дающие их субъектам право на обособление собственного имущества как условие признания организации юридическим лицом. К таким правам он относит, прежде всего, право собственности, а также такие вещные права, как право хозяйственного ведения и право оперативного управления.

Во вторую группу им включаются вещные права, суть которых состоит в первую очередь в обременении субъекта одного из прав первой группы ради определённых общественных или частных интересов. То есть все остальные вещные права, которые на сегодняшний день носят название ограниченных вещных прав.

Достаточно неопределённо и законодательная практика по этому вопросу. Федеральным законодательством [8] вещные права хозяйственного ведения и оперативного управления сохранены за унитарными государственными и муниципальными предприятиями и учреждениями.

В Проекте изменений ГК РФ уже предусматривается единое право оперативного управления, в соответствии с которым государственные и муниципальные предприятия или учреждения владеют, пользуются и распоряжаются принадлежащим им имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника этого имущества и назначением этого имущества.

2. *Дефекты действующего законодательного регулирования иных вещных прав.* Здесь следует отметить несколько моментов. В ст. 216 ГК РФ закрепляется открытый перечень вещных прав лиц, не являющихся собственниками имущества, в количестве пяти прав, что явно не охватывает даже тех прав, которые названы в иных статьях ГК РФ. В дальнейшем регулирование других вещных прав осуществляется совместно с правом собственности. В отдельные главы выделены право собственности и другие вещные права на землю (гл. 17), а также право собственности и другие вещные права на

жилые помещения (гл. 18). В главе 17 законодатель подчёркивает межотраслевые связи гражданского и земельного права, ссылаясь на отдельные статьи Земельного кодекса РФ. Как отмечает В.П. Камышанский, «существенное сужение границ применения вещных прав относительно земельных участков и их замена арендными отношениями, получившие закрепление в Земельном кодексе РФ, негативно сказались на правовом режиме земельных участков и, как показала в последующем практика применения законодательства, вступили в противоречие с интересами россиян» [2].

Такой способ регулирования вещных прав не представляется удачным. Он не способствует детальной проработке других вещных прав и создаёт впечатление их второстепенности, несамостоятельности, тогда как все гражданские права, в том числе ограниченные вещные права, равным образом защищаются государством в лице его правоохранительных органов.

Следует отметить, что Проект изменений ГК РФ идёт по иному пути. В этом смысле расширение закрытого перечня вещных прав в Проекте до восьми и детальное самостоятельное урегулирование каждого из них в отдельных главах существенно повысило бы эффективность функционирования МГПР вещных прав.

В этом смысле расширение закрытого перечня вещных прав в Проекте до восьми и детальное самостоятельное урегулирование каждого из них в отдельных главах существенно повысило бы эффективность функционирования МГПР вещных прав.

Дефекты структурирования нормативного материала о вещных правах в действующем ГК РФ приводят к дефектам отдельных статей ГК РФ о вещных правах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т. Т. 2. М.: Юрид. литература, 1982. 359 с.
2. Камышанский В.П. Об ограничениях права собственности и модернизации вещных прав в ГК РФ // Гражданское право. 2013. № 5. С. 2–5.
3. Российское гражданское право. В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. 956 с.
4. Бабаков В.А. Правосубъектность государства как участника гражданско-правовых отношений // Гражданское право. 2014. № 5. С. 34–36.
5. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.: Академия наук СССР, 1948. 840 с.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 349 с.
7. Петров Д.В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления в системе вещных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 27 с.
8. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

GENERAL AND SPECIAL DEFECTS MECHANISMS OF CIVIL-LEGAL REGULATION OF REAL RELATIONS

© 2016

I.P. Kozhokar, PhD (Law), Associate Professor,
Head of the Department of Civil and Private International Law
Saratov State Academy of Law, Saratov (Russia)

Keywords: defects of legal regulation mechanism; property law; general and special defects.

Abstract: The article deals with the problem of classification of defects mechanism of civil-legal regulation of proprietary relations. Are allocated general and specific defects in the proposed group, as well as the corresponding sub-species.

**КРАТКИЙ ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ ЖУРНАЛОВ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО», «ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА
И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ», «ВЕКТОР НАУКИ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ» НА ТЕМУ:
«ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»**

© 2016

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, Саратов (Россия)

Д.А. Липинский, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры

«Теория государства и права»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: концепция правовой политики; юридическая ответственность; виды юридической ответственности; виды правовой политики; концепция юридической ответственности.

Аннотация: В статье приведен обзор научно-практической конференции, проходившей 12–14 апреля 2016 года в Тольяттинском государственном университете. Предметом обсуждения стал разработанный проект концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. В статье приводятся как критические замечания по проекту, так и новые предложения, дополняющие и развивающие существующие разделы концепции.

В своем выступлении директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько и кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии Р.С. Маркунин отметили, что в проекте Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности саму юридическую ответственность необходимо рассматривать в различных сферах нашей жизнедеятельности. В связи с этим требуется выделить в проекте Концепции самостоятельный раздел, посвященный системе юридической ответственности органов публичной власти.

Предлагаемый раздел должен включать несколько самостоятельных направлений.

1. В новой Конституции требуется сформировать полноценный каркас системы юридической ответственности для органов публичной власти. Юридическая ответственность должна найти свое отражение, начиная от высшего должностного лица государства и заканчивая государственным служащим низшего звена.

2. Внесение изменений в процедуру импичмента президента и преобразование его в эффективное средство контроля за деятельностью главы государства. Рассматривая действующую процедуру и основания ответственности Президента России, следует сделать вывод, что отрешение от должности на практике, на данный момент, не осуществимо. Мы склонны полагать, что на современном этапе сыграло бы свою положительную роль расширение перечня оснований, а именно «в связи с совершением деяний, несовместимых со статусом главы государства».

3. Изменение проводимой государством политики с установления разного рода гарантий и иммунитетов должностных лиц в сторону закрепления их обязанностей и мер юридической ответственности. Ограничение действия личного иммунитета должностных лиц лишь в рамках свободы выражения своего мнения и действий при выполнении своих обязанностей.

4. Законодательное закрепление на федеральном уровне норм, касающихся обязательного наличия такой меры ответственности, как досрочное прекращение полномочий в отношении депутатов регионального и местного представительного органа. Стоит сказать, что последние изменения федерального законодательства наметили положительную тенденцию, а именно установили возможность досрочного прекращения полномочий депутата решением Государственной Думы по ини-

циативе фракции, в которой он состоит, или комитета, членом которого депутат является, в случае неисполнения им в течение 30 и более календарных дней обязанностей, предусмотренных действующим законом. Требуется дальнейшая конкретизация в федеральном законодательстве оснований отзыва и досрочного прекращения полномочий депутата представительного органа власти регионального и местного уровней: а) систематическое (два раза и более) невыполнение своих обязанностей без уважительных причин; б) утрата доверия; в) совершение действий, порочащих статус парламентария.

5. Закрепление такого основания применения мер ответственности в отношении судей при системном вынесении неправосудных и немотивированных решений, подтверждаемом вышестоящими судебными инстанциями в вынесенных судебных актах. Подобная системность является свидетельством недобросовестности либо отсутствия профессиональных качеств у судьи, в отношении которого рассматривается вопрос о привлечении его к ответственности. Целесообразным в данном случае выглядит такая мера ответственности, как досрочное прекращение полномочий судьи.

В своем выступлении доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Теория государства и права» Тольяттинского государственного университета Р.Л. Хачатуров отметил важность разработки проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности, его совершенствования и дополнения новыми главами. В разделе, посвященном общим началам правовой политики в сфере юридической ответственности, должен быть параграф о философских началах юридической ответственности, в котором необходимо раскрыть роль и социальное предназначение юридической ответственности, ее логику, конструкцию, природу. В данном параграфе следует заложить основу для формирования всей концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. Раздел об общих началах правовой политики в данной сфере должен открываться данным параграфом.

В своем выступлении доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Теория государства и права» Д.А. Липинский отметил, что представленная для обсуждения разработка включает следующие разделы: общие начала правовой политики; общие начала правовой политики в сфере юридической ответственности; цели и функции юридической ответственности и правовой политики; правовая политика и правоотношения юридической ответственности; правовая политика в сфере мер юридической ответственности; правовая по-

литика в сфере функционирования видов юридической ответственности; правовая политика в сфере оснований юридической ответственности; правовая политика в сфере исключений из общих правил юридической ответственности; правовая политика в сфере ограничений государственной власти.

Несмотря на то что авторы данной статьи являются одними из авторов обсуждаемой концепции, за прошедшее время ими были переосмыслены многие положения о структуре концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. Думается, что, прежде всего, необходима детализация самой структуры. Так должны существовать два крупных раздела: об общих началах правовой политики, куда войдут отдельными главами (параграфами) вопросы о принципах, правоотношениях, целях, функциях и т.д., и раздел, посвященный правовой политике в сферах функционирования отраслевых и межотраслевых институтов юридической ответственности. В частности, отдельные параграфы должны быть посвящены: конституционному; уголовному; гражданско-правовому; финансовому; административному; процессуальному и др. институтам юридической ответственности. Возможно и более детальное деление. Так, финансовая ответственность подразделяется на налоговую, бюджетную и банковскую; подвидами процессуальной ответственности выступают уголовно-процессуальная и гражданско-процессуальная ответственность. Отдельное внимание должно быть уделено видам ответственности, находящимся в стадии становления (формирования): конституционно-процессуальной; административно-процессуальной; семейно-правовой; уголовно-исполнительной; муниципально-правовой. Межотраслевой институт юридической ответственности не является неким застывшим образованием. Он динамичен, изменчив, обусловлен существующими общественными отношениями, потребностями общественного развития, необходимостью борьбы с новыми видами общественно опасных деяний. Поэтому с течением времени вполне допустимо дополнение данного раздела новыми главами и параграфами. Вопрос о системе юридической ответственности является открытым, как и вопрос о системе права. Изменения в системе права обуславливают и динамику института юридической ответственности. Следует отметить, что деление института юридической ответственности на отдельные виды, которое происходит на основе предмета и метода правового регулирования, не является тождественным делению системы права на отрасли, что необходимо учитывать при формировании структуры концепции юридической ответственности. Не любая отрасль права в своей структуре содержит самостоятельный институт юридической ответственности. Безусловно, отдельный параграф в структуре концепции правовой политики в сфере юридической ответственности должен быть посвящен международно-правовой ответственности.

Как известно, деление системы юридической ответственности на видовые институты не является тождественным делению юридической ответственности на виды, ввиду того что в основу деления юридической ответственности на виды может быть положен не только отраслевой критерий классификации. Поэтому мы не исключаем ввиду особой важности формирование параграфов, посвящённых юридической ответственности в сфере противодействия коррупции; юридической ответственности несовершеннолетних и т.д.

В своем выступлении **доктор юридических наук, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Самарской гуманитарной академии Ю.В. Оспенников** указал, что концепцию правовой политики в сфере юридической ответственности сложно сформулировать без учета определенных исторических традиций, уже существующего правового опыта, ошибок, которые помогает избежать в настоящем истори-

ко-правовая наука. В этом аспекте можно обратиться к правовой политике, существовавшей в русских землях в период с XI по XIII вв. В историко-правовой науке не принято разрабатывать вопросы эволюции правовой политики в конкретно-исторических условиях, в хронологическом отношении далеко отстоящих от современности. Между тем анализ повествовательных источников информации XI–XIII вв. (прежде всего, летописного материала) позволяет выявить изменения уголовно-правовой политики в средневековом русском праве в этот период, определив наиболее активные действующие силы, которые влияли на эти изменения. В это время появляются и начинают всё чаще использоваться новые, нетипичные для обычного древнерусского права виды наказаний, которые связываются по тексту летописей исключительно с княжеской властью. К их числу относятся ослепление, урезание носа или ушей, раздавливание и сажание на кол и др. Все их сближает особая жестокость, которая отличает репрессивную деятельность князей от традиционной общинной системы наказаний.

Массив летописных данных позволяет утверждать, что в рассматриваемый период в деятельности князей намечается тенденция использования видов и форм наказаний, заимствованных из инокультурных правовых систем, не связанных генетически с обычной правовой древнерусской традицией. Тюремное заключение (в «пуруб») в это время, напротив, было связано с перипетиями политической борьбы, а не с уголовно-правовой политикой.

Историко-правовой анализ летописных текстов Северо-Западной Руси позволяет выявить общее направление изменения уголовно-правовой политики в период XI–XIII вв. и действующие силы, определявшие эти изменения. В это время соотношение двух источников власти – народного собрания и княжеской власти – существенно изменяется в пользу князя. На основе усиления княжеской власти в древнерусское право проникают чуждые ему виды и формы наказаний, прежде всего ослепление и урезание носа. Исходной правовой системой, откуда заимствовались нововведения, являлось византийское право, но его действие осуществлялось не через церковные власти, как можно было бы ожидать, а через княжескую судебную практику.

Подводя итог выступления, Ю.В. Оспенников отметил, что поддерживает гуманистические начала правовой политики в РФ, а также указал на необходимость с осторожностью перенимать опыт уголовных наказаний из зарубежных стран. Так, например, «не прижился» у нас такой вид уголовного наказания, как арест, заимствованный с западной модели исполнения уголовных наказаний, ввиду существующих правовых традиций суды избегают назначать наказание в виде обязательных работ, которое аналогично было заимствовано из опыта других зарубежных стран.

На необходимость учета историко-правового опыта при построении концепции правовой политики в сфере юридической ответственности указал в своем выступлении и **доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «История государства и права» Тольятинского государственного университета С.В. Жильцов**, заострив внимание на проблеме смертной казни. Смертная казнь – явление закономерное, генетически произошедшее из обычая кровной мести, распространенного у всех народов, а потому имеющее объективную основу ее применения.

Применение смертной казни как высшей меры наказания имеет своей целью лишение жизни преступника и предупреждение совершения особо опасных преступлений в обществе. Имея объективную основу своего происхождения, смертная казнь и на современном этапе общественного развития сохраняет свое основное свойство – превентивное предназначение.

История применения смертной казни в отечествен-

ном законодательстве свидетельствует о том, что эта мера способствовала улучшению криминогенной обстановки в государстве, в частности, уменьшала количество совершения особо опасных преступлений.

Применение или отмена смертной казни в законодательстве государств должно соответствовать объективным потребностям общества и учитывать как общий уровень криминогенной обстановки в обществе, так и динамику совершения особо опасных преступлений.

Исходя из опыта множества государств, где применялась смертная казнь в соответствии с законодательством, можно рекомендовать замену смертной казни пожизненным заключением (по выбору осужденного), при создании условий содержания приговоренных к длительным срокам заключения. Думается, что данный аспект необходимо отразить в проекте концепции правовой политики.

В своем выступлении кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Оренбургского филиала Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина О.С. Вырлеева-Балаева подчеркнула, что общественные отношения в сфере государственного управления характеризуются нестабильным порядком, проявляющимся в росте коррупционных правонарушений, в то время как именно чиновники всех рангов должны показывать пример высочайшего уровня правосознания и строжайшего соблюдения принципа законности в своей деятельности. Необходимо адекватная реакция государства на поведение должностного лица, отклоняющееся от рамок правомерного. Эта реакция выражается в правовых запретах деяний, нежелательных для общества, и возложении юридической ответственности за их совершение, а также в установлении системы мер, направленных на предупреждение подобного поведения.

Меры юридической ответственности в отношении субъектов публичной власти должны занимать важнейшее место в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Статус чиновников необходимо трансформировать из «привилегированного» в действительно «обслуживающий» гражданское общество и личность. Государство в лице своих представителей обязано нести ответственность за деяния любого органа публичной власти, должностного лица, нарушивших права и свободы человека и гражданина. В связи с этим в последнее время всё более актуальным становится вопрос о роли запрета как средства правового регулирования, в том числе в публично-правовых отношениях.

Так как запреты в сфере государственной службы являются императивным предписанием воздерживаться от совершения нежелательных действий, соблюдать нормы закона при исполнении полномочий, предоставленных государственному служащему, они должны быть обеспечены соразмерными санкциями. Однако в российском законодательстве нормы, содержащие запреты и ограничения для государственных служащих, часто остаются без санкций, что превращает их в пустую декларацию. При этом не достаточно отдельных разрозненных мер. Необходимо выстроить целую систему запретов, ограничений, предписаний и мер ответственности. Наша страна в этом вопросе отстает от многих государств, где уже существует политическая, юридическая, моральная ответственность власти перед обществом.

Кроме того, запреты должны быть исполнимыми, формулироваться в виде четких и определенных правовых норм, устанавливающих обязанность воздерживаться от совершения определенных действий под угрозой применения юридической ответственности. В качестве примера не вполне удачного с точки зрения его соблюдения запрета можно привести запрет останавливать транспортные средства на участках дорог, где их остановка запрещена правилами дорожного движения, за исключением случаев, когда такая остановка связана с необходи-

мостью пресечения преступления, административного правонарушения, осуществления распорядительно-регуляторных действий, предотвращения реальной угрозы причинения вреда жизни, здоровью и (или) имуществу участников дорожного движения, а также случаев обозначения места остановки патрульным автомобилем с включенными специальными световыми сигналами, другими средствами регулирования и организации дорожного движения. Во-первых, действия сотрудника Госавтоинспекции всегда можно оправдать одним из перечисленных случаев-исключений; во-вторых, даже если необходимость остановки транспортного средства не будет подтверждена, вряд ли представитель власти понесет дисциплинарную или административную ответственность за содеянное. Следовательно, смысл такого запрета ничтожен, он не достигнет своей цели.

Целесообразно ввести открытый и прозрачный, логично выстроенный порядок привлечения субъектов публичной власти к ответственности: расследования обстоятельств дела, вынесения решения и исполнения наказания.

В своем выступлении кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Теория государства и права» А.А. Мусаткина подчеркнула позитивные аспекты представленной концепции, одновременно указав на необходимость совершенствования ее структуры и содержания. Так, в представленной концепции весьма обзорно затронуты вопросы финансово-правовой ответственности. Думается, что отдельный параграф должен быть посвящен правовой политике в сфере функционирования данного вида юридической ответственности. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, финансово-правовая ответственность является одним из средств стимулирования сбора налогов и иных платежей, расходования бюджетных средств в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса РФ, соблюдения банками и иными кредитными организациями нормативов, установленных Центральным Банком России. Во-вторых, от эффективности сбора налогов и целевого расходования бюджетных средств в конечном итоге зависит, как государство будет выполнять возложенные на него функции. В-третьих, от соблюдения различными банками и кредитными организациями нормативов и иных требований, установленных ЦБ РФ, зависит стабильность банковской системы, защищенность вкладов юридических и физических лиц. Эти и другие обстоятельства обуславливают важность правовой политики в сфере финансово-правовой ответственности. На наш взгляд, данный параграф целесообразно подразделить на три подпараграфа, которые, соответственно, будут посвящены налоговой ответственности, бюджетной ответственности и ответственности в сфере публичных банковских отношений. Охрана налоговых, бюджетных, публичных банковских отношений осуществляется при помощи норм с различной отраслевой принадлежностью. Поэтому мы поддерживаем высказанную ранее Д.А. Липинским идею о том, что возможно выделение отдельных параграфов концепции, основанных не на отраслевом критерии классификации института юридической ответственности. В связи с этим можно выделить параграф, в котором бы комплексно освещались вопросы уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности за финансовые правонарушения.

В своем выступлении участник круглого стола, доцент кафедры «Теория государства и права» Тольятинского государственного университета, кандидат юридических наук А.Н. Станкин отметил, что вопросам конституционно-правовой ответственности федеральный законодатель практически не уделяет внимания. К немногочисленным законам в данной сфере большие претензии у научного сообщества. Показательно, что само определение конституционно-правовой (или конституционной) ответственности все еще остается

доктринальным.

В этом плане конституционная ответственность явно проигрывает, например, уголовной или административной ответственности. Определенную ясность вносят правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, но они не должны подменять собой законодательные нормы.

Справедливости ради отметим, что и судьи не всегда выступают «единым фронтом» по ряду вопросов. Например, известный своей твердой гражданской позицией судья Конституционного Суда РФ, профессор Н.В. Витрук небезосновательно считал, что функции регулирования общих принципов организации и функционирования законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в числе которых и принцип конституционно-правовой ответственности указанных государственных органов субъектов Российской Федерации перед федеральной властью, должны быть закреплены, если не в самой Конституции Российской Федерации, то в законе самой высокой юридической силы.

Полагаем, что разработка правовой политики в сфере конституционной ответственности более чем назрела. Законодательно необходимы ориентиры для системного развития законодательства в данной сфере. Поэтому в проекте концепции отдельный параграф должен быть посвящен конституционно-правовой ответственности. При этом мы поддерживаем идею профессора А.В. Малько и его предложения, высказанные на круглом столе, которые должны войти в параграф концепции, посвященный конституционно-правовой ответственности.

В своем выступлении кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, гражданского процесса и трудового права Тольяттинского государственного университета Е.В. Чукова отметила, что в правовой политике в сфере процессуальной ответственности наметились определенные положительные моменты. В частности, в принятом Кодексе административного судопроизводства есть глава, посвященная процессуальному принуждению.

Под процессуальным принуждением в административном процессе понимается деятельность, представляющая собой способы психического или физического воздействия на сознание и поведение субъекта. Процессуальное принуждение имеет фактическое и формальное основания применения. Его использование возможно как в целях охраны, так и в целях регулирования процессуальных правоотношений, но только в рамках процедуры, четко определенной в законе. Мерами процессуального принуждения являются установленные законом действия, которые применяются к лицам, нарушающим установленные в суде правила и препятствующим осуществлению административного судопроизводства. Административно-процессуальное принуждение может осуществляться с помощью трех видов мер: административно-процессуальной защиты, административно-процессуального обеспечения и административно-процессуальной ответственности.

Основной целью правовой политики в сфере процессуальной ответственности должна стать унификация правил применения мер процессуального принуждения не только в рамках административного, но и в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства. Мы полагаем, что в проекте концепции правовой политики в сфере юридической ответственности должна быть специальная глава, посвященная процессуальной ответственности с параграфами: уголовно-процессуальная ответственность; гражданско-процессуальная ответственность; административно-процессуальная ответственность; конституционно-процессуальная ответственность.

В своем выступлении доцент кафедры «История государства и права» Тольяттинского государствен-

ного университета, кандидат юридических наук В.В. Романова отметила, что особую значимость в последнее время приобретает международно-правовая политика. В последние годы наблюдаются следующие тенденции развития международного сотрудничества: военно-политическое соперничество региональных держав, игнорирование отдельными государствами и группами государств основных принципов международного права, развитие региональной и субрегиональной интеграции, влияние мировой экономики на глобальные процессы.

Особый интерес представляет позиция Конституционного суда РФ, выраженная 14 июля 2015 года в Постановлении по делу о применимости решений Европейского суда по правам человека на территории РФ.

Конституционный суд РФ провозгласил, что участие Российской Федерации в международном договоре не означает отказа от государственного суверенитета. Так, международный договор, а именно Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, не может отменить приоритет Конституции РФ. Следовательно, начиная с 14 июля 2015 года, реализация в российской правовой системе решений Европейского суда по правам человека возможно только при условии признания высшей юридической силы за Конституцией РФ. При этом Конституционный суд РФ отдельно подчеркивает, что при разрешении подобных конфликтов необходимо не стремиться к самоизоляции, а исходить из необходимости диалога и конструктивного взаимодействия, построенного на взаимном уважении. В связи с вышеизложенным встает вопрос о необходимости разработки специального правового механизма обеспечения верховенства Конституции РФ при исполнении постановлений Европейского суда по правам человека. Сказанное обуславливает актуальность юридической ответственности государства как самостоятельного субъекта права. Поэтому полагаем, что отдельный параграф в концепции правовой политики должен быть посвящен юридической ответственности государства. При этом следует иметь в виду, что юридическая ответственность государства – это комплексное образование, которое включает международно-правовую ответственность, конституционно-правовую ответственность и гражданско-правовую ответственность. Поэтому данный параграф целесообразно разделить на соответствующие подпараграфы, посвященные видам юридической ответственности государства.

Директор юридического института Югорского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент С.В. Розенко остановился на проблемах правовой регламентации системы уголовного наказания в российском уголовном праве, которая имеет двойственное значение. Особое внимание уделил тому, что наказание в настоящее время формируется как межотраслевая правовая категория, где первоосновой выступает наказание уголовное, что предопределено необходимостью разработки концепции наказательной государственно-правовой политики. А оно, в свою очередь, имеет развернутую структуру как обязательный содержательный элемент системы уголовного права, где необходимо дальнейшее развитие и совершенствование дополнительных видов наказаний в УК РФ, так как они во взаимодействии с основными видами наказаний усиливают карательный эффект в отношении лица, совершившего преступление.

Доцент Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции в г. Саратове, кандидат исторических наук В.А. Затонский отметил, что обсуждаемая концепция должна быть направлена, прежде всего, на повышение эффективности отечественной государственности, качества государственной жизни современного российского общества.

Государственная жизнь общества – это важнейший, относительно самостоятельный срез правовой жизни,

выражающийся преимущественно в соответствующих правовых актах, правообразующих и правореализационных отношениях, в непосредственном управлении, характеризующем специфику и уровень государственной организации данного общества, отношение субъектов к государству, его органам и должностным лицам, а также степень обеспеченности их прав, свобод и законных интересов.

В связи с этим особое значение для оптимизации современной российской государственной жизни приобретает правовая политика в целом и её неотъемлемая составная часть – политика в сфере юридической ответственности, т.е. научно обоснованная, последовательная и системная деятельность институтов государства и гражданского общества по оптимизации механизма правового регулирования в данной сфере.

России необходимо сильное государство, которое во взаимодействии с личностью, гражданским обществом и другими субъектами государственной жизни выступает в качестве важнейшего условия успешного развития всего российского общества. Суть дела не просто в том, чтобы усилить роль государства в социальном развитии, а в том, чтобы сделать эту роль прогрессивной, чтобы сформировать не просто сильное, а сильное эффективное государство. И здесь вовсе не игра слов, а глубокий и вполне реальный смысл. Только сильное государство в состоянии эффективно выполнять свои функции, добиваться полезного для всего общества результата. Слабое государство этого не может.

В своем выступлении **старший преподаватель кафедры «Теория государства и права» Тольяттинского государственного университета И.А. Александров** поддержал идею профессора Р.Л. Хачатурова о том, что проект концепции правовой политики в сфере юридической ответственности должен открываться разделом, посвященным философии юридической ответственности. В связи с этим заслуживает внимания рассмотрение такой философской категории, как «благо». Исследуя различные аспекты, связанные с эффективностью правовой политики в сфере юридической ответственности, представляется целесообразным изучить вопрос о тех благах, на которые осуществляется воздействие в процессе реализации, в том числе негативной юридической ответственности. Благополучие, благополучие, благо – это понятия, играющие важную роль в социально-экономической сфере, и потому входящие и в сферу государственной политики, вызывающие определенные стремления и мероприятия государственной власти. Вместе с тем данные понятия связаны с целым рядом фундаментальных вопросов: в частности, из каких компонентов состоит социальное благо; каковы способы его достижения; какие институты социальной системы и в какой мере могут способствовать достижению социального благосостояния. Весьма интересным является вопрос о соотношении категории «благо» и категории «ценность». При этом взгляды на последнюю категорию столь разноречивы, что вряд ли можно говорить о ее абсолютной тождественности с категорией «благо».

В философии и этике благо – это понятие, заключающее в себе определенный положительный смысл и обозначающее совокупность ценностей предметов и явлений, необходимых для удовлетворения положительных потребностей человека и общества, для обеспечения счастливой, здоровой, материально и духовно полноценной жизни. Под благом в обширном смысле понимается удовлетворение человеческой потребности или стремления, а потому и цель каждого стремления.

В современном российском законодательстве, по сути, закреплена деление благ на материальные (в частности, подразделяемые в рамках гражданско-правового понимания на имущественные и неимущественные) и нематериальные. С развитием рыночной экономики, безусловно, возрастает роль материальных, в том числе

имущественных, благ, поскольку они открывают широкие возможности их обладателям. Обладание имущественными благами обеспечивает не только жизнеспособность индивида, но и даёт ему возможность влиять на социально значимые отношения, управлять складывающимися и развивающимися социальными процессами. Саму юридическую ответственность в проекте концепции необходимо рассматривать как определенное благо, обусловленное потребностями общественного развития.

В своем выступлении **старший преподаватель кафедры «Теория государства и права» Тольяттинского государственного университета В.В. Степанова** акцентировала внимание на понятийном аппарате, используемом при формулировании категории «финансово-правовая ответственность». Финансово-правовую ответственность можно рассматривать как определенное научное понятие, явление и как один из институтов финансового права. При этом категория финансово-правовой ответственности должна формулироваться исходя из ее понимания как целостного правового явления, включающего позитивный и негативный аспекты реализации. О существовании финансово-правовой ответственности говорят такие факторы, как самостоятельность отрасли финансового права; специфика мер финансово-правовой ответственности; наличие кодифицированных нормативных правовых актов, в которых она закрепляется.

Финансово-правовая ответственность выступает одним из институтов финансового права, который регулирует общественные отношения в финансовой сфере посредством обязанностей, запретов, наказаний, а также путем поощрения правомерного поведения субъектов финансово-правовых отношений. Указание на применение мер поощрения обусловлено пониманием финансово-правовой ответственности исходя не из узких, а широких позиций, включающих и позитивный аспект. Однако следует иметь в виду, что институт поощрения в финансовом праве находится в стадии формирования. Между тем он активно используется как один из инструментов стимулирования финансово-правомерного поведения в зарубежных странах. Давно доказано, что наиболее действенными способами правового регулирования являются не запреты, а поощрения, которые необходимо использовать и в финансово-правовой сфере. По нашему мнению, в параграфе о финансово-правовой ответственности необходимо выделить специальную часть, посвященную финансово-правовым стимулам.

В своем выступлении **кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права, гражданского процесса и трудового права Тольяттинского государственного университета О.Е. Репетева** указала, что Трудовой кодекс Российской Федерации не содержит легального определения трудового правонарушения, но в статье 192 ТК РФ на законодательном уровне впервые закреплена категория дисциплинарного проступка, которым признается неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей.

Нередко происходит смешение понятий «дисциплинарный проступок» и «трудовое правонарушение», граница между ними нечеткая, размытая. Полагаем, что следует различать указанные понятия. Данное положение обосновывается следующими причинами: во-первых, дисциплинарный проступок по нормам трудового права является разновидностью трудового правонарушения, выступающего основанием для привлечения не только к дисциплинарной, но и к иным видам юридической ответственности; во-вторых, дисциплинарный проступок следует отличать от нарушений воинской и учебной дисциплины, которые относятся к числу административных деликтов и находятся в сфере действия административного права.

Хотя дисциплинарные проступки характерны для правонарушений в области трудового права, это вовсе

не значит, что во всех случаях неисполнения субъектами трудового правоотношения обязанностей может иметь место дисциплинарный проступок. По нашему мнению, законодательное определение дисциплинарного проступка в области трудового правоотношения сужает содержание трудового правонарушения, которое может повлечь за собой не только дисциплинарную, но и административную, гражданско-правовую, даже уголовную ответственность. Поэтому трудовое правонарушение – более широкое понятие по сравнению с дисциплинарным проступком по нормам трудового права, так как дисциплинарный проступок – один из видов трудового правонарушения. Расширительное толкование дисциплинарного проступка не вполне отражает его сущность и правовую природу. Кроме того, сведение всех правонарушений в сфере труда к дисциплинарному проступку свидетельствует об одностороннем подходе. Одновременно следует отметить, что в действующем законодательстве не содержится перечня дисциплинарных правонарушений. Думается, что в связи с этим необходимо принятие и разработка Кодекса дисциплинарных правонарушений, что необходимо отразить в концепции правовой политики в сфере юридической ответственности.

В своем выступлении кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Института права Самарского государственного экономического университета В.А. Пономаренков указал, что, определяя сущность юридической ответственности, необходимо исходить из анализа общесоциальной детерминационной природы данного явления, которая детерминирует различные стороны своего проявления и раскрывает ее как достаточно емкую и многогранную категорию, реализуемую как за правомерные поступки, так и за совершение правонарушений; в форме позитивной и негативной юридической ответственности. Исходя из социальной детерминационной природы юридической ответственности ее связывают непосредственно с поведением человека, которое может носить по отношению к государству и обществу позитивный (социально-полезный), негативный (социально-вредный) либо нейтральный характер, и требует правовой оценки и адекватного реагирования.

Следует отметить, что позитивные и негативные последствия действий или бездействий субъектов правоотношений не исчерпывают весь арсенал правового воздействия, поскольку юридическая ответственность представляет собой субъективную обязанность отвечать за поступки и действия, а также их последствия, которые не влекут каких-либо поощрений или наказаний, а выступают лишь обязанностью совершить определенные действия либо воздержаться от них. Это по сути представляет собой «нейтральную ответственность», которая возникает из обязанности выполнять полезные для общества функции и реализуется в регулятивных правоотношениях, в которых обязанная сторона находится в положении подотчетности и подконтрольности.

Основной целью «нейтральной (управленческой)» юридической ответственности является обеспечение нормального функционирования механизма правового регулирования путем создания условий реализации субъектами правоотношений субъективных прав и юридических обязанностей. Данный вид юридической ответственности складывается в результате формулирования обязанностей, запретов, дозволений, предписаний, в результате чего формируются составы правомерного поведения. Однако правовые обязанности, запреты, дозволения в данном случае выступают способами осуществления нейтральной ответственности.

Признание нейтральной (управленческой) ответственности находит свое отражение в постановлениях Конституционного Суда РФ. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции

Российской Федерации» специально указывается: «Президент Российской Федерации, согласно Конституции Российской Федерации, является главой государства (статья 80, часть 1). В силу своего места в системе разделения властей Президент Российской Федерации в качестве главы государства определяет в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами основные направления внутренней и внешней политики государства (статья 80, часть 3), реализация которой возложена на Правительство РФ (статья 114, часть 1). Именно этим обусловлены полномочия Президента России по формированию Правительства Российской Федерации, определению направлений его деятельности и контролю за ней (статьи 83, пункты «а», «б», «в», «д»; 111; 112; 115, часть 3; 117 Конституции Российской Федерации), а также конституционная ответственность Президента Российской Федерации за деятельность Правительства Российской Федерации. Отсюда вытекает и роль Президента Российской Федерации в определении персонального состава Правительства Российской Федерации, в том числе в выборе кандидатуры и назначении на должность Председателя Правительства Российской Федерации». Как следует из Постановления, речь в нем идет не о негативной и не о позитивной ответственности, а о «нейтральной» ответственности, в результате которой Президент Российской Федерации должен выполнить определенные требования, заключающиеся в обязанности отвечать за свои действия и их последствия.

Таким образом, «нейтральная» ответственность представляет собой обязанность принудительного исполнения определенных действий (бездействия) лиц в форме осуществления государственных функций, не наносящую для их исполнителя не позитивные, не негативные последствия.

«Нейтральная» ответственность обладает одной важной отличительной особенностью, которая выделяет ее среди других видов юридической ответственности, а именно то, что она носит организационно-правовой характер; предопределяет деятельность должностных лиц по установлению других видов юридической ответственности, оказывая тем самым влияние на формирование и функционирование института юридической ответственности в целом.

С краткими докладами на круглом столе выступили: старший преподаватель кафедры «Теория государства и права» Тольяттинского государственного университета Ю.М. Савельев; кандидат юридических наук, доцент Тольяттинского государственного университета И.В. Попядухина; магистранты Тольяттинского государственного университета П.А. Андреев, И.А. Андреев, А.О. Павлов, Д.О. Соколов и В.И. Щербаков.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ: проект № 16-33-00017 «Комплексный, междотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права».

**AN OVERVIEW OF ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
“ROUND TABLE OF JOURNALS “STATE AND LAW”, “LEGAL POLICY AND LEGAL LIFE”,
“VECTOR OF SCIENCE OF TOGLIATTI STATE UNIVERSITY. SERIES: LEGAL SCIENCES”
ON THE TOPIC: “DISCUSSION OF THE DRAFT OF A LEGAL POLICY CONCEPT
IN THE FIELD OF LEGAL RESPONSIBILITY: FROM PRELIMINARY STUDIES
TO A COMPREHENSIVE UNDERSTANDING”**

© 2016

A.V. Malko, Doctor of Sciences (Law), Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Director
Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Saratov (Russia)

D.A. Lipinsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of Theory of State and Law Department
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: concept of legal policy; legal responsibility; types of legal responsibility; types of legal policy; concept of legal responsibility.

Abstract: The article offers an overview of scientific and practical conference held at Togliatti State University on April 12–14, 2016. The conference focused on the discussion of the draft of a legal policy concept in the field of legal responsibility. The article covers critical comments on the draft as well as new proposals that supplement and develop the existing sections of the concept. The article was prepared with the support of Russian Humanitarian Scientific Foundation: project No 16-33-00017 “Complex, Intersectoral Institution of Legal Responsibility: Notion, Structure, Interconnections and Place in the System of Law”.

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук, Саратов (Россия)

Р.С. Маркунин, кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории государства и права
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; публичная власть; правовая политика; концепция правовой политики.

Аннотация: В статье исследуется место и роль юридической ответственности органов публичной власти. Делается вывод, что именно юридическая ответственность публичных органов выступает одним из средств защиты от произвола, обеспечивает поддержание баланса в системе сдержек и противовесов и гарантирует беспрепятственную реализацию прав и свобод человека и гражданина в современном обществе.

В условиях формирования правового государства и гражданского общества роль юридической ответственности должна возрастать, поскольку данный институт помимо того, что является средством решения многих иных задач, способен также выступать важнейшим инструментом, ограничивающим произвол в деятельности органов публичной власти. Считаю, что указанная возможность юридической ответственности настолько важна, что требуется выделить в проекте Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности самостоятельный раздел, посвященный системе юридической ответственности органов публичной власти.

Вообще вопрос ответственности публичной власти и вместе с ним властных субъектов относят к числу вечных. На протяжении всей истории многие ученые проводили исследования по нахождению необходимого баланса сочетания мер поощрения и наказания указанных субъектов в целях их эффективного функционирования и исполнения возложенных на них обязанностей.

В арсенале публичной власти находятся важнейшие ресурсы: право; методы и средства воздействия; подчиненность государственного аппарата, армии, налоговой системы и т.д. В связи с этим вызывает беспокойство наметившееся в последнее время стремление публичной власти к обособлению и усилению, в том числе и в обход действующего законодательства. Подобная ситуация порождает необходимость наличия системы юридической ответственности, которая позволяла бы сдерживать деятельность самой публичной власти в рамках закона.

В разрабатываемом нами вышеназванном разделе проекта Концепции предполагается формирование единого, внутренне непротиворечивого механизма юридической ответственности властных субъектов. Важно установить принципы, методы и средства привлечения органов публичной власти к ответственности. Структура Концепции должна основываться на системном подходе к основным элементам реализации и возможности защиты прав субъектов.

В философском понимании «система» – это структура взаимосвязанных компонентов любой природы, которая упорядочена по отношениям, владеющим целиком некими свойствами; эта множественность характеризуется единством, которое выражается в интегральных свойствах и функциях множественности [1, с. 11].

Понятием «система» в каждой отрасли познания определяется как некая реально существующая целостная совокупность элементов, которая имеет свою структуру и соединена между собой внутренними связями. Подобные связи обладают способностью наделять внутренней организованностью все элементы какой-либо системы, превращая ее в дифференцированную целостность [2, с. 36]. Не является исключением в этом смысле и юридическая ответственность.

С этой позиции систему юридической ответствен-

ности можно определить как совокупность правовых норм, обладающих качеством упорядоченности, которые обеспечивают относительную самостоятельность и единство этой совокупности, что выражается в их свойствах и функциях. Системный подход к юридической ответственности даст возможность внесения необходимых изменений в действующее законодательство и позволит выстроить единый механизм юридической ответственности органов публичной власти.

Мало кто будет оспаривать тот факт, что одним из центральных звеньев статуса органов публичной власти и должностных лиц являются государственно-властные обязанности и юридическая ответственность. Конкретное и прямое закрепление обязанностей в нормативно-правовых актах позволяет обеспечивать правильную модель поведения властных субъектов и способствует эффективному осуществлению ими своих задач и функций. При этом обязанности должны быть обеспечены соответствующими мерами ответственности для понуждения обязанного субъекта к их исполнению. Нормы права должны содержать зафиксированный механизм ответственности, отсутствие которого позволяет публичным органам не выполнять надлежащим образом возложенные на них обязанности [3]. В этом и заключается тесная взаимосвязь этих двух явлений.

Ответственность публичных органов перед гражданами вытекает из ст. 53 Конституции РФ, в которой закрепляется возможность возмещения вреда, причиненного гражданином незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Однако действующее на данный момент законодательство устанавливает предельно широкий арсенал иммунитетов, прав и свобод одновременно с гораздо меньшим по объему, несистематизированным в законодательстве перечнем обязанностей и ответственности [4, с. 281]. Если обратиться к зарубежному опыту, то в вопросе правового регулирования иммунитета наблюдается совершенно иная позиция. К примеру, § 8 главы 4 Конституции Швеции закрепляет депутатский иммунитет, который заключается в том что, «против лица, которое выполняет или выполняло обязанности члена Риксдага, никто не может возбуждать судебное преследование либо лишать его свободы или препятствовать ему совершать поездки по стране из-за его высказываний или действий при исполнении им своих обязанностей, если на это не дано согласие Риксдага путем решения, к которому присоединилось не менее пяти шестых голосовавших» [5, с. 281]. На иные случаи иммунитет не распространяется, он только частично касается депутата в связи с его обычной деятельностью. Представитель власти может быть лишен свободы в соответствии с нормами законодательства без согласия парламента, когда застигнут на месте преступления, признался в сво-

ем преступлении либо когда за совершенное им деяние полагается наказание не менее двух лет тюремного заключения [6, с. 255].

Российские системы иммунитетов и гарантий, обеспечивающие независимость должностных лиц органов публичной власти, на практике создают опасность проявления вседозволенности, поскольку могут затруднять, а иногда и вовсе исключать возможность реализации процедуры привлечения должностных лиц к юридической ответственности. Существующая нормативно-правовая база практически не предусматривает какой-либо ответственности субъектов публичной власти по результатам их деятельности, т. е. за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей. Большинство норм в нашей стране, связанные с ответственностью государства и государственных органов, носят больше декларативный характер.

Это можно сказать и в целом о Конституции Российской Федерации, которая требует внесения соответствующих изменений, а возможно, и замены ее на новую. Действующий Основной Закон страны на данный момент ориентирован в большинстве своем на интересы власти, а не гражданского общества. Многие недостатки действующей Конституции видны невооруженным глазом, в частности: существующие проблемы, связанные с наличием большого количества иммунитетов властных субъектов; проблемы реализации принципа разделения властей, а именно формирование фактически самостоятельной «президентской» ветви власти; дестабилизирующие систему сдержек и противовесов меры, например, роспуск Государственной Думы в случае двукратного выражения недоверия Правительству; отсутствие механизмов реализации существующих институтов, например, импичмента Президента РФ, который на практике дважды показал свою неработоспособность и т. д. Из всего этого следует, что многие нормы в Основном Законе страны требуют переосмысления, в том числе и нормы, регулирующие вопросы ответственности. Поскольку большинство из них сводятся к моральной либо политической ответственности.

Подобная ситуация порождает необходимость наличия такого инструмента, который бы позволял держать деятельность самой публичной власти в рамках правового поля и законности. В этом может оказать свое содействие взвешенная правовая политика в сфере применения ответственности. На наш взгляд, публичная власть должна быть, прежде всего, ответственной за свою деятельность, и этот признак нуждается в закреплении в качестве базового в новой редакции Конституции. Изменение Основного Закона страны – необходимый процесс при выстраивании новой системы ответственности, и всякого рода полумеры тут не смогут сыграть положительную роль. Юридическая ответственность должна найти свое отражение, начиная от высшего должностного лица государства и заканчивая государственным служащим низшего звена. Для этого необходимо введение открытого и прозрачного режима власти, что должно быть наиболее важным условием контроля и прочих средств прямого и опосредованного влияния на содержание деятельности ее представителей. Существенным условием, способствующим выстраиванию эффективной правовой политики, является формирование особой системы мониторинга деятельности органов публичной власти. Назначение мониторинга состоит в сборе достоверной информации о деятельности властных субъектов, об оценке ее качества, эффективности, степени соответствия потребностям населения. Речь идет о систематическом сборе информации по установленным заранее правилам, ее изучении с использованием различного рода методов научного познания и об оценке самой информации о деятельности органов власти.

Рассматривая вопросы контроля над деятельностью властных субъектов, не стоит забывать и о необходимо-

сти повышенного внимания органов публичной власти к общественному мнению избирателей. На данный момент складывающаяся общесоциальная и политическая ситуация вокруг деятельности органов публичной власти связана с устоявшимся в сознании большинства членов общества мнением о безответственности властных субъектов за результаты своей деятельности и о том, что их статус используется ими для выражения лишь корпоративных или личных интересов. Подобная ситуация ведет к снижению легитимности власти, доверия к ней и отрицанию ее ценности.

Сравнение состояния ответственности в Российской Федерации с аналогичными институтами многих других стран приводят к выводу о том, что в законодательной базе невозможно предусмотреть все особенности данного института. Поэтому огромное значение приобретает судебная практика, которая и придает сформулированному в общей форме обязательству правовой смысл, раскрывая каждый элемент ответственности в конкретном случае. Однако тут возникает очередная сложность, а именно отсутствие ее единства в нашей стране. Причиной подобной проблемы является, помимо всего прочего, отсутствие единого высшего судебного органа. Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ, осуществляя свою политику и выражая мнения по одним и тем же вопросам, могут серьезно расходиться в своих точках зрения. В связи с этим нередки случаи, когда нижестоящие суды не могут правильно сориентироваться в какой-либо возникшей ситуации при решении конкретного дела.

Последние изменения законодательства, в результате которых в 2014 году федеральным парламентом принят и законодателями регионов одобрен Закон РФ о поправке к Конституции РФ, предусматривают фактически упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ и включение его в расширенную структуру объединенного Верховного Суда России в качестве Судебной коллегии по экономическим спорам [7]. В Послании парламенту Президент России подчеркнул, что объединение судов направит судебную практику в единое русло, а значит, будет укреплять гарантии реализации важнейшего конституционного принципа – равенства всех перед законом [8]. Мы в целом позитивно оцениваем объединительную реформу и считаем, что следующее изменение должно быть направлено на упразднение Конституционного Суда РФ и формирование на его основе конституционной коллегии при Верховном Суде РФ. Подобные меры дадут возможность сформировать единый орган судебной власти и субъект судебной политики, такой как Верховный Суд РФ, что позволит усилить контроль данной власти в системе сдержек и противовесов и поможет унифицировать судебную практику.

Сегодня в России весьма заметно взаимное отчуждение власти от народа. Отсутствует согласие между обществом, государством и гражданином, которые все чаще не понимают друг друга, «говорят на разных языках». Разработка предлагаемой нами Концепции поможет найти необходимые компромиссы, учет и баланс интересов сторон, взаимное согласие и, что самое важное, – сформировать единый механизм ответственности власти. Выстраиваемая Концепция правовой политики должна акцентировать внимание на роли гражданского общества, его институализации в вопросах ограничения власти, определении правовых и организационных условий участия гражданского общества в реализации властных функций. Для реализации потенциальной возможности диалога публичной власти и гражданского общества нужны соответствующие изменения и, прежде всего, готовность самой власти вести диалог и разделить ответственность с обществом.

Это станет возможным благодаря введению, например, обязательной процедуры отчетности должностных лиц органов власти за определенный период времени и публикации результатов отчетности в СМИ. Такая мера

помимо осуществления непосредственного контроля за деятельностью органов власти должна включать в себя и возможность применения гражданами к представителям государственного органа власти различных мер ответственности в случае неудовлетворительного результата по представленным отчетам.

Нельзя забывать о том, что для создания эффективного механизма контроля за деятельностью властных органов важным условием должно стать наличие зрелого гражданского общества, готового наравне с государством принимать ответственные решения. Процессы формирования правового государства и развития гражданского общества являются причинами повышения юридической ответственности органов публичной власти и должностных лиц, взаимной ответственности государства и личности. Для дальнейшего развития гражданского общества с достойным уровнем правосознания необходимо, чтобы защита прав и законных интересов граждан в спорах с государством и его органами осуществлялась под контролем представителей самого гражданского общества. Это положение требует закрепления в законодательстве основных форм участия гражданского общества при привлечении к ответственности органов публичной власти и его должностных лиц.

Публичная власть должна нести также позитивную ответственность, поскольку органы власти, даже при отсутствии с их стороны каких-либо противоправных действий, тем не менее, несут общую ответственность за безопасность своих граждан, создание необходимых условий для их нормальной жизнедеятельности, реализацию принадлежащих им прав и свобод. Чтобы успешно справляться с этой функцией, власть должна быть достаточно сильной, эффективной и дееспособной [9]. В процессе построения правового государства и гражданского общества позитивной ответственности отводится особая роль, поскольку она тесно переплетается с социально-правовой активностью и проявлением инициативы при осуществлении государственно-властной деятельности.

Общество посредством принятых в нем ценностей и идеалов поведения должно приучать публичную власть испытывать чувство необходимости поступать ответственно. Популяризация идей справедливости, гуманности, взаимной ответственности и уважения по отношению ко всем членам общества является ключевым фактором построения позитивной юридической ответственности. Ассоциирование позитивной ответственности с долгом является важнейшей гарантией того, что в работе органов публичной власти будут принимать участие исключительно те должностные лица, которые смогут взять на себя смелость нести такого рода ответственность.

Основываясь на вышесказанном, считаем, что предлагаемый нами раздел в рамках Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности должен включать в себя несколько самостоятельных направлений.

1. Возведение ответственности публичной власти в ранг общеобязательного признака государственных органов, который должен быть отражен на конституционном уровне.

2. Считаем необходимым в новой Конституции предусмотреть отдельную главу, посвященную позитивной и негативной юридической ответственности органов публичной власти. Ответственность властных субъектов при этом должна основываться на единых основаниях и принципах, что позволит сформировать полноценный каркас системы юридической ответственности в отношении данных субъектов.

3. Изменение проводимой государством политики с установления разного рода гарантий и иммунитетов должностных лиц в сторону закрепления их обязанностей и мер юридической ответственности. Ограничение действия личного иммунитета должностных лиц лишь в рамках свободы выражения своего мнения и действий

при выполнении своих обязанностей.

4. Формирование единого механизма ответственности органов публичной власти, установление единообразных критериев, принципов и процедур привлечения к ответственности, должной регламентации ее процессуальной составляющей. Создание четких направлений, предусматривающих конкретные основания и меры ответственности субъектов всех ветвей власти и должностных лиц.

5. Обеспечение большей прозрачности в деятельности органов публичной власти для возможности контроля со стороны гражданского общества.

6. Формирование особой системы мониторинга деятельности органов публичной власти, представляющей из себя систематический сбор информации по установленным правилам, ее изучение с использованием различного рода методов, оценку самой информации о деятельности органов власти и возможные последствия в связи с неудовлетворительными результатами.

7. Юридическое закрепление института отчетности депутата перед своими избирателями, которое включало бы в себя помимо обязанности еще и регулярность таких отчетов. В современный период институт отчетности о своей деятельности и освещении ее общих результатов за определенный период в СМИ будет способствовать поддержанию связи представителя с избирателями и укреплению доверия между этими субъектами.

8. Законодательное закрепление на федеральном уровне норм, касающихся обязательного наличия такой меры ответственности, как отзыв в отношении депутатов регионального и местного представительного органа. Конкретизация в федеральном законодательстве оснований отзыва и досрочного прекращения полномочий депутата представительного органа власти регионального и местного уровней: а) систематическое (два раза и более), без уважительных причин невыполнение своих обязанностей; б) утрата доверия; в) совершение действий, порочащих статус парламентария. На федеральном уровне установить возможность избирателей инициировать процедуру досрочного прекращения полномочий депутата, закрепив за самим представительным органом право окончательно решать вопрос о сохранении или прекращении депутатского мандата.

9. Закрепление такого основания применения мер ответственности в отношении судей, как наметившиеся системность вынесения неправосудных и немотивированных решений, подтверждаемая вышестоящими судебными инстанциями в вынесенных судебных актах. Подобная системность является свидетельством недобросовестности либо отсутствия профессиональных качеств у судьи, в отношении которого рассматривается вопрос о привлечении его к ответственности. Целесообразным в данном случае выгладит такая мера ответственности, как досрочное прекращение полномочий судьи. При этом считаем, что подобная мера может быть реализована лишь после того, как к судье будет принята иная мера дисциплинарной ответственности в форме предупреждения.

10. Внесение изменений в процедуру импичмента президента и преобразование его в эффективное средство контроля за деятельностью главы государства. Стоит отметить, что особую сдерживающую силу импичмент содержит в странах, где нет четких оснований импичмента либо они вовсе отсутствуют. Рассматривая действующую процедуру и основания ответственности Президента России (ст. 93 Конституции РФ), следует сделать вывод, что отрешение от должности на практике на данный момент не осуществимо. Имеющиеся основания совершенно не соответствуют принципу равенства граждан перед законом и судом. Мы склонны полагать, что на современном этапе сыграло бы свою положительную роль расширение перечня оснований, а именно «в связи с совершением деяний, несовместимых со

статусом главы государства». Подобные меры помогли бы сблизить президента с главой субъекта РФ, который может быть отрешен от занимаемой должности по утрате доверия [10], тем самым положив начало созданию единой, непротиворечивой системы ответственности должностных лиц.

11. Проводимая политика в сфере исполнительной власти должна нести ярко выраженный антикоррупционный характер и заключаться в разработке системы единых для всех видов государственной службы ограничений и запретов, предъявляемых к должностным лицам; недопустимость дополнительной профессии для государственных служащих и ограничение дозволенного совместительства определенным сроком; обязательное декларирование финансовых активов претендентов на занятие государственной должности; создание специализированных органов по контролю за деятельностью должностных лиц с возможностью по привлечению их к юридической ответственности.

В современных условиях разработка самостоятельного раздела юридической ответственности органов публичной власти в рамках Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности необходима, поскольку сегодняшние абстрактные и разрозненные по законодательству нормы лишь усложняют использование их на практике, а не способствуют повышению уровня безответственности и вседозволенности властных субъектов.

Не стоит забывать о том, что именно юридическая ответственность публичных органов выступает одним из средств защиты от произвола, обеспечивает поддержание баланса в системе сдержек и противовесов и гарантирует беспрепятственную реализацию прав и свобод человека и гражданина в современном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М.: Наука, 1972. 256 с.
2. Шаганенко В.П. Система права: понятие, сущность, значение // Юридическое образование и наука. 2013. № 4. С. 36–40.
3. Коршунова И.В. Обязанность как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004. 27 с.
4. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 510 с.
5. Конституция Швеции. URL: sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/konstitucija_shvecii.asp#sub_para_N_1001.
6. Могунова М.А. Государственное право Швеции. М.: Норма, 2009. 383 с.
7. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. // Российская газета. 2014. 7 февраля.
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 декабря. С. 2–3.
9. Матузов Н.И. Публичная власть как объект научного анализа (вместо введения) // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2011. С. 37–40.
10. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 06 октября 1999 № 184-ФЗ, ред. от 09.03.2016 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

PLACE AND ROLE OF LEGAL LIABILITY OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE CONCEPT OF LEGAL POLICY LEGAL LIABILITY

© 2016

A.V. Malko, Doctor of Sciences (Law), Professor,
Honored worker of science of the Russian Federation, Director
Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Saratov (Russia)
R.S. Markunin, PhD (Law), Senior Lecturer of Chair of Theory of State and Law
Saratov State Academy of Law, Saratov (Russia)

Keywords: legal liability; public authority; legal policy; legal policy concept.

Abstract: The article examines the place and role of the legal responsibility of the public authorities. The conclusion is that it is the legal responsibility of the public authorities is one of the means of protection against arbitrariness, maintains the balance in the system of checks and balances and ensure smooth implementation of the rights and freedoms of man and citizen in the modern society.

**САНКЦИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ НОРМЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

© 2016

А.В. Мусеев, преподаватель кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: норма права; норма юридической ответственности; структура нормы права; санкция; санкция нормы юридической ответственности; юридическая ответственность; государственное принуждение; меры юридической ответственности; наказание; поощрение.

Аннотация: В статье исследована санкция как структурный элемент юридической ответственности. Автор пришел к выводу, что сама санкция не является мерой юридической ответственности, а выступает нормативным закреплением мер юридической ответственности.

Проблема санкций в юридической литературе всегда являлась и является предметом оживленных споров.

Указанная дискуссионность объясняется, прежде всего, многозначностью самого термина «санкция». Под санкцией понимают:

- 1) часть правовой нормы;
- 2) меру ответственности;
- 3) разрешение;
- 4) меру обеспечения;
- 5) поощрение [1, с. 80].

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим санкцию как структурный элемент юридической ответственности.

Несмотря на то что, по справедливому замечанию Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, юридическая ответственность немыслима без правовой нормы, так как объем и мера юридической ответственности предусмотрены нормой права [2, с. 190], в науке неоднозначно решается вопрос о соотношении санкции и юридической ответственности.

Так, одни ученые исходят из того, что в санкции закрепляется вид и мера юридической ответственности [3, с. 187]; другие дают более широкое определение санкции, полагая, что не любое нарушение правовой нормы влечет наступление юридической ответственности, как и не в любой санкции правовой нормы закреплена мера юридической ответственности [4, с. 281]; по мнению третьих, в санкциях закреплены исключительно меры юридической ответственности [5].

Для разрешения данного спора необходимо рассмотреть: 1) понятие нормы юридической ответственности; 2) структуру нормы юридической ответственности; 3) место и роль санкции в структуре нормы юридической ответственности.

Теоретики права определяют нормы права как исходящее от государства и охраняемое им общеобязательное правило поведения, предоставляющее участникам общественных отношений данного вида юридические права и налагающее на них юридические обязанности [6, с. 286]. Из приведенного определения следует, что нормы права закрепляют общеобязательное правило поведения, предоставляют участникам общественных отношений субъективные права и возлагают на них субъективные юридические обязанности.

Как следует из определения, данного Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским, юридическая ответственность – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность [2, с. 50].

Таким образом, в норме права закрепляется не только общеобязательное правило поведения, но и юридическая «обязанность правонарушителя претерпевать осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализация» [2, с. 50; 6, с. 305], т. е. юридическая ответственность.

В теории права норма юридической ответственности определяется как закрепленное в нормативном право-

вом акте, исходящее от государства общеобязательное формально определенное правило поведения, устанавливающее меру должного и ответственного поведения, за соблюдение которого следует одобрение или поощрение, а за нарушение применяются меры государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности [1, с. 136].

Действительно, норма юридической ответственности обладает всеми признаками правовой нормы: 1) представляет собой общеобязательное правило поведения; 2) закреплена в нормативном правовом акте; 3) обеспечивается государством; 4) одобряется и гарантируется государством; 5) за ее нарушение применяются меры юридической ответственности; 6) за ее исполнение применяются меры позитивной ответственности; 7) в ее санкциях закреплены меры юридической ответственности. Именно последний пункт отличает нормы юридической ответственности от других норм права.

И здесь возникает вопрос о структуре нормы юридической ответственности.

Общепризнанной является трехэлементная структура нормы права, включающая гипотезу (часть нормы права, указывающая на условия ее действия), диспозицию (часть нормы права, указывающая на содержание самого правила поведения) и санкцию (часть нормы права, указывающая на меры юридической ответственности). Однако в науке существуют попытки конструировать двух- и четырехэлементные правовые нормы. Хотя трехэлементная структура характерна не для всех норм права (нормы-принципы, нормы-дефиниции не содержат санкции), представляется верным позиция ученых, которые придерживаются классической трехэлементной структуры нормы права [2, с. 13].

Нормы юридической ответственности также обладают трехэлементной структурой и состоят из гипотезы, диспозиции и санкции. Именно в санкциях закрепляются меры юридической ответственности, меры государственного принуждения и меры поощрения. При этом для нормы юридической ответственности характерно, что санкции данной нормы закрепляют только меры юридической ответственности. Здесь следует сделать акцент на том, что закрепляются именно меры юридической ответственности, а не сама юридическую ответственность, что является существенным признаком, отличающим санкцию от иных мер государственного принуждения.

Такой же позиции придерживается и судебная практика: мера любой юридической ответственности выражается санкцией, являющейся по своей природе нормативным определением меры государственного принуждения, применяемой в случае правонарушения и содержащей его итоговую правовую оценку (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.07.2015 № 18АП-7480/2015 по делу № А07-475/2015).

В другом случае, по мнению суда, в силу ст. 29.10 КоАП РФ привлечение к административной ответственности выражается в установлении всех элементов со-

става административного правонарушения, его юридической квалификации и определении меры юридической ответственности, выраженной в санкции соответствующей статьи КоАП РФ (Решение Арбитражного суда Свердловской области от 29.01.2015 по делу № А60-55228/2014).

При этом санкция юридической ответственности не всегда может быть предусмотрена в норме права, закрепляющей общеобязательное правило или субъективное право.

К примеру, гарантируя право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 23 запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24) и устанавливает, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2), реализация которой может выражаться в обеспечении их превентивной защиты посредством определения законных оснований собирания, хранения, использования и распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, а также в установлении мер юридической ответственности (п. «в», «о» ст. 71, п. «б» ч. 1 ст. 72), в том числе уголовно-правовых санкций за противоправные действия, причиняющие ущерб находящимся под особой защитой Конституции Российской Федерации правам личности (Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 18.11.2015 по делу № 33-11032/2015).

Как можно заметить, сама санкция не является мерой юридической ответственности, а выступает нормативным закреплением мер юридической ответственности. Отличает санкцию юридической ответственности от самой юридической ответственности и мер государственного принуждения, прежде всего, то, что содержащиеся в ней указания на неблагоприятный характер последствий, наступающих в случае нарушения диспозиции, изменяют правовой статус правонарушителя, ведущий к появлению новых обязанностей, которые не существовали до такого нарушения, а именно к юридической обязанности «претерпевать осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализации», т. е. наступают правоотношения юридической ответственности.

Таким образом, существенным признаком, отличающим санкцию, закрепляющую меры юридической ответственности, от иных мер государственного принуждения, является то, что в ней самой определены меры юридической ответственности. Применение многих мер государственного принуждения не влечет последствий, которые можно охарактеризовать как юридическая ответственность.

К примеру, в силу ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации одним из способов защиты является признание права. При этом, к примеру, признание права собственности как способ судебной защиты, направленный на создание стабильности и определенности в гражданских правоотношениях, представляет собой отражение в судебном акте возникшего на законных основаниях права, наличие которого не признано кем-либо из субъектов гражданского права (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2012 по делу № А67-2749/2012).

Следующим признаком, отличающим санкцию юридической ответственности, является карательная функция закрепленных в ней мер юридической ответственности.

Действительно, применение мер юридической ответственности – это наказание, поскольку оно всегда связано либо с определенными ограничениями прав и свобод нарушителя, либо с возложением на него каких-то дополнительных обязанностей. Именно в этих ограничениях и

дополнительных обременениях, которые отсутствовали бы в случае правомерного поведения, проявляется карательная функция юридической ответственности.

Однако, некоторые ученые не согласны с тем, что гражданско-правовой ответственности присуща карательная функция [7, с. 51]. При этом следует согласиться с Д.А. Липинским в том, что «гражданско-правовая ответственность обладает всеми чертами и характеристиками, свидетельствующими о наличии карательной функции» [8, с. 43]. Действительно, при привлечении правонарушителя к гражданско-правовой ответственности происходит его осуждение и порицание, а содержанием мер договорной ответственности являются дополнительные обязанности или лишение правонарушителя субъективных прав.

В санкции, предусматривающей меры юридической ответственности, в отличие от иных мер государственного принуждения всегда определены вид и пределы наказания, конкретизирующиеся в акте применения права.

К примеру, санкцией ч. 1 ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации за злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, предусмотрена ответственность в виде исправительных работ на срок до одного года, либо принудительные работы на тот же срок, либо арест на срок до трех месяцев, либо лишение свободы на срок до одного года.

А применительно к конкретному делу, приговором мирового судьи были определены вид и пределы наказания виновного Ю., приговоренного к 6 месяцам исправительных работ с удержанием в доход государства 10 % от заработной платы (Постановление Президиума Кемеровского областного суда от 25.01.2016 по делу № 44у-213/2016).

При этом санкции фиксируют как пределы возложения ответственности, так и пределы деятельности субъектов, которые реализуют юридическую ответственность [1, с. 89].

Таким образом, меры юридической ответственности закрепляются в санкции нормы юридической ответственности, которая является обязательным структурным элементом нормы юридической ответственности и представляет собой структурную часть нормы юридической ответственности, закрепляющей вид и меру государственно-правового воздействия в отношении субъекта, нарушившего диспозицию правовой нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. М.: РИОР ИНФРА-М, 2013. 139 с.
2. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
3. Байтин М.И. Сущность права. Саратов: СГАП, 2002. 416 с.
4. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2002. 616 с.
5. Лейст О.Э. Структура норм права // Теория государства и права. М.: МГТУ, 1996. 384 с.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2008. 576 с.
7. Константинов В.С., Максименко С.Т. Правовые вопросы материального стимулирования деятельности предприятий. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 104 с.
8. Липинский Д.А. Карательная и восстановительная функции гражданско-правовой ответственности // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 42–45.

SANCTION AS THE STRUCTURAL ELEMENT OF LEGAL LIABILITY STANDARDS

© 2016

A.V. Moiseev, lecturer of the chair «Theory of state and law»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: rule of law; principle of legal responsibility; structure of rule of law; sanction; sanction of principle of legal responsibility; legal liability; state coercion; implementation of legal responsibility; punishment; encouragement.

Abstract: The article explores the sanction as a structural element of legal liability. The author concludes that the sanction itself isn't an implementation of legal liability but presents as normative fixing the implementation of legal responsibility.

Е.Н. Немова, аспирант кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; освобождение от юридической ответственности; исключение юридической ответственности; освобождение от наказания; основания освобождения от юридической ответственности; правонарушение; принцип неотвратимости.

Аннотация: Несмотря на большое количество научных исследований, проводимых относительно освобождения от юридической ответственности как на отраслевом, так и на общетеоретическом уровне, ученые не выводят общетеоретического понятия данной научно-правовой категории. В статье автор рассматривает понятие и правовую природу освобождения от юридической ответственности. Исходя из этимологии слова «освободить» и правовой природы освобождения от юридической ответственности как правового поощрения автор формулирует определение освобождения от юридической ответственности как предусмотренную нормой права (или в определенных законом случаях – соглашением) возможность не выполнять обязанность правонарушителя претерпевать осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализации в случае невыполнения им юридической обязанности по соблюдению и исполнению требований норм права.

В действующем законодательстве наряду с нормами, предусматривающими юридическую ответственность, есть нормы, освобождающие субъекта ответственности от применения меры государственного принуждения за совершенное правонарушение.

К примеру, в гл. 11 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Освобождение от уголовной ответственности» названы четыре основания освобождения от уголовной ответственности. Кроме того, в Особенной части УК РФ предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности в виде примечания к соответствующим статьям (см., например, статьи 126, 205, 205.1, 205.3, 205.5, 206, 208, 222, 223, 30 и др.).

В гражданском праве основания освобождения от ответственности не представлены в виде отдельно выделенной главы или параграфа, а разбросаны по разным статьям (см., например абз. ч. 2 ст. 344, ч. 4 ст. 363, п. 3 ст. 401, абз. 2 ст. 462, ч. 2 ст. 794, абз. 2 ст. 888, абз. 3 п. 3 ст. 922, п. 2, 3 ст. 926, п. 1 ст. 1079, ст. 1098 ГК РФ).

В Налоговом кодексе РФ, Трудовом кодексе РФ, в Кодексе РФ об административных правонарушениях также основания для освобождения от юридической ответственности не объединены в отдельной главе, а их можно найти в разных статьях Кодексов.

Нормы освобождения от юридической ответственности путем перечисления оснований содержатся и в других законах.

К примеру, в ст. 57 Закона «О средствах массовой информации» предусмотрены основания освобождения редакции, главного редактора, журналиста за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организаций либо ущемляющих права и законные интересы граждан, либо наносящих вред здоровью и (или) развитию детей, либо представляющих собой злоупотребление свободой массовой информации и (или) правами журналиста.

В ст. 336.2 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации предусмотрено освобождение от юридической ответственности судовладельца за ущерб от загрязнения при наличии указанных в данном Законе условий.

В соответствии со ст. 118 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от юридической ответственности может быть освобожден перевозчик или буксировщик, грузоотправитель или отправитель буксируемого объекта при условии, что невыполнение их обязательств произошло вследствие определенных в Законе обстоятельств.

В Законе «О защите прав потребителей» основания освобождения от юридической ответственности можно найти в разных статьях (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 3 ст. 35).

В некоторых случаях законом предусмотрена воз-

можность договорного установления оснований освобождения от ответственности. К примеру, в стандартных правилах и договорах автострахования предусматривается ряд оснований для освобождения страховщика от ответственности в автостраховании.

В соответствии с п. 4 ст. 723 ГК РФ, договор подряда может содержать условие об освобождении подрядчика от ответственности за определенные недостатки результата работы.

Как можно заметить, основания освобождения от юридической ответственности могут быть предусмотрены как законом, так и договором.

Однако ни в одном нормативно-правовом акте нет определения таких понятий, как «освобождение от ответственности», «основания освобождения от ответственности». На доктринальном уровне данные категории рассматриваются не только отраслевыми науками, но и на общетеоретическом уровне.

Наиболее обстоятельно институт освобождения от юридической ответственности исследуется в науке уголовного права [1–5].

В других отраслях права освобождение от юридической ответственности лишь констатируется как реально существующий институт права, имеющий место быть в нормах действующего законодательства [6–10].

На общетеоретическом уровне институт освобождения от юридической ответственности не является предметом для активных и бурных дискуссий. Однако в последнее время исследования общетеоретических аспектов института освобождения от юридической ответственности набирают обороты. Ученые рассматривают освобождение от юридической ответственности в историко-правовом и сравнительно-правовом аспектах [11], проводятся комплексные теоретические анализы природы, места и механизма освобождения от юридической ответственности [12–16].

Кроме того, освобождение от юридической ответственности рассматривают и в рамках исследования юридической ответственности [17; 18].

Представители различных отраслей права по-разному определяют понятие «освобождение от юридической ответственности».

В науке уголовного права под освобождением от уголовной ответственности понимают выраженное в официальном акте компетентного государственного органа решение освободить лицо, совершившее преступление, от обязанности подвергнуться судебному осуждению и претерпеть меры государственно-принудительного воздействия. В этом случае уголовная ответственность не находит своей реализации ни в публичном осуждении виновного, ни в наказании, ни в иных мерах уголовно-правового характера [19].

Как выраженный в правоприменительном акте и сформулированный по нереабилитирующим основаниям отказ государственного органа подвергнуть лицо, нарушившее предусмотренный УК РФ запрет, мерам уголовно-правового характера, понимает освобождение от уголовной ответственности А.А. Князьков. При этом ученый подчеркивает, что правом освобождения от уголовной ответственности обладает любой орган, ведущий производство по уголовному делу, однако в современных условиях решение этого вопроса зачастую неоправданно передается на усмотрение суда [3, с. 9].

А.А. Магомедов освобождение от уголовной ответственности определяет как отказ правоприменителя в предусмотренных уголовным законом и уголовно-процессуальным законом случаях от осуждения (порицания) поведения в форме обвинительного приговора и применения мер государственного принуждения с их неизбежным правовым последствием – судимостью лица, совершившего общественно опасное деяние [20].

Ю.М. Ткачевский освобождение от уголовной ответственности понимает как «освобождение лица, совершившего преступление, но впоследствии утратившего свою прежнюю общественную опасность в силу ряда обстоятельств, указанных в уголовном законе, от применения к нему со стороны государства мер уголовно-правового характера (за исключением несовершеннолетних, которым, несмотря на освобождение от ответственности, назначаются меры воспитательного воздействия)» [21].

В целом в уголовном праве освобождение от уголовной ответственности понимается как решение правоприменительного органа освободить лицо, совершившее преступление; как отказ государственного органа подвергнуть лицо мерам уголовно-правового характера или от осуждения его поведения, или просто как освобождение лица от применения к нему мер уголовно-правового характера.

В административном праве под освобождением от административной ответственности понимают основанную на законе и облеченную в процессуальную форму деятельность административно-юрисдикционного органа (должностного лица), имеющую своим содержанием установление необходимого условия и материального основания освобождения от административной ответственности конкретного лица либо реализацию прямого нормативного предписания высшего органа государственной власти и принятие на этой основе процессуального акта о неприменении к правонарушителю или неисполнении в полном объеме административного наказания, предусмотренного санкцией нарушенной нормы [22, с. 16].

Согласно цивилистическому подходу к пониманию освобождения от гражданско-правовой ответственности, лицо освобождается от гражданско-правовой ответственности, если в его поведении вообще отсутствует необходимый набор условий ответственности (состав правонарушения), т. е. если он и не является правонарушителем [23, с. 100].

В налоговом праве освобождение от налоговой ответственности – это исключение, обусловленное реализацией принципа гуманизма, который присутствует во всех отраслях публичного права [24, с. 12–226].

Наиболее обстоятельно к изучению сущности и содержания освобождения от юридической ответственности подходят теоретики права.

Н.В. Витрук освобождение от юридической ответственности определяет как снятие необходимости (обязанности) восстанавливать право, возмещать вред либо претерпевать меры возмездия (кары, наказания) за совершенное правонарушение [17].

И.Н. Тихоненко понимает освобождение от юридической ответственности как предусмотренное действующим законодательством устранение неблагоприятных правовых последствий для лица, совершившего право-

нарушение [13, с. 36].

С.В. Медведев в своем диссертационном исследовании предлагает межотраслевое понятие освобождения от юридической ответственности как совокупности отраслевых норм, регулирующих комплекс условий, при которых изменяется оценка совершенного правонарушения посредством взаимосогласованных действий компетентных субъектов (государства, юридических и физических лиц), обладающих соответствующими полномочиями в целях укрепления баланса публичного и частного интересов в гражданском обществе [15, с. 21–22].

Как межотраслевую юридическую конструкцию, закрепляющую устранение правовой обязанности претерпевать меры государственного принуждения за совершенное правонарушение, понимает освобождение от юридической ответственности О.Ф. Скакун [25, с. 84].

Нет единства взглядов и на правовую природу института освобождения от юридической ответственности.

Так, А.Б. Венгеров рассматривает освобождение от юридической ответственности как обстоятельства, исключающие юридическую ответственность [26, с. 547].

Некоторые ученые, исходя из логики построения законодательного материала, делают вывод, если не о полном тождестве, то о некотором сходстве существа правовой природы и порядка действия обстоятельств, исключающих административную ответственность, и обстоятельств, освобождающих от нее [27; 28, с. 25].

С.Е. Чаннов полагает, что освобождение от административной ответственности возможно в двух ситуациях: когда деяние вообще не признается правонарушением, несмотря на наличие всех его признаков и элементов состава, и когда деяние будет признано административным правонарушением, однако правонарушитель от ответственности будет освобожден [29, с. 3–14].

Однако, по мнению Н.В. Витрук, исключение юридической ответственности следует отличать от освобождения от юридической ответственности. Далее ученый приводит обстоятельства, которые являются основаниями, при наличии которых в силу действия закона исключается юридическая ответственность. Основаниями освобождения от юридической ответственности, по мнению ученого, являются обстоятельства, предусмотренные или презюмируемые законом [17].

Большинство ученых исходят из того, что понятия: «освобождения от юридической ответственности», «исключение юридической ответственности» «освобождение от наказания» – не тождественны [30, с. 270–279].

В целом, несмотря на то что в действующем законодательстве понятия *исключение юридической ответственности* и *освобождение* от нее не всегда четко различаются, данные категории имеют отличительные признаки, не позволяющие смешивать эти два разных института.

1. Совершение деяния, от ответственности за которое лицо освобождается, всегда противоправно, причиняет вред или создает угрозу его причинения. Наличие же обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, позволяет признать совершенное деяние общественно полезным и не является противоправным в силу прямого указания закона.

2. Освобождение от одного вида юридической ответственности не предполагает освобождения и от других ее видов. При обстоятельствах же, исключающих юридическую ответственность, должны исключаться все ее виды.

3. Фактический состав оснований освобождения от ответственности шире и содержит не только само деяние, но и иные обстоятельства. Юридическим же фактом, вызывающим исключение юридической ответственности, выступает само деяние, совершенное при определенных указанных в нормативном правовом акте обстоятельствах.

4. При освобождении от уголовной ответственности

в отличие от исключения юридической ответственности у лица отсутствует право на реабилитацию.

Правовая природа освобождения от юридической ответственности определяется как особая форма правового поощрения [15, с. 18]. Н.А. Гущина полагает, что нормы Уголовного кодекса РФ, закрепляющие освобождение от уголовной ответственности, являются поощрительными нормами уголовного права, которые по своей направленности выполняют стимулирующую роль и находятся в зависимости от посткриминального поведения лица, совершившего преступление [31, с. 186, 187].

О.Ф. Скакун, возражая против того, что освобождение от юридической ответственности имеет правовую природу правового поощрения, в то же время отмечает, что данный институт имеет природу отношений, которые складываются в процессе правового поощрения субъекта, совершившего правонарушение [25, с. 84].

Представляется, что природа освобождения от юридической ответственности как правового поощрения заключается в том, что данные нормы создают благоприятные условия для нравственного оздоровления лица, совершившего правонарушение, и являются стимулом для положительных вариантов его поведения в будущем.

Определяя правовую природу освобождения от юридической ответственности, необходимо отметить, что данный институт является одним из механизмов реализации юридической ответственности, принцип неотвратимости которой заключается «в обязательной реакции уполномоченных государством органов на правонарушение в виде осуждения и применения справедливых, гуманных, индивидуализированных мер юридической ответственности при отсутствии законных оснований освобождения от юридической ответственности» [18, с. 336]. При этом сам институт освобождения от юридической ответственности, по справедливому замечанию Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, обусловлен принципами справедливости, гуманизма и индивидуализации юридической ответственности [18, с. 334–335].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на большое количество научных исследований, проводимых относительно освобождения от юридической ответственности, как на отраслевом, так и на общетеоретическом уровне, ученые не выводят общетеоретического понятия данной научно-правовой категории.

С учетом лексикологического анализа термина «освобождение от юридической ответственности» словообразующим здесь является понятие «юридическая ответственность», от которого и следует отталкиваться при формулировании общетеоретической конструкции исследуемого явления. Конечно, необходимо исходить из того, что юридическая ответственность имеет свои особенности в отраслях публичного и частного права, что, соответственно, отражается и при освобождении от юридической ответственности. Однако это не мешает ученым сформулировать общетеоретическое понятие юридической ответственности как нормативной, гарантированной и обеспеченной государственным принуждением, убеждением или поощрением юридической обязанности по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующейся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае нарушения – обязанности правонарушителя претерпевать осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализации [18, с. 50].

Исходя из этимологии слова «освободить» (сделать свободным, вернуть обратно, дать кому-нибудь возможность не делать чего-нибудь [32, с. 321–322]) и правовой природы освобождения от юридической ответственности как правового поощрения можно сформулировать следующее определение.

Освобождение от юридической ответственности – это предусмотренная нормой права (или в определенных

законом случаях – соглашением) возможность не выполнять обязанность правонарушителя претерпевать осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализация в случае невыполнения им юридической обязанности по соблюдению и исполнению требований норм права.

Таким образом, освобождение от юридической ответственности представляет собой комплексный межотраслевой институт права, направленный на реализацию принципов справедливости, гуманизма и индивидуализации юридической ответственности.

В целом же теория освобождения от юридической ответственности только находится в стадии своего становления и развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 396 с.
2. Новиков В.А. Освобождение от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 22 с.
3. Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ): вопросы дифференциации и законодательной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 26 с.
4. Сверчков В.В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 616 с.
5. Якоби И.В. Развитие института уголовной ответственности и институтов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания в российском государстве: теоретический и историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 229 с.
6. Ключников И.А. Совершенствование законодательства и правоприменительная практика об освобождении от административной ответственности по малозначительности правонарушений : дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2013. 226 с.
7. Розина С.В. Институт освобождения от гражданско-правовой ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 142 с.
8. Коршунова Н.П. Обстоятельства, освобождающие от ответственности за нарушение договора : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 273 с.
9. Андреева А.А. Эвентуальная ответственность в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
10. Белова Т.А. Институт налоговой амнистии и его место в системе налогового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 29 с.
11. Пейзак Р.И. Основания освобождения от юридической ответственности в Англосаксонской и континентальной правовой традиции: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 22 с.
12. Сухоруков Г.К. Освобождение от ответственности по советскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. 17 с.
13. Тихоненко И.Н. Основания освобождения от юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 129 с.
14. Мартынова В.Ф. Институт освобождения от юридической ответственности (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 26 с.
15. Медведев С.В. Освобождение от юридической ответственности в российском государстве (теоретические и практические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 32 с.

16. Троицкая М.Ю. Институт освобождения от юридической ответственности, механизм его реализации в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.
17. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: НОРМА, 2009. 432 с.
18. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
19. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 1184 с.
20. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2009. 496 с.
21. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
22. Мурашев А.В. Освобождение от административной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 23 с.
23. Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4. С. 97–103.
24. Брызгалин А.В., Махерова И.В., Почтарева О.Н., Ласкина С.О., Проняева Л.И., Салаватов Ф.Р., Ушакова Т.В., Воловиков Б.П., Жаворонков С.А. Налоговая ответственность: общие условия // Налоги и финансовое право. 2008. № 11. С. 12–226.
25. Скакун О.Ф. Институт освобождения от юридической ответственности (теоретико-правовой и историко-правовой аспекты) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2008. Т. 21. № 2. С. 82–91.
26. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2006. 608 с.
27. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России. М.: Проспект, 2010. 752 с.
28. Орлов И.В. Невменяемость как освобождение от административной ответственности // Юрист. 2003. № 1. С. 25.
29. Чаннов С.Е. Основания для освобождения от административной ответственности // Гражданин и право. 2011. № 4. С. 3–14.
30. Куракин А.В., Калинин Н.С. Административная ответственность и ее реализация в сфере обеспечения правопорядка при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования // Административное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 270–279.
31. Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 294 с.
32. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов. М.: Мир и Образование, 2007. 640 с.

EXEMPTION FROM LEGAL RESPONSIBILITY

© 2016

E.N. Nemova, postgraduate student of Chair “Theory of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal responsibility; exemption from legal responsibility; the exclusion of legal responsibility; exemption from punishment; exemption reasons from legal responsibility; offence; the principle of inevitability.

Abstract: In spite of great quantity of scientific research works regarding the exemption from legal responsibility, both on industrial and on theoretical level, the scientists do not give the common theoretical meaning of this very scientific and legal category. In the article, the author examines the concept and the legal nature of exemption from the legal responsibility. Based on the etymology of word “exemption” and the legal nature of exemption from legal responsibility as a legal promotion the author formulates the definition of exemption from legal responsibility as provided by law (or in definite cases – agreement), the opportunity not to perform the duty of the offender to undergo condemnation, the restriction of the right of property or personal non-property and its realization in case of non-fulfilment of legal duties for the respect and execution of law requirements.

Ключевые слова: формирование умысла; обнаружение умысла; стадии развития умышленного преступления; угроза.

Аннотация: Статья посвящена вопросам выделения формирования и обнаружения умысла в качестве стадий развития умышленного преступления. Рассматриваются вопросы отграничения стадии обнаружения умысла от стадии приготовления к преступлению и обнаружения умысла от одной из форм психического принуждения (насилия) – угрозы.

В теории уголовного права нет однозначного мнения по поводу отнесения формирования (возникновения) умысла и его обнаружения к стадиям совершения преступления. Одни ученые выделяют их в качестве стадий совершения преступления, другие же не считают их криминально значимыми и выступают против отнесения их к стадиям совершения преступления. Далее проанализируем деятельность лица (в том числе и мыслительную) в процессе развития преступной деятельности и попытаемся понять, следует ли выделять формирование и обнаружение умысла в качестве стадий совершения преступления.

Всякое вменяемое лицо, в том числе и преступник, прежде чем перейти к определенным действиям, выраженным во внешнем мире, сначала действует мысленно. Перед совершением определенного преступного деяния у лица в сознании складывается в общих чертах представление о сущности данного преступления, о способах его совершения, формируется психическое отношение к предстоящему преступному деянию, к преступному результату в форме желания достижения преступной цели. Все эти процессы, происходящие в сознании лица, можно назвать формированием умысла. Внимания заслуживает определение формирования умысла, данное С.С. Аветисяном, согласно которому формирование умысла представляет собой сознательно-волевой процесс моделирования лицом предстоящего в будущем преступного поведения [1, с. 129]. Следует согласиться с автором в том, что формирование умысла представляет собой сознательно-волевой процесс, так как на стадии возникновения умысла у лица формируется психическое отношение не только к преступному деянию, но и к последствиям, которые возникнут в результате совершения этого деяния, так как любое сознательное действие (бездействие) вменяемого лица совершается с определенной целью. Уже на последующих стадиях лицо предпринимает определенные действия для достижения своей преступной цели, то есть лицо желает достичь своей преступной цели.

Так, А.А. Герцензон к стадиям совершения преступления относит возникновение умысла (намерение), подготовку преступного деяния, само преступное деяние и результат. Первоначальной стадией развития преступления автор называет возникновение умысла, намерение, что представляет собой чисто внутренний процесс сознания, не находящий никакой реализации и даже выявления во внешнем мире [2, с. 346].

Н.Ф. Кузнецова также выделила формирование умысла в качестве первой стадии совершения преступления, на которой субъект создает интеллектуальную и психическую возможность совершения преступления, однако посчитала эту стадию безразличной для суда в силу того, что в ст. 1 УК РСФСР говорилось о наказуемости действия [3, с. 4]. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, так как формирование умысла есть чисто психический процесс, не являющийся действием, оно не может объ-

являться наказуемым и влечь за собой уголовной ответственности [4, с. 223].

Д.Д. Максаров также выделял формирование умысла в качестве стадии совершения преступления наряду с приготовлением к преступлению, покушением на преступление и оконченным преступлением [5, с. 17]. Н.Д. Дурманов признавал ошибочным включение формирования умысла в число стадий и утверждал, что можно говорить о стадии осуществления преступления только в тех случаях, когда имеется акт внешнего поведения, без которого вообще не может быть речи об установлении тех или иных процессов, протекающих в сознании человека [6, с. 17]. По мнению автора, при определении стадий, предшествующих окончанию преступлению, надо останавливаться только на тех этапах осуществления умышленного преступления, которые выразились в конкретном внешнем действии, неразрывно сочетающем объективные и субъективные моменты (умысел, мотив), поэтому и исключаются чисто внутренние процессы сознания – появление соответствующих мотивов, формирование умысла [6, с. 18].

А.П. Козлов является сторонником выделения возникновения замысла в качестве самостоятельной стадии совершения преступления. По мнению автора, два этапа непременно присутствуют в каждом преступлении: возникновение психического отношения, обязательно предшествующее преступному поведению, и деяние, которое создает условия либо причиняет вред общественным отношениям или ставит их под угрозу причинения вреда; остальные стадии могут либо быть, либо отсутствовать в совершенном преступлении [7, с. 41]. Л.З. Тадевосян выделяет две обязательные во всех преступлениях стадии развития преступного деяния: формирование психологического отношения, обязательно предшествующего преступному поведению, и деяние, наносящее вред общественным отношениям, либо создающее условия для нанесения такого вреда, либо же ставящее эти отношения под угрозу нанесения вреда [8, с. 21]. По мнению М.В. Гриня, формирование умысла не может быть предметом уголовно-правовых отношений, так как общепризнанный принцип уголовного права гласит: «*cogitation poenam nemo patitur*» – «мысли ненаказуемы» [9, с. 12].

Как правильно указывается в литературе, лицо не может быть привлечено к ответственности только за мысли, в том числе и преступные, если они не проявились в конкретном деянии. При формировании умысла мыслительная деятельность лица не находит своего проявления во внешнем мире, не представляет реальной опасности для объекта преступления, на этом этапе отсутствует реальная угроза причинения вреда интересам личности, общества или государства. Сознательная деятельность лица на стадии формирования умысла не имеет самостоятельного уголовно-правового значения и не является наказуемой.

Однако, по нашему мнению, если лицом предпринимаются последующие действия, направленные на ре-

ализацию сформированного ранее преступного умысла и образующие общественно опасное деяние, причиняющее вред или создающее реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям, благам и интересам, охраняемым уголовным правом, то есть если сформированное психическое отношение к предстоящему преступному деянию и к его последствиям находит свое внешнее проявление либо на стадии приготовления к преступлению, либо на стадии умышенного совершения действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, в этом случае формирование умысла следует признать в качестве начальной стадии развития преступной деятельности. Формирование умысла при обязательном наличии хоть одной из последующих стадий в процессе развития преступной деятельности является ненаказуемой стадией развития преступления, но не стадией его совершения, поскольку можно говорить о стадии совершения преступления только в том случае, когда мыслительная деятельность лица находит свое внешнее проявление, мысли проявляются в конкретном деянии.

Завершая рассмотрение данной стадии, следует отметить, что мы полностью разделяем позицию А.П. Козлова [7, с. 41], согласно которой ученым и юристам, которые не выделяют формирование умысла в качестве стадии совершения преступления, не следует ссылаться на невозможность ответственности за мысли, невозможность привлечения к уголовной ответственности на этой стадии, поскольку в таком случае они смешивают предметы дискуссии: проблемы динамики развития преступления и проблемы ответственности за неоконченное преступление, переводят дискуссию в плоскость видов неоконченного преступления, начинают смешивать стадии и виды неоконченного преступления.

Формирование умысла может сопровождаться информированием других лиц о желании совершить преступление, т. е. обнаружением умысла. На этом этапе лицо устно, письменно или иным путем (например, при помощи телодвижений) делится с другими лицами своим намерением совершить преступное деяние, отношением к собственным действиям, пониманием объективного развертывания преступления от деяния к последствиям, надеясь таким образом определить их отношение к будущему преступному деянию.

А.А. Пионтковский выделял обнаружение умысла в качестве самостоятельной стадии преступной деятельности, обосновывая свою позицию тем, что «хотя обнаружение умысла не носит общественно опасного характера, однако голый умысел преследует свои самостоятельные цели и является средством непосредственного посягательства на охраняемые законом интересы, а следовательно, является стадией в развитии умышенной преступной деятельности» [10, с. 403]. Сторонником отнесения обнаружения умысла к стадиям преступной деятельности являлся и В.В. Домаков [11, с. 122].

А.П. Козлов также признает обнаружение замысла стадией совершения преступления, понимая под этим извещение определенных окружающих лиц, выраженное в различных формах, о возникшем у виновного общественно опасном замысле. Автор считает, что во многих случаях обнаружение замысла является не только границей, за которой следует соучастие, но и прелюдией, подготовкой соучастия [7, с. 45].

Против выделения обнаружения умысла в качестве стадии совершения преступления выступали Н.Д. Дурманов, И.С. Тишкевич, Н.Ф. Кузнецова, Б.А. Куринов, Н.И. Загородников и другие ученые [12, с. 140]. Так, Н.Д. Дурманов под обнаружением умысла также понимал выражение вонне тем или иным способом намерения совершить преступление и утверждал, что обнаружение умысла, в отличие от формирования умысла, представляющего только акт сознания, – это конкретное действие, но действие, не представляющее собой како-

го-либо движения по пути совершения преступления. Автор не относил обнаружение умысла к стадиям развития преступления и обосновывал свою позицию тем, что действие, образующее преступление, является сознательной деятельностью, направленной на определенный объект, тогда как при обнаружении умысла действия, которыми обнаружен умысел, по общему правилу не направляются на тот же объект, что и объект замысливаемого преступления, а единство объекта – характерная особенность всех стадий совершения данного преступления [6, с. 21]. Более развернутую аргументацию того, что обнаружение замысла не является стадией совершения преступления, дала Н.Ф. Кузнецова. По ее мнению, при обнаружении умысла субъект не создает никаких благоприятных условий выполнения преступления; обнаружение умысла не находится «ни в обуславливающей, ни тем более в причинной связи с совершением преступления»; единственным последствием обнаружения умысла является то, что посторонние лица узнают о преступном намерении субъекта; при обнаружении умысла виновный не приближает последствия, а отодвигает их, так как ставит себя под угрозу разоблачения [13; 14, с. 177].

М.В. Гринь придерживается той позиции, что обнаружение умысла не является этапом совершения преступления, и какое-либо уголовное преследование обнаружение умысла неприемлемо. Автор пишет: «Не имеет уголовно-правового значения обнаружение умысла, выразившегося в словах, письменно, в конклюдентных действиях. Заявленный (устно или письменно) замысел еще не является началом реализации преступного намерения. В этом случае отсутствует главный элемент, с которым связывается наступление уголовной ответственности, – осуществление какого-либо общественно опасного действия, направленного на фактическое совершение преступления. Обнаружение умысла не ставит охраняемые объекты в опасность причинения вреда. В обнаружении умысла отсутствует основной материальный признак преступления – его общественная опасность» [9]. С.С. Аветисян также придерживается той позиции, что формирование и обнаружение умысла не относятся к стадиям совершения преступления, поскольку основанием уголовной ответственности является виновное совершение общественно опасного деяния, причиняющего вред или создающего реальную угрозу причинения вреда интересам личности, общества или государства [1, с. 129]. Г.А. Насимов также считает, что обнаружение умысла нельзя рассматривать в качестве стадии совершения преступления, поскольку по УК такие действия не влекут уголовной ответственности [15, с. 17].

А.В. Наумов также не признает стадией и не считает преступным и наказуемым обнаружение умысла, связывая это с тем, что в основу уголовной ответственности кладется только деяние, опасное во внешнем выражении, т. е. опасное для интересов личности, общества и государства, с учетом необходимого виновного отношения. По мнению автора, все, что не выражено в деянии (действии или бездействии), находится вне сферы уголовно-правового регулирования, является безразличным для уголовного права и не может влечь уголовную ответственность [16, с. 98].

Мы также придерживаемся той позиции, что обнаружение умысла не может быть отнесено к стадиям совершения преступления, так как, во-первых, при информировании других лиц о намерении совершить преступление внешняя форма проявления обнаружения умысла еще не образует общественно опасного деяния, посягающего на объект уголовно-правовой охраны; во-вторых, согласно ст. 3 УК РФ единственным основанием уголовной ответственности является совершение преступления, т. е. деяния, содержащего в себе все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Однако обнаружение умысла следует признать в качестве ненаказуемой стадии развития преступной

деятельности только в том случае, если выраженному желанию, намерению лица совершить преступное деяние следует преступная деятельность лица либо на стадии приготовления к преступлению, либо на стадии умышленного совершения действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления. Обязательное наличие хоть одной из последующих стадий в процессе развития преступной деятельности свидетельствует о том, что лицо не ограничилось одним лишь выражением желания, намерения совершить преступное деяние, а предприняло конкретные действия, направленные на реализацию своего умысла.

При наличии зависящих или не зависящих от воли лица обстоятельств его деятельность может ограничиться лишь обнаружением умысла, и в этом случае деятельность лица на стадии обнаружения умысла не имеет самостоятельного уголовно-правового значения. Например, когда лицо делится намерением совершить кражу денег со своим другом и далее не предпринимает никаких реальных действий по реализации своего умысла, так как либо его друг отговаривает его от этого, либо он сам решает остановиться и не рисковать ради такой суммы, то его действия не являются преступными и наказуемыми и обнаружение умысла не является стадией развития преступления. Иначе обстоит дело, когда лицо после того, как поделилось со своим другом намерением совершить кражу денег, приступает к совершению преступного деяния. В этом случае следует отнести обнаружение умысла к стадиям развития преступной деятельности потому, что при наличии зависящих или не зависящих от воли лица обстоятельств его деятельность могла бы прерваться на стадии обнаружения умысла, не перейдя в следующую. На этой стадии развития умышленного преступления охраняемые уголовным законом объекты не ставятся в опасность причинения вреда, отсутствует материальный признак преступления – общественная опасность.

Следует обратить внимание на еще один важный момент: с какой целью лицо обнаруживает свой умысел: 1) пытается ли оно при информировании других лиц о желании совершить преступление просто определить их отношение к будущему преступному деянию, узнать их позицию по этому поводу, 2) или же это информирование необходимо для дальнейшего развертывания преступной деятельности лица и проводится с определенной целью – получить от них полезную, необходимую информацию, совет, какую-нибудь помощь, вовлечь их в совершение преступления и т. п., когда действия лица могут образовать умышленное создание условий для совершения преступления. Во втором случае возникает необходимость отграничения стадии обнаружения умысла от стадии приготовления к преступлению.

Проблема состоит в том, что перечень приготовительных действий по УК РА (ст. 35) является неисчерпывающим, и в законе говорится об «умышленном создании иных условий» для совершения преступления, что вызывает дополнительные затруднения как при установлении таких условий, так и при их разграничении от обнаружения умысла. Аналогичным является подход законодателя в проекте нового УК РА (ст. 46). Институт стадий совершения преступления служит тем же целям, тем же интересам, что и формально-материальное определение понятия преступления, – приданию определенности границам преступного и наказуемого деяния. Следствием неисчерпывающего перечня видов наказуемых приготовительных действий является отсутствие определенных критериев отграничения стадии обнаружения умысла от стадии приготовления к преступлению, в результате чего невозможно четко определить, относится ли деятельность лица к ненаказуемой деятельности на стадии обнаружения умысла или же действия лица образуют наказуемые приготовительные действия, выраженные в умышленном создании условий для совершения пре-

ступления. В качестве такого критерия законодатель называет умышленное создание условий. В этой связи следует согласиться с С.С. Аветисяном в том, что содержательная сторона данного критерия нуждается в уточнении, так как условия для совершения преступления могут иметь различное значение: быть необходимыми и случайными, существенными и сопутствующими, определяющими обстоятельства совершения преступления или сокрытия его следов, объективными или субъективными и др. [1, с. 131].

В уголовном законодательстве РФ законодатель в перечне приготовительных действий (ч. 1 ст. 30 УК РФ) кроме «иного умышленного создания условий» отдельно выделяет также приискание соучастников преступления и сговор на совершение преступления. Только при обнаружении умысла становится возможным соучастие, помощь со стороны других лиц при совершении преступления, а если информирование других лиц о намерении совершить преступное деяние проводится именно с такой целью, то действия лица образуют приготовительные действия. Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, «включение в границы неоконченного преступления сговора как самостоятельного этапа совершения преступления по меньшей мере некорректно в правовом отношении» [17, с. 248]. Сговор на совершение преступления предполагает договоренность двух или более лиц совершить преступление, достижение соглашения между последними, при этом участниками сговора не совершается никаких иных действий. Сговор представляет собой вариант обнаружения умысла, которое законом не предусмотрено в числе вариантов неоконченного преступления. В конкретных составах как самостоятельный вид преступления сговор не предусмотрен, в числе форм соучастия он также отсутствует. Таким образом, поскольку согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, представляется правильной позиция С.В. Чернокозинской, которая предлагает исключить из законодательно определения такую форму объективной стороны приготовления к преступлению, как сговор на совершение преступления, обосновывая свою позицию тем, что при сговоре возникает только намерение совершить преступление, а для приготовления к преступлению недостаточно наличия только умысла, необходимо, чтобы он был воплощен в деяние (действие или бездействие) [18, с. 11].

Обнаружение умысла не следует смешивать с одной из форм психического принуждения (насилия) – угрозой, когда конкретное проявление умысла на преступление либо представляет собой действие, причиняющее или способное причинить вред соответствующим ценностям, либо выступает в качестве способа совершения другого преступления. В действующих уголовных кодексах содержатся составы преступлений, которые с объективной стороны характеризуются угрозой, психическим принуждением. Например, ст. 137 УК РА «Угроза убийством, причинением тяжкого вреда здоровью или уничтожением имущества» устанавливает ответственность за угрозу убийством, причинением тяжкого вреда здоровью или уничтожением имущества, если при этом была реальная опасность осуществления этой угрозы; ст. 316 УК РА «Применение насилия против представителя власти» устанавливает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу его применения в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих служебных обязанностей; в ст. 347 УК РА говорится об угрозе или насильственных действиях в связи с ведением предварительного следствия или осуществлением правосудия и др. В других составах преступления угроза является способом совершения преступления (угроза

при похищении человека – ст. 131 УК РА, изнасиловании – ст. 138, воспрепятствовании свободному волеизъявлению избирателя – ст. 154.2, разбое – ст. 175, хулиганстве – ст. 258 и др.). Как уже отмечалось, целью обнаружения умысла является только доведение до сведения третьих лиц намерения лица совершить преступное деяние, при обнаружении умысла не нарушается ни один из охраняемых уголовным правом объектов, в то время как угроза представляет собой психическое насилие над жертвой с целью изменения ее поведения в интересах угрожающего, в нужном ему направлении, представляет собой общественно опасное действие, так как она препятствует реализации гражданами гарантированных Конституцией прав и свобод. Представляется правильным утверждение профессора М.Д. Шаргородского о том, что при угрозе «в действительности карается не намерение, а общественно опасное действие – угроза, даже если у угрожающего и не было намерения в дальнейшем привести ее в исполнение» [19, с. 60].

Исходя из вышеизложенного, формирование умысла и его обнаружение при обязательном наличии хоть одной из последующих стадий в процессе развития преступной деятельности следует отнести к ненаказуемым стадиям развития преступной деятельности. Необязательно, чтобы все этапы развития преступной деятельности были наказуемыми. Так, согласно отечественному уголовному законодательству приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести является ненаказуемым деянием, однако это не означает, что период совершения таких приготовительных действий перестает быть стадией преступной деятельности. Когда мы имеем дело с уже оконченным преступлением, то нельзя отрицать важную практическую значимость формирования умысла и его обнаружения, которые достаточно полно помогают раскрыть сущность преступления в динамике, степень его общественной опасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аветисян С.С. Приоритеты и перспективы нового Уголовного кодекса Республики Армения (социально-правовая концепция). Ереван: РАУ, 2012. 441 с.
2. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. М.: РИО ВЮА, 1948. 496 с.
3. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. 16 с.
4. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву // Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 233.
5. Максаров Д.Д. Выявление лиц, замышляющих или

- подготавливающих преступление – одно из условий предотвращения преступлений // Усиление борьбы с преступностью в свете требований программы КПСС: материалы к научной конференции адъюнктов. М.: ВШ МООП РСФСР, 1964. С. 15–18.
6. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1955. 211 с.
 7. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 351 с.
 8. Тадевосян Л.З. Проблемы ответственности за неоконченную преступную деятельность по уголовному законодательству Республики Армения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 57 с.
 9. Гринь М.В. Неоконченное преступление : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 208 с.
 10. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Часть общая. В 6-и т. Т. 2. Преступление. М.: Наука, 1970. 516 с.
 11. Домаков В.В. Этапы умышленной преступной деятельности и вопросы ответственности // Проблемы неотвратимости ответственности в уголовном праве и процессе: сборник научных статей. Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1984. С. 122–123.
 12. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: МГУ, 1976. 181 с.
 13. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву // Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 235.
 14. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Юристъ, 1997. 540 с.
 15. Насимов Г.А. Неоконченное преступление. М.: ЮНИТИ, 2009. 69 с.
 16. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: Волтерс Клувер, 2005. 926 с.
 17. Калинин В.Б. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб.: СПб ГКЛ, 2011. 564 с.
 18. Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 30 с.
 19. Шаргородский М.Д. Рецензия на учебное пособие проф. А.А. Герцензона. Уголовное право. Часть Общая // Советское государство и право. 1948. № 12. С. 57–60.

FORMATION AND DETECTION OF INTENT AS THE STAGES OF DEVELOPMENT OF A DELIBERATE CRIME

© 2016

A.T. Panosyan, first level specialist of the legal acts expertise agency of the RA Ministry of Justice, undergraduate student of Chair of Criminal and Criminal Procedure Law
Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan (Armenia)

Keywords: formation of intent; intent detection; stages of development of intentional crime; threat.

Abstract: The article is devoted to the issues of formation of isolation and detection of intent as the stages of development of an intentional crime. The article also addresses issues of delimitation the detection stage intent from the stage of preparation for a crime and the detection of intent from the form of mental coercion (violence) – threat.

С.В. Розенко, кандидат юридических наук, директор юридического института
Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск (Россия)

Ключевые слова: наказание; уголовная ответственность; система наказаний; виды наказаний.

Аннотация: Статья посвящена вопросам системы уголовных наказаний. Автором анализируется понятие системы, определяются виды наказаний и их особенности, особое внимание уделяется изменениям в системе уголовных наказаний.

Актуальность правовой регламентации системы уголовного наказания в Российской Федерации обусловлена тем, что необходимо установление ее общих свойств и индивидуальных особенностей во взаимосвязи с формированием и развитием системы наказания в других отраслях права и в российском праве в целом, где имеется большой научно-практический материал для последующего исследования и выработки предложений и рекомендаций по ее дальнейшему совершенствованию.

Наказание имеет исторический характер, так как в своем развитии оно заменило перечневый подход системным изложением наказания в уголовном праве. Наказание как динамично развивающаяся система сформировалось в самостоятельный институт уголовного права, который послужил основой для развития других элементов уголовного права.

Но в настоящее время уголовное право утрачивает монополию на наказание в силу разработки концепции наказательной государственно-правовой политики, имеющей межотраслевой характер [1].

Наказание как мера принуждения в российском уголовном праве является исключительной прерогативой Российской Федерации. Система наказания создается государством и им же регламентируется. Исключения из данного правила имеют место быть, поскольку, например, согласно ч. 2 ст. 2 УИК РФ, уголовно-исполнительным законодательством РФ устанавливается порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных. Но в качестве основополагающего субъекта реализации системы наказания остается государство, определяющее субъектов уголовной политики в указанной сфере, и назначает данную меру государственного принуждения только суд. Но в иных отраслях права данный подход кардинально меняется. И совершенствование указанной системы является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики российского государства, к которому предъявляются особые требования. А.И. Рарог пишет: «Приоритеты уголовно-правовой политики должны иметь достаточные социальные и правовые основания, а уголовно-правовые средства обеспечения этих приоритетов должны быть, во-первых, адекватными охраняемым социальным ценностям, а во-вторых, практически реализуемыми, т. е. соответствовать потребностям практики и служить удобным инструментом воздействия на социально неприемлемые уголовно-правовые явления» [2, с. 13].

Условия правовой регламентации уголовного наказания определяются как в Конституции РФ, так и в отраслевом законодательстве, что является следствием усложнения общественной жизнедеятельности. Обязательные условия уголовного наказания установлены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. По нашему

мнению, ограничением наказания следует признать тот факт, что осужденным гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания. Согласно ч. 1 ст. 14 УИК РФ, они вправе исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

«Содержание наказания составляет лишение субъекта предусмотренных уголовным законом каких-либо материальных или духовных благ, которое причиняет ему страдания. Это могут быть свобода, имущество, честь и т. д. Разные виды наказания различаются именно своим содержанием. Вследствие осуждения преступник может лишиться и многих других благ – семьи, уважения окружающих и т. д., но они не входят в содержание наказания, поскольку необходимость их лишения не указана в законе» [3, с. 5]. В УК РФ установлено закрепление перечня отдельных видов наказаний по мере увеличения карательной строгости, где обязательным условием выступает их взаимодействие, т. е. объем ограничений и лишений возрастает.

Лицу, совершившему преступление, может быть назначено только одно основное и одно дополнительное наказание, что не является нарушением конституционного принципа: никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ).

С.И. Курганов отмечает, что лишения или ограничения прав и свобод, составляющие наказание, могут быть предусмотрены не только в УК РФ, но и иных нормативных правовых актах. В статьях Общей части УК РФ закреплены срочные наказания, отбываемые в специализированных учреждениях, входящих в уголовно-исполнительную систему, подведомственную Минюсту России, где применительно к ним установлены лишь общие рамки. Установление же конкретного комплекса правоограничений для этих наказаний делегируется Уголовно-исполнительному кодексу РФ [3, с. 6]. Данное положение определяется комплексным характером системы наказания, которое по исторической традиции не может регламентироваться только одним нормативным правовым актом, несмотря на длительную тенденцию кодификации уголовного законодательства.

Уголовное наказание как сложная и динамичная, многосоставная и целостная система включает в себя совокупность элементов и (или) отношений, закономерно связанных в единое целое, взаимодействие которых порождает новые интегративные, системные качества, отсутствующие у этих элементов и (или) отношений [4, с. 6]. Следствием данного процесса является формирование наказания как правовой категории, где краеугольной основной выступает наказание уголовное. Традиционно наказание выработано в рамках уголовного права, но в настоящее время оно имеет двойственное системное значение. Несомненным является тот факт, что в своем развитии наказание достигло уровня системы. Система [др.-греч. σύνστημα – соединенное в одно целое из многих частей]: 1) множество закономерно соединенных между собой элементов (предметов, явлений, процессов, принципов, взглядов, теорий), образующих определен-

ную целостность, единство; научное исследование различных систем проводится в рамках системного подхода, при котором система рассматривается во всем своем многообразии и единстве; 2) порядок, обусловленный планомерным, правильным расположением и взаимосвязью частей, строгой последовательностью действий, например, Система в выполнении определенной работы [5, с. 741]. С одной стороны, уголовное наказание как обязательный структурный элемент системы российского уголовного права имеет самостоятельный характер, исходя из его формального закрепления в Общей и Особенной части УК РФ 1996 г., что предопределяет его особые признаки и свойства. Базовые положения об уголовном наказании закреплены в разделе III УК РФ. Данная система является результатом длительного развития отечественного уголовного законодательства. В результате ее последовательного развития появились новые институты уголовного права, связанные с наказанием, но имеющие самостоятельное значение (в частности, освобождения от наказания, иных мер уголовно-правового характера).

С другой стороны, на текущий момент, в теории права высказываются идеи о том, что масштабные изменения в государственно-правовой жизни России своим следствием имеют выработку модели правового наказания в российском наказании [1, с. 9]. Ранее в отечественном праве феномен правового наказания с точки зрения теории права исследовался А.А. Жижиленко.

Система уголовного наказания имеет устойчивые законодательные традиции только с начала 19 столетия. Наиболее значимыми законодательными актами, где развивался и совершенствовался институт уголовного наказания, являлись: Свод законов уголовных 1832 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.; Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.; Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. По нашему мнению, именно в первой половине 19 в. сложились основные положения системы наказания как перечень обязательных установлений и условий назначения наказания лицу, виновно совершившему преступление.

М.Д. Шаргородский писал, что наказание в советском уголовном праве – это мера государственного принуждения, применяемая только судебными органами к лицам, совершившим преступления. Наказание является лишением преступника каких-либо принадлежащих ему благ и выражает отрицательную оценку преступника и его деяния государством. Наказание имеет целью предупреждение совершения новых преступлений со стороны лиц, их совершивших, и других неустойчивых членов общества [5, с. 236].

Сложилась двойственность уголовного наказания: оно сочетает в себе как карательную, так и воспитательную стороны.

В целом данная система установлена российским государством и закреплена в УК РФ, где регламентированы содержание наказания, цели, виды наказаний и их пределы, порядок назначения, зачет между отдельными видами наказаний, условия и порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также применение иных мер уголовно-правового характера. Но данное понимание является ограниченным, так как наказание нельзя рассматривать без конкретных санкций статей Особенной части УК РФ.

З.А. Незнамова пишет: «В юридической литературе обычно выделяют три интегративных свойства системы законодательства. Первое, основное свойство – законодательство в целом является юридическим источником и формой выражения права данного общества. Второе, производное от основного – способность законодательства сохранять свои качества и характеристики, поддерживать его отдельные элементы в соответствии с изменившимися условиями общественного развития. Другими словами, второе интегративное свойство си-

стемы законодательства заключается в его гибкости... Третий интегративный признак любой целостной системы состоит в гармоничности, непротиворечивости, согласованности всех структурных элементов» [6, с. 7].

В соответствии со ст. 7 УК РФ следствием совершения преступления и привлечения лица его совершившего к уголовной ответственности выступают: наказание и иные меры уголовно-правового характера. С формальной точки зрения не являются уголовным наказанием иные меры уголовно-правового характера, установленные в разделе VI УК РФ: в главе 15 регламентированы принудительные меры медицинского характера, а в главе 15.1 – конфискация имущества. В настоящее время наказание может быть применено не только непосредственно к субъекту, совершившему преступление, но и к иным лицам. Согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взываться с его родителей или иных законных представителей с их согласия.

Первоосновой системы уголовного наказания являются виды наказаний, закрепленные в ст. УК РФ исчерпывающим образом по мере увеличения карательного воздействия (но необходимо заметить, что данное правило в настоящее время имеет исключения: а) штраф; б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; в) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; г) обязательные работы; д) исправительные работы; е) ограничение по военной службе; з) ограничение свободы; з.1) принудительные работы (п. «з.1» введен Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ); и) арест; к) содержание в дисциплинарной воинской части; л) лишение свободы на определенный срок; м) пожизненное лишение свободы; н) смертная казнь). В истории российского уголовного законодательства устанавливались самые разнообразные виды уголовных наказаний. Но на текущий момент преобладающими становятся наказания, имеющие ограничительно-трудовой характер. Ограничения по назначению уголовного наказания путем непосредственного перечисления установлены применительно к несовершеннолетним.

Более сложной, по нашему мнению, представляется проблема дополнительных наказаний в российском уголовном праве, где согласно ч. 3 ст. 45 УК РФ только лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград применяется в качестве дополнительных видов наказаний. Ранее, до вступления в силу Федерального закона от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [7], к дополнительным видам наказаний относилась конфискация имущества, но сейчас она закреплена как иная мера уголовно-правового характера. Если в уголовном законодательстве европейских государств значение дополнительных наказаний по-прежнему велико, то применительно к российскому законодательству – это предмет для конструктивного обсуждения.

Необходимо признать, что виды наказаний являются основой для закрепления в санкциях статей Особенной части УК РФ в альтернативной форме. Обязательным условием для любого уголовного наказания выступает его соразмерность, что определяет государство. Но в случае нарушения данного подхода возникает негативное последствие – происходит утрата целей уголовного наказания. Так как система наказания отличается динамичной изменчивостью, что объясняется текущими политико-правовыми задачами, в ряде случаев указанная соразмерность нарушается, например, при совершении транспортных преступлений, где в качестве последствия выступает массовая гибель людей. Думается, что включение новых дополнительных видов наказаний позволит решать проблему наказуемости с учетом системного вза-

имодействия связи с двумя принципам российского уголовного законодательства: справедливости и гуманизма.

Также представляется необходимым вернуть конфискацию имущества в перечень уголовных наказаний, несмотря на новое современное толкование, поскольку она не утратила свойств вида уголовных наказаний.

В настоящее время институт наказания уголовно-го права отличается значительным количеством норм, предусматривающих смягчение уголовного наказания, которое может осуществляться в двух случаях: при назначении наказания с учетом общих начал назначения наказания, а также по истечении определенного времени после назначения наказания. По нашему мнению, поскольку данные положения закреплены разрозненно и бессистемно и зачастую никак не согласованы между собой, то следует предложить их закрепление в отдельной главе Общей части УК РФ.

В целом можно сделать вывод о том, что система наказания, закрепленного в российском уголовном законодательстве, нуждается в дополнительной проработке и упорядочении с точки зрения самостоятельного структурного изложения и применительно к современным условиям развития наказания как межотраслевой катего-

рии в рамках концепции наказательной государственно-правовой политики в российском праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наказание и ответственность в российском праве: актуальные проблемы / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2014. 272 с.
2. Рарог А.И. Приоритеты российской уголовно-правовой политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2015. С. 13–15.
3. Курганов С.И. Назначение наказания и освобождение от наказания. М.: Юрлитинформ, 2014. 176 с.
4. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). М.: Политиздат, 1973. 392 с.
5. Шаргородский М.Д. Избранные труды по уголовному праву. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. 860 с.
6. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург: Cricket, 1994. 284 с.
7. Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION SYSTEM OF CRIMINAL PUNISHMENTS IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW NOW

© 2016

S.V. Rozenko, PhD (Law), director of the Law Institute
Ugra State University, Ugra (Russia)

Keywords: punishment; criminal liability; punishment system; punishments.

Abstract: The article is devoted to the system of criminal penalties. The author analyzes the concept of the system, determined by the types of penalties and their features, special attention is paid to changes in the system of criminal punishment.

В.А. Рудковский, доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории права и государства
Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)

Ключевые слова: право; юридическая ответственность; чувство ответственности; позитивная ответственность; негативная ответственность; правопорядок.

Аннотация: В статье подвергнута критике концепция юридической ответственности как исключительно позитивного свойства субъектов права. Показана обусловленность юридической ответственности объективными свойствами права как институционального регулятора общественных отношений.

В преамбуле Конституции РФ, в частности, говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации... исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации».

Ст. 54 Конституции РФ гласит: «1. Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. 2. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон».

Хотя в обоих случаях говорится об ответственности, ясно, что речь идет о разных явлениях.

В преамбуле Конституции ответственность упоминается в качестве одного из мотивов принятия Основного закона. Чем руководствовался многонациональный народ России, принимая Конституцию РФ? Он исходил, в частности, из чувства (сознания) ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

Чувство (сознание) ответственности – один из характерных мотивов поведения человека, соизмеряющего свои поступки и их возможные последствия с требованиями социальных норм. Оно выражает устойчивую потребностно-мотивационную ориентацию субъекта на исполнение своего гражданского долга, нравственных, правовых и иных обязанностей. Указанное чувство присутствует и любящему родителю, заботящемуся о судьбе своих детей, и рачительному хозяину, бережно относящемуся к своему имуществу, и государственному деятелю, обремененному многочисленными обязанностями общественного служения. В градации социальных чувств, чувство ответственности, бесспорно, должно быть отнесено к так называемым высшим чувствам, наряду с чувствами чести, совести, справедливости, патриотизма и др. Как и последние, чувство ответственности является продуктом социализации человека, результатом усвоения известных ценностей и норм, определяющих его отношение к другим людям (обществу, государству) и самому себе.

В ином свете предстает ответственность в контексте ст. 54 Основного закона. Здесь ответственность выступает в виде особого законодательного установления, нормы объективного права, и в качестве таковой существует независимо от чьих-либо субъективных представлений, переживаний, чувств, независимо вообще от того, сознает отдельный субъект сам факт установленной законом ответственности или не сознает, относится к нему положительно, отрицательно или еще как-либо. Конституционный законодатель вполне определенно связывает наступление ответственности с совершением правонарушения и особо оговаривает требования, касающиеся обратной силы закона, устанавливающего, отягчающего, устраняющего или смягчающего ответственность.

Надо сказать, что подобные примеры использования законодателем термина «ответственность» не единичны.

Так, в Федеральном законе РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» местное самоуправление определяется как «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая... самостоятельное и *под свою ответственность* (курсив – В.Р.) решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций». В то же время глава 10 указанного Закона посвящена вопросам ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами. Закон регламентирует основания указанной ответственности, порядок ее реализации и т. д. [1].

Ответственность в смысле осознания субъектом своего социально-правового долга, добровольного и высокосоциального осуществления предписаний правовых норм, субъективных прав и обязанностей, в юридической литературе получила наименование позитивной (перспективной) юридической ответственности. Ответственность же в виде предусмотренной законом (договором) обязанности претерпеть определенные лишения государственно-властного характера за совершенное правонарушение называют негативной (ретроспективной) юридической ответственностью.

Содержание и соотношение позитивной и негативной ответственности остается предметом острой дискуссии в нашей науке на протяжении десятилетий [2, с. 14–63]. Что стоит за указанными терминами – специфичные стороны (аспекты, формы проявления и пр.) сущности единого правового феномена или все же разные по своей сути явления?

Анализируя состояние ведущейся полемики вокруг понятия позитивной ответственности в праве, О.Э. Лейст приходил к выводу, что «...распространение идеи «правовой позитивной ответственности» пока что не вышло за пределы узкого круга специалистов-теоретиков и практически выглядит как уговаривание одних правоведов другими правоведами относиться к запретам, обязанностям и правопорядку с уважением» [3, с. 254].

Однако публикации последних лет свидетельствуют о том, что ситуация в указанной сфере меняется. Идея позитивной ответственности получает все большее признание среди правоведов и активно используется не только в монографических и иных специальных работах [4, с. 28–42], но и в учебной литературе [5, с. 518–523]. То есть она все-таки вышла за рамки узкого круга специалистов. Более того, если до недавнего времени камнем преткновения был вопрос о правомочности включения в содержание юридической ответственности так называемого позитивного аспекта, само же традиционное понимание юридической ответственности как последствия правонарушения оставалось в принципе неизменным, то сегодня наблюдается противоположная тенденция. Суть ее состоит в том, что традиционное видение юриди-

ческой ответственности признается не только неполным, односторонним и т. п., но и в сущности неверным. И хотя последняя точка зрения пока не получила широкого распространения, она, как и любая крайность, заслуживает особого внимания, поскольку высвечивает такие аспекты концепции позитивной правовой ответственности, которые в рамках «умеренных» или «компромиссных» теорий позитивно-негативной ответственности обычно присутствуют в своеобразном завуалированном виде.

Последовательным сторонником коренного пересмотра теории юридической ответственности является А.С. Бондарев. В своих многочисленных публикациях он пытается доказать, что юридическая ответственность является «исключительно позитивным свойством субъектов права» и «что юридической ответственности в ретроспективном аспекте не существует в природе современного общества» [6, с. 134].

По мнению А.С. Бондарева, ученые-юристы, отстаивающие понимание ответственности как реакции на правонарушение, игнорировали в своих исследованиях положения философии и социологии относительно природы социальной ответственности как родового понятия. Следствием этого явилось отождествление юридической ответственности с наказанием. По инерции такое представление сохраняется по сей день, и «в отечественной теории права одним термином объединены не два аспекта или две формы реализации юридической ответственности, а два принципиально различных правовых явления, требующих своих собственных названий» [6, с. 141]. Радикально указанное заблуждение может быть преодолено, полагает автор, если современные юристы отойдут от советской традиции в трактовке юридической ответственности и при решении этого вопроса будут опираться на философско-социологические исследования и работы дореволюционных авторов.

Что же представляет собой юридическая ответственность? Это «правовое свойство (качество) самого субъекта права, содержательно выраженное в знаниях им своих статусных правовых обязанностей, умении распознавать момент их конкретного возникновения в процессе своей правовой жизни, осмыслении ценности их для собственных и общественных интересов, положительной эмоционально-чувственной оценки и волевого воплощения их в своем правомерном поведении» [6, с. 136]. Юридическая ответственность, подчеркивает А.С. Бондарев, это «живое» правовое явление. Она неотделима от субъекта права. С исчезновением последнего, исчезает и его юридическая ответственность. «Живет» же юридическая ответственность в неразрывном единстве двух сторон или «в двух ипостасях: с одной стороны, в указанных выше психических правовых явлениях субъектов права (внутренняя, внешне невидимая сторона юридической ответственности), а с другой – в их правомерном поведении, обусловленном и направляемом этими психическими правовыми явлениями (внешняя, видимая сторона юридической ответственности)» [6, с. 136].

Свойство юридической ответственности присуще далеко не всем субъектам права. Им обладают только субъекты социально-активного и привычного правомерного поведения. Маргиналы, конформисты, тем более правонарушители обладают другим свойством – безответственностью. Именно безответственность и является антиподом юридической ответственности [6, с. 136, 143].

Как видим, А.С. Бондарев пытается свести понятие юридической ответственности всецело к так называемому позитивному аспекту и при этом представить ее в виде явления сугубо психологического плана. Ответственность есть особое состояние (качество) сознания субъекта, характеризующееся знанием своих обязанностей, их положительной оценкой и т. д. Там, где такого качества сознания нет, – нет и юридической ответственности. Поэтому привлечь к юридической ответственности либо освободить от нее, по мнению автора, не-

возможно в принципе. «Правонарушителей (лиц, пораженных юридической безответственностью) можно и нужно привлекать только к юридическому ответу, а не к ответственности и юридическому наказанию, и освобождать их нужно не от юридической ответственности (от которой они и так во многом свободны, ее у них не воспитали), а от юридического наказания полностью или частично по тем или иным юридическим основаниям» [7, с. 93].

Хотя А.С. Бондарев говорит о неразрывной связи внутренней и внешней сторон ответственности, в действительности внешняя сторона (поведение субъекта) не играет в его концепции какой-то самостоятельной роли и оказывается не более чем проекцией субъективных состояний личности. Об этом недвусмысленно говорит и сам автор: «Правомерное поведение субъектов права, таким образом, не всегда бывает юридически ответственным именно из-за того или иного дефекта его психологической стороны: простого незнания тех или иных статусных обязанностей; неверной оценки их значения для себя и общества; неумения пользоваться источниками права; нерешительности в принятии правовых решений и слабости в их реализации; безразличного, а то и враждебного отношения к праву вообще или к тем или иным правовым нормам, их институтам и т. д. Таковыми являются конформистское и маргинальное правомерное поведение субъектов права. Они наряду с правонарушениями суть свидетельства юридической безответственности данных субъектов права» [6, с. 136].

Если принять во внимание, что правосознание значительного числа граждан современной России, не включая и юристов, в той или иной мере страдает различного рода дефектами (например, пробельностью), то следует заключить, что юридическая ответственность является большой редкостью в нашей правовой системе. Во всяком случае, вне сферы указанной ответственности находятся правонарушители, а также те субъекты правовой жизни, которые в силу каких-то причин не имеют достаточного объема юридических знаний, не умеют правильно пользоваться законодательством и другими источниками права, нерешительны в принятии юридических решений и т. д.

В контексте развиваемого А.С. Бондаревым подхода, юридическая ответственность оказывается свойством далеко не всякого, а только лишь высокоразвитого, так называемого «нормального правосознания».

И.А. Ильин определял нормальное правосознание «как особый способ жизни, которым живет душа, предметно и верно переживающая право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах)» [8, с. 166]. Правда, философ тут же оговаривался, что «этот строй душевной жизни есть, конечно, нечто идеальное» [8, с. 166]. В действительности же многие люди не только не знают действующее право в необходимой мере, но и не понимают его истинного значения. И тем не менее такое незнание и непонимание вовсе не отменяют права (и всех его институтов) как объективно значимого фактора социальной жизни. В этом, как отмечал И.А. Ильин, может убедиться каждый человек, впервые встречающийся с правовым регулированием. «И первое, на что наталкивается его сознание, это то, что все эти характеристики, последствия, выводы и т. д. сохраняют свое значение, даже в том случае, если он их не захочет признать и если он будет действовать так, как будто он о них ничего не знал или как будто бы их «вовсе не было». Оказывается, что «значение» их не нуждается в его сознании, согласии и признании... Он видит, что его жизнь оплетена какой-то сетью так, что он фактически может с нею не считаться, но что она от этого не порывается и не исчезает» [8, с. 176–177].

Попытки представить юридическую ответственность в виде особого свойства (качества) самого субъекта права, отождествить ее содержание с состоянием его созна-

ния и воли, связать данное понятие с исключительно позитивными установками личности и т. п. игнорируют тот факт, что *право социально и институционально по своей природе*. Субъект может знать или не знать действующее право, принимать или не принимать его предписаний, но право от этого «не исчезает» и не утрачивает своего регулятивного значения. Эта объективность права и связанных с его действием юридических последствий человеческого поведения и есть то «первое, на что наталкивается» сознание субъекта.

Если право сохраняет объективное значение регулятора общественных отношений независимо от субъективного отношения к нему отдельно взятого индивида, то указанным свойством, по-видимому, должна обладать и юридическая ответственность. В противном случае пришлось бы утверждать, что уголовное, гражданское, административное и другие отрасли права существуют объективно в виде системы соответствующих норм, а аналогичные виды ответственности присутствуют только в сознании субъектов уголовно-правовых, гражданских и пр. отношений. Из этого следовало бы заключить, в частности, что, например, уголовная ответственность определяется не нормами уголовного права, а субъективным отношением лица к установленным запретам, что указанная ответственность является не уголовно-правовым институтом, а сугубо внутренним (психическим) переживанием многочисленных субъектов уголовно-правовых отношений. Такой подход по существу означал бы отрицание социально-нормативной природы юридической ответственности и ее отождествление с индивидуальными чувствами, переживаниями, представлениями и прочими явлениями, отражающими состояние и особенности *механизма психической регуляции* поведения субъектов общественных отношений.

Между тем, юридическая ответственность – это, прежде всего, особый *правовой институт*. И в качестве такового она сохраняет все важнейшие свойства права как специфичного регулятора общественных отношений. Она нормативна, формально определена, опирается на возможность принудительного осуществления и т. д. Именно эти (и другие) свойства и позволяют говорить о юридической ответственности как особой разновидности социальной ответственности.

Как и право в целом, юридическая ответственность выражает объективную потребность в сохранении и упрочении такого социального порядка, при котором были бы публично гарантированы, по крайней мере, наиболее важные условия нормальной жизнедеятельности индивида и общества (жизнь, собственность, личная неприкосновенность, определенный государственный строй и пр.). По мере развития общества, его интеллектуального и нравственного взросления, перечень этих условий (благ) меняется. Обновляется и сама юридическая ответственность, наполняясь более цивилизованным и гуманным содержанием и формами реализации. Но в общем и целом юридическая ответственность всегда остается своеобразным форпостом на пути проявления наиболее вредоносных интересов. Она срабатывает в тех случаях, когда отказывают механизмы моральной и иной социальной ответственности и индивидуальный эгоизм выходит за рамки официально допустимых правовых границ, угрожая безопасности других людей, общества, государства. В таких случаях «эта безопасность, не обеспеченная законом нравственным самим по себе, который не существует для людей с преобладающими противообщественными инстинктами, ограждается законом принудительным, который имеет действительную силу и для них» [9, с. 330].

По общему правилу, правовые границы, определяющие сферу индивидуального произвола, настолько очевидны для каждого психически здорового человека, что их понимание и соблюдение вовсе не требует от индивида каких-то сверхъестественных интеллектуальных

усилий, особого эмоционально-волевого напряжения и т. д. Для того чтобы люди не убивали, не насиловали, не грабили и т. д. друг друга, вовсе не обязательно знание соответствующих статей уголовного закона. В некоторых странах и сегодня существует практика осуществления правосудия лицами, не имеющими юридического образования. В известном смысле она используется и в России в виде суда присяжных. Означает ли это, что правосудие в таких случаях творится юридически безответственными субъектами?

Разумеется, нет. Способность оценивать свое собственное и чужое поведение на предмет его соответствия основополагающим нравственно-правовым императивам отнюдь не является исключительным свойством исключительных людей. Никакой правовой порядок не смог бы существовать и развиваться, если бы общество в своей основной массе не разделяло его требований и не претворяло их в жизнь. Поэтому в действительности оказывается, что так называемая *позитивная ответственность является отнюдь не исключением, а нормой правовой жизни*.

Приступая к регулированию тех или иных общественных отношений, законодатель исходит из того, что большинством граждан устанавливаемые требования будут восприняты положительно. Основанием подобной уверенности является общая позитивная направленность правового регулирования, его нацеленность на достижение определенных социально полезных результатов. Жизненный опыт, воспитание, существующая практика подсказывают индивиду, что жить в согласии с законом гораздо комфортнее и безопаснее, нежели находиться с ним в постоянном конфликте. Прагматичные мотивы подкрепляются и соответствующими морально-этическими принципами (нарушать взятые обязательства не только невыгодно, но и морально предосудительно и пр.). Все это ведет в конечном счете к преобладанию в общественном сознании позитивно-правовых установок, или позитивной ответственности. При этом *в юридической сфере*, в отличие, например, от нравственности, *позитивная ответственность презюмируется*. Предполагается, что психически здоровые, достигшие соответствующего возраста члены общества способны адекватно оценивать предъявляемые к ним правовые требования и руководствоваться ими в своем поведении. И если субъект ведет себя правомерно, не причиняет вреда охраняемым законом интересам других лиц, общества, государства, то такого субъекта с правовой точки зрения никак нельзя назвать безответственным. Здесь действует общее правило: *quivis praesumitur bonus donec probetur contrarium* – каждый предполагается честным, пока не доказано обратное. «Заклучает ли гражданин договор купли-продажи или иную гражданско-правовую сделку, дает ли потерпевший, свидетель показания, приводит ли истец доказательства в обоснование иска, вступают ли юноша и девушка в брак, во всех случаях они предполагаются добропорядочными, не имеющими дурных помыслов» [10, с. 107].

Известно, что право, определяя границы поведения субъекта, оставляет широкий простор для внутренних проявлений личности. В свое время в отечественной литературе активно пропагандировалась мысль К. Маркса о том, что «помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом». Задолго до К. Маркса на это указывали и многие другие мыслители. В частности, И. Кант подчеркивал, что для права важна легальность, а не моральность поступка. «То законодательство, которое делает поступок долгом, а этот долг также мотивом, есть этическое законодательство; то законодательство, которое не включает это условие в закон и, стало быть, допускает и иной мотив, а не самое идею долга, есть юридическое законодательство» [11, с. 126]. Иными словами, право вовсе не требует (но и не запрещает), чтобы субъект со-

блюдал Конституцию непременно из уважения к ней как Основному Закону, чтобы он строго следовал предписаниям уголовного, гражданского и иного законодательства, исключительно и только во имя господства этого законодательства и пр. Мотивация поведения в правовой сфере может быть самой разнообразной. Соблюдая Конституцию, субъект в то же время может оценивать ее предписания как несправедливые, недемократичные, негуманные, выступать с критикой Основного закона, призывать к его пересмотру и пр. Как оценивать подобные умонастроения и действия с позиций позитивной юридической ответственности? И каков объективный критерий подобной оценки? Вопросы эти не столь безобидны, если учесть, что духовная жизнь современного общества весьма многопланова и неоднородна. Разнообразно и правосознание людей. Достаточно вспомнить о делящейся многие годы полемике по поводу Конституции России, в ходе которой выявились взаимоисключающие позиции: в то время как одни называют Конституцию антинародным актом, другие, напротив, считают ее едва ли не венцом правового развития России.

Ценность юридической ответственности, помимо прочего, состоит в том, что она устанавливается за вполне определенные деяния и тем самым ограждает человека от произвольных оценок его помыслов, чувств, намерений, а в конечном счете и самого поведения как позитивно ответственного или безответственного. Пока Раскольников всего лишь рассуждал о «позитивной ответственности» необыкновенных (великих) людей, которые, дескать, не только могут, но и «по совести» обязаны перешагивать через трупы людей обычных во имя осуществления своих идей и замыслов, юридическая ответственность его не касалась. Но как только он от дружеских бесед и журнальных статей перешел к делу и совершил убийство ростовщицы – он вступил в сферу юридической ответственности и наказания. Об этой гарантирующей функции права хорошо сказал В.С. Соловьев: «Ибо человек должен быть нравственным свободно, а для этого нужно, чтобы ему была предоставлена и некоторая свобода быть безнравственным. Право в известных пределах обеспечивает за ним эту свободу, нисколько, впрочем, не склоняя пользоваться ею» [9, с. 331].

Как и другие виды социальной ответственности, юридическая ответственность, конечно, немыслима вне живых человеческих индивидов. Это всегда ответственность кого-то перед кем-то на основании чего-то и за что-то. В юридической сфере все эти моменты, как известно, строго формализованы, что является гарантией от произвола и иных злоупотреблений.

Если субъект прекращает свое физическое существование (умирает), то, естественно, прерываются и все живые связи с этим лицом. Тем не менее, из этого обстоятельства было бы неправильно делать вывод, что «с исчезновением последнего исчезает и его юридическая ответственность» (А.С. Бондарев). В физическом смысле – да, исчезает. В юридическом же смысле ответственность субъекта в некоторых случаях продолжает «жить» и после его физической смерти. Подтверждением этого является институт правопреемства, суть которого в переходе прав и обязанностей от одного лица к другому. Этот институт действует в национальном и международном праве. С известными ограничениями он распространяется и на отношения ответственности. В частности, ст. 1175 ГК РФ закрепляет норму об ответственности наследников по долгам наследодателя.

Понятно, что подобная норма была бы невозможна, если бы юридическая ответственность являлась свойством самого субъекта права. Ясно и то, что слово «ответственность» в данном случае никак нельзя заменить термином «наказание» или его аналогом.

Однако все эти и им подобные затруднения отпадают сами собой, если принять во внимание социально-инсти-

туциональную природу права и «прямую объективность его задачи», в силу которой «право ставит объективное осуществление своих предписаний выше субъективного в нем участия лица, к которому эти предписания обращены» [12, с. 266].

Юридическая ответственность оказывается при таком взгляде не свойством субъекта права как такового, а свойством тех общественных отношений, которые урегулированы правом и участником которых он является (являлся). Вступая в те или иные правовые отношения, субъект принимает на себя и соответствующую ответственность за надлежащее осуществление своих прав и обязанностей. Потенциально (в виде возможных неблагоприятных последствий) юридическая ответственность сопровождает правоотношение на всем протяжении его существования, являясь его гарантирующим элементом. Реально же она вступает в действие в тех случаях, когда правовые требования нарушаются и тем самым причиняется вред правам и законным интересам других лиц. При этом с точки зрения закона (и управомоченного субъекта) зачастую вовсе не важно, кто «лично» исполнит то или иное обязательство, например, возместит причиненный ущерб. Важно, чтобы известное обязательство было исполнено и чтобы известное право получило законное удовлетворение.

Можно заметить, что и в сфере уголовно-правовой регуляции вопрос ответственности отнюдь не является личным делом преступника и меньше всего связан с его субъективным отношением к действующему уголовному закону, своим уголовно-правовым обязанностям и правам потерпевшего. Он не властен по своему желанию не только прекратить отношения уголовной ответственности (разумеется, при наличии необходимых законных оснований), но и в индивидуальном порядке возложить ее на себя.

Все это говорит о том, что концепция юридической ответственности как исключительно позитивного свойства субъектов права является односторонней. Она игнорирует объективные свойства права как надличностного (институционального) регулятора и ведет к необоснованной субъективизации отношений юридической ответственности. Между тем факты личной безответственности отдельных субъектов правовой жизни не только не исключают, но, напротив, закономерно предполагают существование и действие института юридической ответственности в качестве важнейшей гарантии обеспечения правопорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 16 сентября 2003 года № 131-ФЗ // Консультант Плюс: информационно-правовая система. URL: consultant.ru.
2. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 409 с.
3. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. 279 с.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. 429 с.
5. Липинский Д.А. Юридическая ответственность // Проблемы теории государства и права. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 511–531.
6. Бондарев А.С. Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 1. С. 133–144.
7. Бондарев А.С. Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2009. 202 с.
8. Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало-М, 2003. 154 с.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная фи-

- лософия. М.: Академический проект, 2010. 671 с.
10. Бабаев В.К. Правовая система общества // Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. С. 107–115.
11. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4 (2). М.: Мысль, 1965. 544 с.
12. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 2001. 537 с.

THE SENSE OF RESPONSIBILITY AND THE OBJECTIVITY OF THE LEGAL ORDER

© 2016

V. A. Rudkovsky, Doctor of Sciences (Law),
Professor of the Department of Theory and History of Law and State
Volgograd State University, Volgograd (Russia)

Keywords: law; legal responsibility; sense of responsibility; positive responsibility; negative responsibility; legal order.

Abstract: The concept of legal responsibility being an exclusively positive feature of the subjects of law is criticized in the article. The determination of legal responsibility by the objective attributes of law as an institutional regulator of public relations is revealed.

Ключевые слова: система права; структура права; юридическая ответственность; уголовное право; преступление.

Аннотация: Автором проводится исследование института уголовно-правовой ответственности как важного структурного элемента системы уголовного права. Даны определения института права, института уголовной ответственности и проанализированы общие понятия.

Уголовно-правовые институты как структурный компонент отрасли права являются во многом теоретическими конструкциями. Но все же необходимой предпосылкой научного осмысления институтов уголовного права выступает необходимость понимания уголовно-правовых норм как самостоятельных правовых норм в собственном смысле этого слова.

Развитие отечественного законодательства в X–XVIII вв. привело к появлению множества уголовно-правовых актов и отдельных норм, имевших зачастую бессистемный и разрозненный характер, что обуславливало сложность их применения. Соответственно, вместе с развитием уголовного законодательства начала зарождаться и систематизация отдельных норм в однородные главы и разделы. Уложение о наказаниях стало первым полноценным кодифицированным уголовно-правовым актом, в котором отчетливо прослеживается систематизация норм и выделение институтов уголовного права, но, несмотря на это, Российское законодательство вплоть до середины XX в. не знало периода, когда бы все уголовно-правовые институты были сосредоточены в едином нормативном правовом акте.

На необходимость выделения самостоятельных уголовно-правовых институтов указано даже в трудах Н.С. Таганцева, который призывал формировать базовые положения, которые являлись бы принципиальными для формирования научных представлений о строении и систематизации уголовно-правовых институтов. Так, Н.С. Таганцев ведет свои рассуждения об уголовном праве исходя из того, что его предметом выступают «преступление и наказание как юридические институты» [1]. Он же, рассматривая соотношение нормы уголовного права и статьи уголовного закона, пишет, что объединение норм в рамках одной статьи закона должно быть не механическим, а органическим или внутренним. Подчеркивая значимость систематического толкования уголовного закона, ученый признает важность систематизации уголовного законодательства, разделения его на отделы, главы на основании однородности содержащихся в них предписаний [2], что возможно причислить к началу зарождения самого института уголовного права.

Научно обоснованное структурирование правового материала является необходимым условием для обеспечения эффективного регулирования уголовно-правовых отношений, поэтому определение структуры уголовного права очень важно для обеспечения системности уголовного-правового регулирования.

Для научного определения института уголовного права необходимо обратиться к общей теории права, согласно которой институтом права является обособленная группа юридических норм, регулирующая однородные общественные отношения и входящая в определенную отрасль права. Определение признаков правового института поможет нам выявить его отличительные черты для грамотного толкования понятия института уголовного права, что в дальнейшем поможет определить систему и структурные элементы институтов уголовного права.

При исследовании любого правового института, в том числе уголовного-правового, прежде всего, стоит обратить внимание на признак его нормативности. Общедоказана

невозможность причисления к институту уголовного права ненормативных элементов уголовно-правовой системы и соответствующих юридических конструкций, поскольку это приведет к смешению уголовного права в смысле отрасли права, науки, учебной дисциплины и правоприменительной практики [3].

Правовой институт всегда представляет собой определенное множество правовых норм. Единичная норма никоим образом не может составить сама собой правовой институт, поскольку ею невозможно обеспечить регулирование совокупности однородных общественных отношений и обеспечить всесторонний подход. Кроме того, как верно подмечено А.С. Пиголкиным: «Для правового института специфичны определенные общие положения, принципы, специфические юридические понятия, определяющие особый режим регулирования» [4].

Следующим признаком правового института выступает отраслевая характеристика его норм. По данному вопросу С.С. Алексеев прямо называет юридическую однородность норм, составляющих институт, одним из его признаков, указывая, что институт представляет собой «комплекс норм внутри отрасли» [5]. Аналогичные суждения высказывают А.С. Пиголкин [4, с. 465] и В.Н. Хропанюк [6].

Стоит также оговориться и о межотраслевых институтах. В.И. Гойман отметил, что, с одной стороны, правовой институт стоит «обособленным блоком отрасли», но с другой – правовой институт выступает основным элементом системы права в целом, что позволяет судить о существовании не только отраслевых, но и межотраслевых институтов [7]. Конечно же, наличие межотраслевых институтов права несколько не умаляет значения правовых институтов, а даже наоборот – подчеркивает их значимость для системы отрасли права и их прочные взаимосвязи между собой.

Следующим признаком правового института является признание конкретной совокупности норм, которые могли бы быть причислены к правовому институту. Так, О.С. Иоффе отмечает, что в определении института решающую роль играет метод правового регулирования [8], поэтому под институтом права следует понимать группу норм, объединяемых специфическим способом применения общеправового метода к регулируемому ими виду общественных отношений. Данный подход отражает имеющееся в науке представление о методе правового регулирования как критерии подразделения права на отрасли.

Также стоит обратить внимание на тот факт, что каждый из совокупности уголовно-правовых институтов, выступая единолично, не в состоянии обеспечить регулирование всего массива уголовно-правовых отношений, поэтому для каждого института определен специфичный круг общественных отношений, в рамках которых правовой институт может осуществлять их комплексное регулирование. С данной точкой зрения согласны многие ученые [9–11]. С другой стороны, всегда, как это бывает, существует и альтернативная точка зрения, согласно которой правовой институт направлен на управление: а) определенного участка общественных отношений конкретного вида или рода (отдельной их

разновидности, общей стороны отношений ряда видов, их элементов и т. д.) [5, с. 119]; б) небольшой группы видовых родственных отношений [12] или одного специфического отношения [4, с. 466]; в) отдельные стороны общественных отношений [13]. Иногда указывается, что институт предназначен для регулирования не только самостоятельной, относительно обособленной группы отношений, но и отдельных поступков, действий людей [7, с. 200]. В целом и альтернативный, и традиционный подходы к определению института права говорят об одном и том же, но разными определениями. Поэтому можно утверждать, что предмет, который служит основой для образования института уголовного права, представляет собой классифицированную общность уголовно-правовых отношений, выделяемых в зависимости от специфики порождающих их юридических фактов.

При определении критериев, согласно которым выделяются уголовно-правовые институты, необходимо упомянуть функциональные институты, которые выделяются исходя не из особенностей предмета, а из содержания отдельной операции в уголовно-правовом регулировании, касающейся всех (или определенной части) отношений, составляющих предмет отрасли. Так, Э.С. Тенчов [14], Т. А. Лесниевски-Костарева [15], Б.В. Яцеленко [16] в связи с этим называют в своих работах два критерия формирования института – предмет (для предметных институтов) и функцию (для функциональных). Мы все же придерживаемся мнения, что объективная необходимость в удвоении критериев при выделении правовых институтов отсутствует. Об этом было сказано еще С.С. Алексеевым, который отметил, что «функциональные институты могут получить такого рода характеристику лишь по отношению ко всем другим предметным институтам. Если же рассматривать функциональные институты изолированно, то у каждого из них, разумеется, есть свой участок общественных отношений, а нередко ему соответствует и особая разновидность отношений» [5, с. 143]. Кроме того, мы считаем, что сопоставление предмета регулирования правового института с определенным юридическим фактом позволит легче определить функциональные институты в отрасли.

Итак, нами было рассмотрено структурное наполнение правового института, которое было выражено его характерными признаками, которые выделяют наличие связанной единими принципами группы норм, их отраслевая чистота и единый предмет регулирования. Данное наполнение необходимо будет заключить в их внешнее проявление, которое будет выражаться в обособленном закреплении соответствующих правовых норм в системе уголовного законодательства. А.С. Пиголкин прямо указывает, что нормы, образующие правовой институт, «обычно помещаются в особый раздел, главу или иное подразделение нормативного акта... либо формулируются в самостоятельном акте» [4, с. 466].

Таким образом, нами были проанализированы базовые признаки, необходимые для выделения уголовно-правового института, к которым отнесены: нормативное содержание, множественность норм, отраслевая принадлежность норм, наличие предмета правового регулирования в рамках отрасли права, наличие взаимосвязи норм в регулировании правоотношений, а также внешнее оформление норм в структуре актов, составляющих источники уголовного права. Данные признаки достаточны для формирования определения института уголовного права. Но, прежде чем мы выведем собственное определение, проанализируем несколько мнений ученых. Э.С. Тенчов понимает под уголовно-правовым институтом объективно складывающуюся внутри отрасли совокупность юридических норм, регламентирующих ответственность за посягательства против группы однородных общественных отношений (институты Особенной части), либо определяющих принципы,

функциональное назначение, основания или отдельные стороны возложения на граждан позитивной или ретроспективной ответственности (институты Общей части) [14, с. 61]. Т.В. Кленова определяет институт уголовного права как «сложное образование, объединяющее выраженные в УК РФ уголовно-правовые нормы и (или) предписания определенного вида, воздействующие на относительно самостоятельную часть общественных отношений, отнесенных к предмету уголовно-правового регулирования, которые нацелены на решение определенной отраслевой задачи» [17]. Ю.Е. Пудовочкин пишет, что «...институт уголовного права складывается из упорядоченной совокупности уголовно-правовых норм, рассредоточенных в положениях Общей и Особенной частей УК РФ и иных источниках уголовного права, которые способны регулировать определенную разновидность, определенный участок уголовно-правовых отношений либо выполнять определенную функцию в уголовно-правовом регулировании» [18]. Б.В. Яцеленко под уголовно-правовым институтом понимает «определенные совокупности уголовно-правовых норм, которые обеспечивают регулирование достаточно близких групп общественных отношений или осуществление особой функции» [16, с. 51].

Институт уголовного права – это внешне оформленный структурный элемент отрасли уголовного права, представляющий собой систему уголовно-правовых норм, которые соответствуют принципам и задачам отрасли, цель которого заключается в регулировании уголовно-правовых отношений, отличающихся собственным предметом и юридическим фактом.

Разобравшись с определением института уголовного права, можно перейти к рассмотрению вопроса о структуре уголовно-правового института, который также не получил в науке должного анализа. Вместе с тем очевидно, что от его адекватного решения во многом зависит и содержательное наполнение уголовного права, и техника его законодательного оформления, и, в конечном итоге, качество правоприменительной деятельности.

В основе подхода к определению структуры отраслевых институтов также заложены представления, выработанные общей теорией права. Так, под системой как таковой следует понимать «множество связанных между собой компонентов определенной природы, упорядоченных по отношениям, характеризующихся единством, выраженным в интегральных свойствах и функциях множества» [19]. Система юридической ответственности – это взаимозависимая, взаимодействующая совокупность субинститутов юридической ответственности и отдельных их норм, соблюдение которых обеспечивает правопорядок, а применение их при совершении правонарушения восстанавливает его, а также карает правонарушителя и предупреждает совершение им новых правонарушений. Институт юридической ответственности характеризуется сложной структурой, которая предстает как определенная система, элементами которой выступают субинституты и нормы юридической ответственности [20].

Структура института юридической ответственности представляет собой взаимосвязанную систему входящих в нее элементов. Некоторые специалисты описывают структуру правового института путем выявления видовой принадлежности образующих его норм или предписаний. Так, В.И. Гойман говорит о том, что «правовой институт должны составлять дефинитивные, управомочивающие, запрещающие и другие нормы, оставляя их перечень открытым» [7, с. 200], а С.С. Алексеев отмечает, что по своему строению общие, регулятивные и охранительные институты не могут быть тождественны друг другу [5, с. 143].

Сделаем собственный вывод о том, что структуру уголовно-правового института составляют положения, которые формируют содержательную сторону правового института и его сущность, отражают его норматив-

ный характер, выражают его принудительный характер и принудительный механизм реализации, выраженный в нормативных предписаниях. Каждый институт уголовного права является структурным элементом системы уголовного права и имеет те же формы выражения, что и право в целом. Следует отметить, что каждой структурной единице уголовно-правового института (нормативным предписаниям и правоотношениям) соответствует своя форма выражения. Формой выражения правоотношений служит реальная практика применения того или иного уголовно-правового института. Формой выражения нормативных предписаний, составляющих институт уголовного права, является иерархически структурированная система источников уголовного права.

Важным направлением, а в известном смысле и предпосылкой исследования системы институтов современного российского уголовного права является их классификация. Как отмечает С.С. Алексеев, «классификация тех или иных предметов, явлений имеет значимость не только первичной обработки, упорядочения соответствующего материала. Помимо систематизационных задач, классификация выполняет и другие сложные функции: она позволяет вовлечь в поле зрения исследователя весь объем классифицируемого материала, охватить большой объем изучаемых объектов и, следовательно, избежать односторонности их научной интерпретации. Главное – классификация дает возможность при определении ее критериев выявить новые черты, качественные особенности данных предметов и явлений» [5, с. 146].

Наиболее значимая проблема существующего учения об уголовно-правовых институтах состоит в том, что отечественные специалисты, во-первых, стремятся строить систему институтов без их предварительной классификации, а во-вторых, строят систему институтов уголовного права, основываясь исключительно на существующей структуре уголовного закона. К примеру, С.С. Пирвагидов, не уделяя внимания теме классификации, довольно подробно описывает систему уголовно-правовых институтов, в которой каждому институту соответствует та или иная глава Уголовного кодекса России [21]. Аналогичным образом Н.А. Лопашенко указывает, что институты Общей и Особенной частей уголовного права выделяются по главам УК РФ [22].

Для понимания структуры самого уголовного права и характера его связей с иными правовыми отраслями крайне важна классификация уголовно-правовых институтов на основе отраслевой принадлежности образующих их предписаний. Исходя из этого критерия, можно выделить отраслевые (однородные и комплексные), смешанные и межотраслевые правовые институты.

Наиболее общим критерием классификации правовых институтов признается содержание той функции, которую они выполняют. В соответствии с ним выделяют регулятивные и правоохранительные институты. Институты уголовного права могут быть классифицированы и по иным основаниям: в зависимости от того, отражают ли они процесс специализации или интеграции нормативного материала, – на дифференцированные и интегральные; в зависимости от особенностей внутренней структуры – на простые и сложные; в зависимости от отраслевой принадлежности образующих институт предписаний и их внутренней конфигурации – на отраслевые (однородные и комплексные), смешанные и межотраслевые.

Следующая классификация, которая активно используется в теории права для познания правовых институтов, предполагает их деление на предметные и функциональные. По общему правилу предметный институт – это группа норм, обособившаяся в соответствии с общностью предмета правового регулирования, а функциональный институт – это группа норм, призванная дать «сквозное» регулирование отдельной операции в правовом регулировании. Справедлива точка зрения

С.С. Алексеева, согласно которой «реальные разновидности правовых институтов могут быть с достаточной точностью установлены лишь тогда, когда при их рассмотрении поочередно вводятся классификационные основания с учетом действия разных системообразующих факторов» [5, с. 146].

С учетом уже устоявшейся системы кодифицированного законодательства уголовного права представляется логичным выделить в качестве первичного элемента структуры института уголовного права общую и особенную часть. Общая часть российского уголовного права представляет собой основанную на уголовно-правовых принципах систему норм и предписаний, которые определяют содержание категорий и основных понятий отрасли, закрепляют основание, меры выражения и пределы уголовной ответственности. Нормативным воплощением этого структурного компонента отрасли служит, в первую очередь, Общая часть Уголовного кодекса РФ. Особенная часть уголовного права представляет собой основанную на уголовно-правовых принципах систему норм и предписаний, определяющих круг и признаки деяний, признаваемых преступлениями, а также виды и пределы наказаний, которые могут быть назначены в случае их совершения. Нормативным воплощением этой структурной единицы уголовного права является, прежде всего, Особенная часть УК РФ.

Общая часть уголовного кодекса направлена на рассмотрение базовых понятий и категорий, среди которых центральное место занимает категория преступления в уголовном праве России. К институтам общей части уголовного кодекса можно отнести институт понятия и категорий преступления, охватывающий субинститут обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния; институт лиц, подлежащих уголовной ответственности; институт вины, содержащий субинститут обстоятельств, исключающих виновность; институт неоконченного преступления; институт множественности преступлений; институт соучастия в преступлении.

Итак, установив перечень охраняемых уголовным правом родовых объектов посягательства, можно представить и систему институтов Особенной части уголовного права. Об этом еще в 1940-х гг. писал М.Д. Шаргородский: «Для построения системы уголовного кодекса нам нужно исходить из определенных принципиальных положений, из наших взглядов на те общественные отношения и интересы, которые нарушаются теми или другими преступлениями, и только после анализа этих отношений и интересов мы можем прийти к выводу относительно того, как должна быть построена в данное время система кодекса в целом или система того или иного раздела кодекса» [23].

Особенная часть уголовного кодекса направлена на применение конкретных мер ответственности за совершенное преступление. Поэтому для особенной части уголовного кодекса центральное место будет занято категорией уголовной ответственности. К институтам, призванным раскрыть содержание особенной части уголовного кодекса, можно причислить: институт понятия и целей уголовной ответственности; институт освобождения от уголовной ответственности; институт понятия и видов наказания; институт назначения наказания; институт освобождения от отбывания наказания; институт конфискации имущества и правил ее назначения; институт принудительных мер медицинского характера и правил их назначения; институт судимости.

Учитывая, что систему институтов особенной части уголовного права будут составлять институты юридической ответственности в конкретных общественных отношениях (например, институт ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, институт ответственности за преступления против общественной безопасности, институт ответственности за преступления против жизни, институт

ответственности за преступления против здоровья и пр.), можно утверждать, что институты Особенной части уголовного права можно представить как совокупность предписаний об ответственности за преступления, имеющие единый родовый объект и сгруппированные в рамках одной главы уголовного закона. Об этом же упоминал Н.И. Коржанский в рассуждениях о перспективах развития уголовного права: «Систему Особенной части уголовного законодательства необходимо привести в соответствие с классификацией объектов преступления, построив ее главы строго по признаку родового объекта» [24].

Общим родовым объектом всех институтов, заключенных в особенной части уголовного кодекса, выступает категория уголовной юридической ответственности. Уголовная ответственность, как известно, выступает видом юридической ответственности, которая, в свою очередь, выступает сложным межотраслевым, функциональным, регулятивно-охранительным институтом права в целом, закрепляющим и (или) оказывающим динамическое воздействие на наиболее важные общественные отношения, а в случае их нарушения – регулирующим отношения ответственности, возникающие из юридического факта правонарушения.

Итак, институт уголовно-правовой ответственности – это отраслевой институт юридической ответственности, который обеспечивает функционирование института уголовного права в рамках отрасли уголовного права и выступает структурным элементом системы института уголовного права.

Сам же институт уголовно-правовой ответственности можно определить как функциональный, регулятивно-охранительный институт права, закрепляющий и (или) оказывающий динамическое воздействие на наиболее важные общественные отношения, регламентируемые уголовным законодательством, а в случае их нарушения – регулирующей отношения ответственности, возникающие из юридического факта преступления.

Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-33-00017 «Комплексный, межотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Т. 1. Часть Общая. СПб.: Государственная типография, 1902. 823 с.
2. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1896. 378 с.
3. Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая - 1 июня 2007 г. М.: Велби, 2007. С. 186–187.
4. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М.: Юрайт, 2011. 384 с.
5. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 263 с.
6. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2011. 323 с.
7. Теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М.: Право и закон, 2001. 551 с.
8. Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (по материалам гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. 1968. Вып. 14. С. 54–59.
9. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Пресс, 2003. 196 с.
10. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара: Сам. ун-т, 2001. 240 с.
11. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф.Р. Сундурова. М.: Статут, 2012. 943 с.
12. Общая теория государства и права: академический курс / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: НОРМА, 2007. 698 с.
13. Малько А.В., Липинский Д.А., Березовский Д.В., Мусаткина А.А. Теория государства и права. М.: Компания КноРус, 2009. 400 с.
14. Тенчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 60–61.
15. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: НОРМА, 1998. 287 с.
16. Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М.: МЮИ, 1996. 226 с.
17. Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. М.: Проспект, 2007. С. 187.
18. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2012. 237 с.
19. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 472 с.
20. Липинский Д.А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 6. С. 62–67.
21. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран – участниц Содружества Независимых Государств. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 297 с.
22. Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. М.: Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
23. Шаргородский М.Д. Курс уголовного права. Т. 3. Уголовный закон. М.: Юрид. изд-во, 1948. 312 с.
24. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 248 с.

INSTITUTE OF CRIMINAL LAW

© 2016

*Yu.M. Savelyev, senior lecturer of Chair “Theory of state and law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Keywords: system of law; structure of a right; legal liability; criminal law; crime.

Abstract: The author conducted research institute criminal liability as an important structural element of the system of criminal law institutions. The possibilities of classification of criminal law system. Also, given the definition of the Institute of Law, the criminal liability of the Institute and analyzed the general concepts.

Ключевые слова: правонарушение; институт права; финансовое право; финансовая ответственность; юридическая ответственность; санкции.

Аннотация: В статье анализируется институт финансово-правовой ответственности, обосновывается его место в системе финансового права и в системе межотраслевого института юридической ответственности. Дается определение института финансово-правовой ответственности. Раскрываются отличительные черты от иных институтов юридической ответственности.

Государственные органы при осуществлении финансовой деятельности в ряде случаев вынуждены прибегать к принуждению, которое возможно в случае пресечения финансовых правонарушений, предупреждения правонарушений. Большинство мер, применяемых при этом государственными органами, являются мерами ответственности. Не вызывает сомнения возможность применения в финансовой сфере санкций дисциплинарного, административного и уголовного характера. Однако в основном полномочия государственных органов, осуществляющих финансовую деятельность, в сфере принуждения носят выраженный финансово-правовой характер. Данный факт предопределяет необходимость обращения к понятию финансово-правовой ответственности.

Поскольку финансовое право выступает как самостоятельная отрасль российского права [1; 2], в его структуре мер государственного воздействия обязательно будут в наличии меры ответственности. Таким образом, финансовое право обязательно должно иметь охранительный институт финансово-правовой ответственности, который имеет свойственные только ему меры ответственности и государственного принуждения. Наглядное проявление финансово-правовой ответственности возможно проследить в нормах бюджетного и налогового законодательства.

Понятие финансовой ответственности – одна из базовых финансово-правовых категорий, чья конструкция в большей степени определяет место и роль правового регулирования финансовых отношений в системе российского права.

Возникновение финансово-правовой ответственности обусловлено протекающими в стране рыночными преобразованиями, происходящими одновременно с переосмыслением места и роли, функций государства в обществе и экономике, изменением форм и методов государственного управления, созданием новых структур и институтов, поиском оптимального баланса механизмов рыночной самоорганизации и государственного регулирования рынка.

Отметим, что правом применять финансово-правовые санкции наделены: налоговые органы; органы государственных внебюджетных фондов; таможенные органы; Федеральное казначейство; органы, исполняющие бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты; Центральный банк РФ. Причем в КоАП РФ [3] в перечне органов, наделенных правом рассматривать дела об административных правонарушениях, отсутствуют: Центральный банк РФ, органы государственных внебюджетных фондов и Федеральное казначейство, что еще раз подчеркивает финансово-правовую природу санкций за совершенные финансовые правонарушения.

С переходом к рыночной экономике и, вместе с тем, в связи с развитием финансового и, в частности, налогового законодательства стала четко выделяться финансово-правовая ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности. Тем не менее, вопрос о выделении финансовой ответственности как

самостоятельного вида юридической ответственности решается в юридической литературе неоднозначно. Так, О.О. Томилин считает, что административная ответственность в финансовой сфере представляет сложное многоаспектное явление и может быть определена как система урегулированных нормами административного права отношений, направленных на исполнение субъектами обязанностей, возложенных на них в области формирования и использования фондов денежных средств, а финансовой ответственности в российском праве нет. За соответствующие нарушения налогоплательщики привлекаются к административной ответственности [4]. Автором представляется, что для обозначения ее разновидности можно называть ее административно-налоговая (административно-таможенная, административно-экономическая и т. д.). Что же касается пени, принудительного взыскания недоимок и штрафов, то эти три финансовые санкции можно отнести к мерам административного принуждения в области финансовых отношений. Г.А. Кузьмичева и Л.А. Калинина разделяют данное суждение и считают, что принятие того или иного отраслевого закона, в том числе и кодифицированного, само по себе не влечет возникновения нового вида ответственности, а случаи использования дефиниций «финансовая ответственность», «налоговая ответственность», «таможенная ответственность» в отраслевом законодательстве только способствуют размыванию административной ответственности как правового института. Если рассматривать финансовую и налоговую ответственность как разновидности административной, то очевидно, что принятие того или иного отраслевого закона, в том числе и кодифицированного, которым регулируется указанная сфера общественных отношений, не влечет возникновения нового подвида юридической ответственности. В противном случае следует признать предпринимательскую, земельную, бюджетную, экологическую, аграрную, таможенную ответственность [5].

Вместе с тем, государственные органы при осуществлении финансовой деятельности в ряде случаев вынуждены прибегать к принуждению, которое возможно в случае пресечения финансовых правонарушений, предупреждения правонарушений. Большинство мер, применяемых при этом государственными органами, являются мерами ответственности. Не вызывает сомнения возможность применения в финансовой сфере санкций дисциплинарного, административного и уголовного характера. Однако в основном полномочия государственных органов, осуществляющих финансовую деятельность в сфере принуждения, носят выраженный финансово-правовой характер. Данный факт предопределяет необходимость обращения к понятию финансово-правовой ответственности.

Возникновение финансово-правовой ответственности обусловлено протекающими в стране рыночными преобразованиями, происходящими одновременно с переосмыслением места и роли, функций государства в обществе и экономике, изменением форм и методов в государстве иного управления, созданием новых струк-

тур и институтов, поиском оптимального баланса механизмов рыночной самоорганизации и государственного регулирования рынка.

Исследователи данной проблематики пришли к довольно единообразному пониманию финансово-правовой ответственности. Так, С.Е. Батыров считает, что финансово-правовая ответственность – это «правоотношение, возникающее из нарушения установленных законодательством финансовых обязательств, выражающееся в применении к правонарушителю мер финансово-правового характера, влекущих наступление невыгодных имущественных последствий по причине отрицательной оценки государством его противоправного виновного деяния, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения» [6]. Н.А. Саттарова определяет финансово-правовую ответственность как «применение к нарушителю финансово-правовых норм, мер государственного принуждения уполномоченными на то государственными органами, возлагающими на правонарушителя дополнительные обременения имущественного характера» [7].

Данные определения позволяют в достаточной степени охарактеризовать сущность данного вида юридической ответственности с точки зрения его самостоятельности.

Кроме того, о самостоятельности финансово-правовой ответственности свидетельствует и тот факт, что ряд авторов признают существование налоговой, бюджетной, валютной ответственности в ее составе [8; 9]. Так, в ст. 306.2 БК РФ [10] указывается, что бюджетные меры принуждения за совершение бюджетного нарушения применяются финансовыми органами и органами Федерального казначейства (их должностными лицами) на основании уведомления о применении бюджетных мер принуждения органа государственного (муниципального) финансового контроля.

Самостоятельность финансовой ответственности подчеркивают специфические особенности финансового правонарушения. Понятие «финансовое правонарушение» носит собирательный характер, оно объединяет бюджетные, налоговые, валютные и банковские правонарушения [8, с. 749]. Так, анализ правонарушений, предусмотренных в Налоговом кодексе, показывает, что они посягают на отношения, обеспечивающие установленный порядок представления налоговой декларации и порядок уплаты налогов и сборов; отношения, обеспечивающие нормальное функционирование налоговых органов и взыскание налоговых санкций; публичные отношения, возникающие между банками и налоговыми органами.

Финансовые правонарушения, посягающие на публичные банковские отношения, предусмотрены ФЗ от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [11], ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [12] и др. Из этого следует, что предусмотренные данными нормативно-правовыми актами правонарушения посягают на отношения, обеспечивающие соблюдение банковских нормативов, правил ведения документации и предоставления различных сведений.

Таким образом, в отличие от административной ответственности, которая предусмотрена на федеральном уровне исключительно Кодексом об административных правонарушениях, финансовая ответственность закреплена в Налоговом кодексе РФ, Бюджетном кодексе РФ, ФЗ от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [13], ФЗ от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», различных указах Президента РФ и инструкциях Центрального Банка РФ.

К нарушителям финансового законодательства могут быть применены следующие меры: предупреждение о

ненадлежащем исполнении бюджетного процесса, блокировка расходов, изъятие бюджетных средств, приостановление операций по счетам в кредитных организациях, наложение штрафа, начисление пени и пр.

Таким образом, выделение финансовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности является объективным, обоснованным и отвечает реалиям современной действительности.

Кроме того, финансово-правовая ответственность включает в себе все признаки, необходимые для характеристики ее как правовой. В системе мер государственного принуждения финансово-правовая ответственность выступает действенным механизмом финансово-правового регулирования, наряду с предупреждением, пресечением и восстановлением нарушенных прав в сфере финансов.

На основании финансового законодательства можно сделать вывод, что к видами финансово-правовой ответственности можно причислить финансовые санкции за правонарушения в сфере бюджетных, валютных, налоговых и банковских правоотношений.

Таким образом, финансово-правовая ответственность – это юридическая обязанность соблюдения и исполнения требований, предусмотренных финансовым законодательством, а в случае совершения правонарушения – обязанность претерпевать меры государственного принуждения в виде финансовых санкций, имеющих карательный характер за совершенное правонарушение в сфере финансовых правоотношений.

Кроме того, существует достаточно оснований, чтобы охарактеризовать финансовую ответственность как правовую: она имеет формальную определенность, выражаемую через правовые нормы; гарантированность государством; реализацию в нескольких аспектах – равно как это присуще и юридической ответственности; обеспеченность государственными мерами воздействия; обязанностью претерпевать определенные неблагоприятные последствия; наличие определенной процессуальной формы.

Кроме того, развитие финансово-правовой ответственности происходит и в ее институциональном разрезе, что подтверждается выделением самостоятельного законодательства в сфере налоговых, бюджетных, банковских и валютных правоотношений.

Термин «институт» в печатных изданиях зачастую употребляется в неопределенно широком смысле: можно говорить о социальных, политических, общественных институтах и т. п. С точки зрения же юриспруденции берется определенное значение – конкретное нормативное установление государства, закона – правовой институт. Если отрасль права регулирует род общественных отношений, то институт – лишь их вид. Институт – гораздо меньшая, по сравнению с отраслью, совокупность юридических норм. В каждой отрасли права можно выделить множество институтов. А.П. Чирков отмечает, что юридическая ответственность относится к числу функциональных межотраслевых комплексных институтов, осуществляющих «сквозную» регламентацию важнейших отношений, связанных с привлечением правонарушителей к юридической ответственности [14]. Именно поэтому данный институт способен обслуживать различные отрасли права. Д.А. Липинский подтверждает, что юридическая ответственность как правовой институт характеризуется сложной межотраслевой совокупностью норм, закрепляющих юридическую ответственность, соблюдение которых обеспечивает правопорядок, а применение их при совершении правонарушения восстанавливает правопорядок и карает правонарушителя [15].

Юридическая ответственность - институт материального права, ее принципами являются справедливость, законность, неотвратимость, индивидуализация, гуманизм и виновность деяния. Не являются принципами юридической ответственности: состязательность процесса

и право на защиту лица, привлеченного к ответственности, регламентированность осуществления, официальность, публичность. Это не принципы юридической ответственности, а принципы юридического процесса, а официальность есть общее свойство права [15].

Нормы, предусматривающие юридическую ответственность, содержатся в действующих нормативно-правовых актах, и в совокупности образуют межотраслевой функциональный охранительно-регулятивный институт юридической ответственности [16].

Проанализируем состав правоотношений финансовой ответственности, который также представляет собой сложное социально-правовое явление. Особенность данных правоотношений будет заключаться в том, что одним из ее участников будет всегда выступать соответствующий компетентный государственный орган, а другим – правонарушитель, т. е. физическое или юридическое лицо. Отношения финансовой ответственности будут иметь материальный характер, а субъектом будет являться государство, чья обязанность заключается в охране финансовых отношений.

Применение мер финансовой ответственности является одновременно правом и обязанностью государства, потому как даже в случаях, когда правонарушитель добровольно прекращает совершение финансового правонарушения, государство не утрачивает права на применение соответствующих мер финансовой ответственности. К примеру, добровольная постановка на учет в налоговом органе после установленного срока не предотвращает ответственности, предусмотренной статьей 117 НК РФ [17], и не освобождает налогоплательщика от мер финансово-правовой ответственности – обязанности уплатить штраф. Данный пример также раскрывает содержание финансовых правоотношений с точки зрения их юридического и фактического содержания. Юридическое содержание выражается в праве государства воздействовать на правонарушителя финансово-правовыми санкциями, а фактический состав выражается в действии налогоплательщика, направленном на неотвратимость реализации возложенных на него финансово-правовых обязанностей.

Объектом в финансово-правовых отношениях будет выступать правовой статус нарушителя финансового законодательства, поскольку наложение дополнительных лишений и ограничений имущественного характера приводит к изменению в финансово-правовом статусе правонарушителя.

В механизме финансово-правового регулирования финансовая ответственность является развитием материального финансового правоотношения, которое реализуется через конкретные процессуальные формы. Финансовая ответственность выражается в виде наложения государством запретов на совершение иными субъектами действий, не соответствующих финансово-правовой политике. Воспрещая нарушать финансовое законодательство, государство обязывает субъектов финансового права воздерживаться от свершения действий либо бездействий, которые могут повлечь нарушения финансового законодательства, а своими поступками реализовывать возложенные обязанности.

Финансовая ответственность выражает содержание правоохранительных отношений через правовой статус правонарушителя, но в то же время финансовая ответственность не ограничивается только лишь рамками охранительных правоотношений. Самостоятельность финансово-правовой ответственности выражается также и через особый процессуальный порядок ее применения. Это позволяет раскрыть содержание финансового правоотношения как динамичную самостоятельную систему. Наиболее полно и последовательно процессуальная форма привлечения к ответственности урегулирована нормами налогового законодательства, где определена последовательность действий компетентных финансо-

во-контрольных органов по применению санкции охранительной нормы к правонарушителю.

Процессуальная форма финансовой ответственности как охранительного правоотношения раскрывается через три стадии: возникновение финансовой ответственности; конкретизация финансовой ответственности посредством доказывания наличия элементов состава финансового правонарушения; реализация финансовой ответственности.

Для финансовой ответственности обязательным является порядок досудебного разрешения финансовых споров, когда финансовый орган выносит предписание правонарушителю о добровольном устранении выявленных правонарушений. Данное положение предусмотрено законодательно, а именно нормами налогового кодекса. Только лишь в случае, когда после предложения о добровольном устранении финансового правонарушения от нарушителя не последует встречного добровольного подчинения и устранения выявленного правонарушения, представитель финансового органа обращается в суд с иском о принудительном взыскании финансовой санкции.

Кроме того, финансовые правоотношения могут иметь два вида процессуальных правоотношений – собственно финансовые, а также гражданские (арбитражные). Следовательно, элементы механизма финансовой ответственности, которые входят в предмет финансового права, входят в сферы регулирования и иных отраслей российского права. Отношения, возникающие в процессе судебного рассмотрения иска представителя финансового органа о взыскании с правонарушителя финансовой санкции, образуют предметы гражданско-процессуального или арбитражно-процессуального права. Следовательно, финансово-правовая ответственность выступает правоотношением, имеющим особую процессуальную форму реализации. Движение охранительного финансового правоотношения раскрывается через систему последовательных действий компетентных государственных органов и группируется на отдельные, но взаимосвязанные стадии.

Охранительные финансовые правоотношения начинаются по факту правонарушения в сфере финансовых правоотношений и имеют формальное, фактическое и процессуальное основания.

Формальное (нормативное) основание заключается в наличии системы норм финансового законодательства, которыми устанавливаются различные составы финансовых правонарушений, права и обязанности участников финансовых правоотношений, принципы и порядок привлечения к ответственности.

Фактическое основание означает совершение субъектом финансового права противоправного деяния, которое привело к нарушению норм финансового законодательства.

Процессуальное основание заключается в вынесении компетентным органом решения о наложении санкций за совершенное финансовое правонарушение.

Таким образом, наступление финансовой ответственности становится возможным при наличии всей совокупности вышеперечисленных оснований. Посредством данных оснований финансовая ответственность решает задачи, которые прописаны в статьях конкретных нормативных актов. К примеру, в статье 3 НК РФ сказано, что посредством нормативных порядков, установленных налоговым кодексом, достигаются цели налоговой ответственности.

Из вышеперечисленного следует, что главное назначение финансовой ответственности заключается в обеспечении нормального действия механизма финансово-правового регулирования. На основе этого определения выделяются материальные признаки финансовой ответственности, характеризующие финансовую ответственность в качестве охранительного финансового право-

отношения. Финансовая ответственность соответствует общеправовым принципам юридической ответственности и принципам финансового права. Основанием применения финансовой ответственности является виновное совершение финансового правонарушения. Финансовая ответственность может быть исполнена правонарушителем в добровольном порядке, поэтому она не всегда связана с порицанием. Привлечение к финансовой ответственности не исключает возможности применения иных мер государственного принуждения за нарушения финансового законодательства.

Таким образом, финансовая ответственность представляет собой обязанность лица, виновного в совершении финансового правонарушения, претерпевать меры государственно-властного принуждения, предусмотренные санкциями финансового законодательства, состоящие в возложении дополнительных юридических обязанностей имущественного характера и применяемые компетентными органами в установленном процессуальном порядке.

Финансовая ответственность, как и другие виды юридической ответственности, достигает цели своего предназначения в том случае, если государство в лице финансово-контрольных органов познает всеми законными способами объективный факт совершения финансового правонарушения и признает или не признает его таковым.

Цели финансовой ответственности реализуются в функциях, которые отражают предназначение этого охранительного института, тесно связаны с применением финансово-правовых санкций и имеют социальные последствия. Следовательно, в механизме правового регулирования финансовых отношений финансово-правовая ответственность выполняет юридическую и социальную функции.

Таким образом, можно сделать вывод, что финансовая ответственность функционирует в рамках финансово-правового института, который регулирует общественные отношения в финансовой сфере через запрещение и принуждение, а также через поощрение при правомерном поведении ее субъектов.

Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-33-00017 «Комплексный, межотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесников Ю. Место финансового права в системе российского права // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. 2005. № 90. С. 5–18.
2. Смирникова Ю.Л. Регулятивная функция финансового права: системный подход и реализация : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 386 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ, ред. от 05.04.2016 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
4. Томилин О.О. Административная ответственность юридических лиц за правонарушения юридических лиц, за правонарушения в финансовой сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 22 с.
5. Кузьмичева Г.А., Калинина Л.А. Административная ответственность. М.: Юриспруденция, 2000. 464 с.
6. Багыров С.Е. Финансово-правовая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 21 с.
7. Сагтарова Н.А. Финансово-правовая ответственность. Казань: Познание, 2009. 135 с.
8. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 948 с.
9. Козырев А.А. Некоторые вопросы ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах // Государство и право. 2004. № 4. С. 80–84.
10. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ, ред. от 23.07.2013 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
11. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ; ред. от 30.12.2015: с изм. и доп., вступ. в силу с 09.02.2016 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
12. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1: ред. от 05.04.2016 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
13. О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ; ред. от 30.12.2015 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
14. Чирков А.П. Ответственность в системе права. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1996. 77 с.
15. Липинский Д.А. Соотношение функций права и функций юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 3. С. 144–155.
16. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 46 с.
17. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ; ред. от 05.04.2016 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

INDEPENDENCE OF INSTITUTE OF FINANCIAL AND LEGAL LIABILITY

© 2016

*V.V. Stepanova, senior lecturer of Chair “Theory of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Keywords: crime; the institute of law; financial law; financial responsibility; legal responsibility; sanctions.

Abstract: The article examines the Institute’s financial and legal responsibility, justified its place in the system of financial law and the system of inter-branch institute of legal responsibility. The definition of the Institute’s financial and legal liability. Disclosed are the distinctive features of the other institutions of legal liability.

ФОРМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ И СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВАХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2016

Т.В. Шутемова, старший преподаватель кафедры организации борьбы
с экономическими преступлениями Института права
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: криминалистическая деятельность прокурора; криминалистическое обеспечение деятельности прокурора; криминалистическая политика.

Аннотация: Рассматриваются формы криминалистической деятельности прокурора в досудебных и судебных производствах по уголовным делам. Обращено внимание на учет при разработке Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности потребностей правоприменительной деятельности.

Правовая политика реализуется государством через правотворчество, правовую культуру и правоприменение, при этом общие ориентиры, как отмечает А.В. Малько, исходят от правотворческой политики. Правоприменительная деятельность закладывается уже на уровне правотворческой, когда создаются ориентиры для всего механизма правового регулирования, как для принятия, так и для реализации юридических норм. Самостоятельность правоприменительной политики выражается в призывании «собрать в систему» имеющиеся разрозненные средства и элементы правоприменительной деятельности, организуя правоприменительный процесс, ориентируя его на достижение определенных целей [1, с. 11–12]. Криминалистическая политика связана главным образом с правоприменительной практикой, а не с законодательством [2, с. 202], но несовершенство уголовного закона неизбежно осложняет доказывание. В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов совершенно обоснованно отмечают, что при формулировании запретов в УК уголовно-правовые разработки должны соотноситься с возможностями правоохранительной системы в преследовании тех или иных правонарушителей [3, с. 49].

Уголовное преследование является одним из приоритетных направлений прокурорской деятельности. Изучение российской юридической литературы в контексте теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора показало, что внимание на данный момент больше сосредоточено на таких вопросах криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, как реагирование на сложности в осуществлении надзорных полномочий в отношении предварительного следствия и осуществлении уголовного преследования в условиях состязательности. Имеющиеся исследования Г.Д. Беловой, Н.А. Даниловой, В.Н. Исаенко, О.Н. Коршуновой, А.М. Кустова, Е.Б. Серовой и других позволяют говорить о том, что в некоторой мере уже сформулирован ряд положений части общей теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора, которую можно рассматривать в качестве подтеории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.

Н.В. Буланова выделяет два взаимосвязанных уровня использования криминалистических знаний в прокурорской деятельности:

1) теоретический – при подготовке методических рекомендаций, пособий;

2) практический – при планировании, организации и проведении надзорных мероприятий по проверке процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия [4, с. 162–163].

Для досудебного производства практическое использование прокурором криминалистических знаний предполагается осуществлять в четырех направлениях:

- 1) при разработке тактики прокурорского надзора;
- 2) при формировании методики прокурорских проверок исполнения законов органами, осуществляющими

дознание и предварительное следствие;

3) при оценке законности, обоснованности и мотивированности принимаемых дознавателями, начальниками подразделений дознания, следователями и руководителями следственных органов процессуальных решений, а также совершаемых ими следственных и иных процессуальных действий;

4) при принятии процессуальных решений, посредством которых осуществляется уголовное преследование [4, с. 163].

Полагаем, что оценка прокурором законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений следователей, дознавателей и т. д. предполагает также проверку и оценку полноты проведенного расследования. Выполнение этой деятельности сложно представить без использования прокурором криминалистических знаний в области методики расследования преступлений. Выполнение прокурором названной работы всегда сопряжено с выяснением им вопроса о том, насколько полно были использованы положения той или иной частной криминалистической методики расследования преступлений соответствующего вида. Обоснованность и мотивированность процессуального решения всегда зависит от полноты исследования вопроса, по которому вынесено процессуальное решение. Без требуемого использования криминалистических рекомендаций при расследовании решить эту задачу затруднительно.

Поскольку деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве включает в себя также осуществление им уголовного преследования в суде, необходимо рассмотреть и вопросы криминалистического обеспечения данного направления его деятельности. По нашему мнению, в судебном производстве практическое использование прокурором (государственным обвинителем) криминалистических знаний возможно:

- при изучении материалов проверки сообщения о преступлении с точки зрения ее полноты и использования необходимых процессуальных и криминалистических средств для установления наличия или отсутствия признаков преступления;

- при изучении уголовного дела, оценке всесторонности, объективности проведенного расследования с использованием знаний в области соответствующей частной криминалистической методики расследования;

- при выявлении возможных недостатков расследования, требующих их восполнения в судебном следствии (отдельных значимых обстоятельств) с использованием как процессуальных возможностей, так и криминалистических методов и приемов;

- при разработке тактики участия в судебном следствии, наиболее целесообразной последовательности представления доказательств;

- при проведении судебных действий во время судебного следствия;

- при подготовке к судебным прениям.

Применение криминалистических знаний при осу-

шествии надзора означает опосредованность их воздействия на процесс восприятия результатов предварительного расследования в отличие от судебного производства, когда от непосредственного применения государственным обвинителем криминалистических знаний может зависеть исход конкретного судебного действия (допроса, назначения и производства экспертизы, следственного эксперимента и т. д.).

Таким образом, для создания криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве необходимо выполнять такие действия, как:

- отыскание оптимальных форм использования существующих и разработка дополнительных криминалистических методов, средств и приемов, применение которых возможно при осуществлении прокурорского надзора в досудебном производстве и при поддержании обвинения по уголовным делам в судах;

- апробирование и совершенствование разработанных криминалистических методов, средств и приемов;

- проведение работы по изучению прокурорскими работниками криминалистических методов, средств и приемов и приобретению ими навыков их применения;

- обобщение и анализ практики, изучение и распространение положительного опыта применения криминалистических методов, средств и приемов в прокурорской деятельности.

Принципиальное значение для применения криминалистических знаний имеет форма их представления исполнителям. Философия определяет, что форма неразрывно связана с содержанием и от формы в ряде случаев зависит восприятие содержания. Обеспечение возможностей использования методов, средств и приемов криминалистики в деятельности прокурора выступает в следующих формах:

- 1) традиционные формы выражения в виде разного рода печатных изданий (учебники, методические рекомендации, информационные письма и бюллетени, пособия, руководства, научные статьи, диссертации, монографии);

- 2) формы с применением IT-технологий (учебники в электронном виде с интерактивным обучением, АРМ, АИСС и др.).

Наиболее сложным представляется создание форм приобретения навыков и умений применения криминалистических знаний в прокурорской деятельности. Для эффективного осуществления прокурорского надзора в стадии досудебного производства прокурор должен не только знать, что и как применять, но и уметь оценить достаточность/недостаточность и качество применения этих знаний следователем (дознавателем) не только на теоретическом, но и прежде всего на практическом уровне. Отсутствие у прокуроров следственного опыта и, в соответствии с действующим УПК РФ, возможностью лично принимать участие в следственных действиях или проводить расследование должно быть компенсировано достаточной теоретической подготовкой, достаточной информированностью о современных достижениях криминалистики (направлении на места Бюллетеня криминалистики в электронном или печатном виде, наличием специальной рубрики в ведомственных прокурорских журналах и др.), а также проведением криминалистического практико-ориентированного обучения на курсах (семинарах) повышения квалификации, развитием криминалистического мышления.

В связи с достаточно явно обозначившейся проблемой дефицита криминалистических знаний у прокуроров возникает необходимость разработки и реализации типовых программ их криминалистической подготовки. На факультете повышения квалификации и профессиональной подготовки Академии Генеральной прокуратуры РФ в декабре 2015 года проведено обучение прокуроров, не имеющих опыта следственной работы,

с включением в учебно-тематический план комплекса тем криминалистической направленности. По нашему мнению, необходим более расширенный подход к повышению уровня криминалистической подготовки прокуроров, разработке соответствующих типовых программ дифференцированно для прокуроров, осуществляющих надзор, и для прокуроров – государственных обвинителей, их реализации не только на факультетах повышения квалификации, но также при проведении учебно-методической работы в прокуратурах субъектов Российской Федерации.

Практические навыки и умения надзирающими прокурорами могут приобретаться также в ходе работы на криминалистических полигонах с использованием компьютерных программ «Виртуальный обыск», «Виртуальный осмотр места происшествия», применяемых для повышения квалификации следователей в Следственном комитете РФ, компьютерной программы «Осмотр места происшествия» в 3D, созданной в Военном университете Министерства обороны России и др. [5, с. 263]. Эффективной возможностью получения необходимых криминалистических навыков и умений могут стать межведомственные научно-практические семинары, проводимые в условиях, максимально приближенных к реальным.

Актуальной видится разработка и рассылка методических рекомендаций по изучению прокурорами: 1) материалов, по которым отказано в возбуждении уголовного дела; 2) находящихся в производстве у производителей уголовных дел; 3) приостановленных производством уголовных дел. В этих рекомендациях должны содержаться указания на то, какие вопросы проверки сообщений о преступлениях, а также расследования должны анализироваться прокурорами с точки зрения соблюдения следователями соответствующих частных криминалистических методик расследования, использования при этом возможностей оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы, уголовной (криминалистической) регистрации. Важное значение может иметь также разработка рекомендаций по составлению актов прокурорского реагирования по результатам изучения ранее названных материалов и уголовных дел (постановления, указания, требований), где должно быть обращено внимание на недостаточное использование следователями возможностей криминалистики с конкретным указанием этих недостатков и средств их устранения в резолютивных разделах этих документов.

Подводя итог сказанному выше, полагаем, что криминалистическое обеспечение в органах прокуратуры должно представлять собой целенаправленно осуществляемую работу по сбору, систематизации, анализу, разработке и апробированию криминалистических методов, средств и приемов, организации и сопровождению процесса их внедрения в практику деятельности прокуроров в уголовном судопроизводстве, изучению и распространению соответствующего положительного опыта.

Несмотря на то, что криминалистическому (наряду с организационным) обеспечению деятельности прокурора в суде в последние годы уделяется серьезное внимание, все же еще существуют нерешенные проблемы и на этом направлении его деятельности. Так, если криминалистические аспекты подготовки и участия прокурора в судебных процессах исследуются достаточно активно, то в практическом направлении требуется более глубокая разработка практических рекомендаций по использованию им возможностей криминалистики при подготовке и поддержании обвинения по делам о преступлениях отдельных видов. Требуется продолжения интеграция и дифференциация возможностей криминалистики в этот вид прокурорской деятельности, о которой обоснованно пишет, в частности, Г.Э. Сафронский: «Интеграцию возможностей (средств) криминалистической тактики в практику поддержания государственного обвинения представляется возможным рассматривать как

следующие целенаправленные, планомерные и последовательные действия:

- продуманный подбор средств криминалистической (следственной) тактики, оценки возможностей и перспектив их использования в судебном следствии;

- адаптирование этих средств к условиям судебного следствия и задачам государственного обвинителя;

- разработка на их основе соответствующих нормам права и научно обоснованных, а также могущих быть использованными только в данной стадии уголовного процесса тактико-криминалистических приемов действий прокурора в судебном следствии;

- апробирование и внедрение соответствующих рекомендаций в практическую деятельность государственных обвинителей» [6, с. 121].

Криминалистическое обеспечение деятельности прокуроров в судебном производстве должно быть направлено на оказание им содействия в таких направлениях, как:

- личное использование криминалистических знаний и применение навыков и умений самим прокурором при изучении уголовного дела и разработке тактики участия в судебном следствии (О.Я. Баев справедливо, по нашему мнению, констатирует по этому поводу: «Пока они не овладеют всем арсеналом знаний и средств науки криминалистики, задача обеспечения качества уголовного преследования невыполнима» [7, с. 87]);

- использование помощи специалистов, экспертов при изучении дела;

- оценка заключений экспертов и разработка тактики их представления суду, тактика действий при назначении экспертизы судом;

- тактика участия в следственных действиях в ходе судебного следствия в типичных ситуациях, которых изучены еще недостаточно, что сдерживает разработку тактико-криминалистических рекомендаций для прокуроров о характере их действий в условиях изменяющихся ситуаций;

- тактика допроса подсудимого, потерпевших, свидетелей обвинения и защиты в различных ситуациях в суде.

Проведение этой работы, как представляется, может рассматриваться как дальнейшее развитие теоретических основ и прикладных возможностей криминалистики. Мы солидарны с И.В. Александровым, который отмечает: «Современное состояние криминалистики уже не может ограничиться только прежними задачами, связанными с изучением закономерностей преступлений и их расследованием. В новых условиях актуальными задачами криминалистики являются внедрение инноваций в практическую правоприменительную деятельность, унификация научных криминалистических рекомендаций и их адаптация к практике правоприменения, системное криминалистическое обеспечение органов

правоприменения в направлении оптимизации их деятельности» [8, с. 27].

Таким образом, разрабатывая Концепцию правовой политики в сфере юридической ответственности как определенный свод доктринальных положений, которыми должен руководствоваться законодатель и правоприменитель при реализации правовой политики в сфере юридической ответственности [9], стоит предвидеть возможные формы реализации того или иного вида правовой политики, в частности, криминалистической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко А.В. Малько А.В. Правовая политика - категория XXI века и ее роль в евразийской интеграции интервью с Александром Васильевичем Малько, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ, директором Саратовского филиала института государства и права РАН // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 8–13.
2. Сокол В.Ю. Криминалистическая политика // Общество и право. 2012. № 5. С. 200–204.
3. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 46–50.
4. Буланова Н.В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2015. 215 с.
5. Соколова О.А. Некоторые инновационные направления в расследовании преступлений // Криминалистика-прошлое, настоящее, будущее : достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 263–266.
6. Сафронский Г.Э. Об интеграции возможностей криминалистики в практику поддержания государственного обвинения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 47. № 3. С. 118–122.
7. Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: система и ее качество. М.: Юрлитинформ, 2007. 194 с.
8. Александров И.В. Об актуальных направлениях развития криминалистики // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Н.П. Яблокова. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 25–26.
9. Малько А.В., Липинский Д.А., Суменков С.Ю., Вырлеева-Балаева О.С. Проект концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. М.: ИИОР, 2015. 205 с.

THE FORMS OF CRIMINALISTIC OPERATIONS OF THE PROSECUTOR IN THE PRETRIAL AND TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES AS THE FORMS OF IMPLEMENTATION OF THE CRIMINALISTIC POLICY

© 2016

T.V. Shutemova, senior lecturer of Chair of the organization of the fight against the economic crimes,
Institute of Law

Samara State Economic University, Samara (Russia)

Keywords: criminalistic activity of the prosecutor; criminalistic support of the public prosecutor; criminalistic policy.

Abstract: We consider the forms of criminalistic operations of the prosecutor in the pretrial and trial proceedings in criminal cases. The Concept of Legal Policy must take into account the needs of law enforcers.

НАШИ АВТОРЫ

Айвазян Арам Жорикович, соискатель кафедры уголовного права и уголовного процесса.

Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Тел.: +3 749 839-02-02

E-mail: ayvazyan102@mail.ru

Беляева Зоя Викторовна, магистрант.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 59.

Тел.: +7 927 212-11-99

E-mail: belyaeva.zoya@gmail.com

Бошнагян Армен Перчович, начальник отдела аппарата Совета национальной безопасности Республики Армения, соискатель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики.

Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Тел.: +3 749 120-34-87

E-mail: ap.boshnaghyan@list.ru

Валеев Рафаэль Ринатович, магистрант кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-29

E-mail: vraf@mail.ru

Воробьева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 909 365-30-92

E-mail: Olga80_flt@mail.ru

Григорьев Андрей Сергеевич, студент 2-го курса юридического факультета (бакалавриат).

Адрес: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Тел.: (83952) 77-90-11

E-mail: grigoryev-andrey96@mail.ru

Деревскова Валентина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права.

Адрес: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Тел.: (83952) 77-90-11

E-mail: vderevskova@mail.ru

Изместьева Елизавета Аркадьевна, студент 1-го курса юридического факультета (бакалавриат).

Адрес: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Тел.: (83952) 77-90-11

E-mail: elizabeth_97@inbox.ru

Кайнов Александр Сергеевич, старший прокурор отдела по надзору за исполнением природоохранного законодательства управления по надзору за соблюдением федерального законодательства.

Адрес: Прокуратура Краснодарского края, 350063, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Советская, 39.

Тел.: 8 918 333-66-86

E-mail: kainov-aleksandr@mail.ru

Кожокарь Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права.

Адрес: Саратовская государственная юридическая академия, 410028, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 16, корпус 3, ауд. 208.

Тел.: (8452) 29-91-47

E-mail: k_mchp@ssla.ru

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-67

E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор.

Адрес: Саратовский филиал Института государства и права РАН, 410028, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Тел.: (8452) 29-92-18

E-mail: igp@sgap.ru

Маркунин Роман Сергеевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права.

Адрес: Саратовская государственная юридическая академия, 410028, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 109.

Тел.: (8452) 29-92-18

E-mail: igp@sgap.ru

Моисеев Александр Владимирович, преподаватель кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-17

E-mail: ur63@yandex.ru

Немова Елена Николаевна, аспирант кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: nemova0303@yandex.ru

Паносян Арман Тадевосович, специалист первого уровня агентства экспертизы правовых актов министерства юстиции Республики Армения, аспирант кафедры уголовного и уголовно-процессуального права.

Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Тел.: (+37455) 65-22-33

E-mail: artak91@list.ru

Пиншин Павел Петрович, студент 1-го курса юридического факультета (бакалавриат).

Адрес: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Тел.: (83952) 77-90-11

E-mail: pasha.pinshin@mail.ru

Розенко Станислав Васильевич, кандидат юридических наук, директор юридического института.

Адрес: Югорский государственный университет, 628012, Россия, Тюменская область, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16, корпус 4.

Тел.: (3467) 357-535

E-mail: rozenko_sv@mail.ru

Рудковский Виктор Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства.

Адрес: Волгоградский государственный университет, 400062, Россия, г. Волгоград, Университетский проспект, 100.

Тел.: (8442) 66-04-70

E-mail: rudk-viktor@yandex.ru

Савельев Юрий Михайлович, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 927 610-15-49

E-mail: yusproc@gmail.com

Степанова Вера Владимировна, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57, офис 807.

Тел.: 8 917 970-19-91

E-mail: lawboxer@gmail.com

Шутемова Тамара Васильевна, старший преподаватель кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Института права.

Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

Тел.: (846) 933-87-81

E-mail: shutemtv@rambler.ru

OUR AUTHORS

Ayvazyan Aram Zhorikovich, applicant of the Criminal Law and Legal Proceedings Chair.
Address: Russian-Armenian (Slavonic) University, 0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.
Tel.: +3 749 839-02-02
E-mail: ayvazyan102@mail.ru

Belyaeva Zoya Viktorovna, undergraduate student.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 59.
Tel.: +7 927 212-11-99
E-mail: belyaeva.zoya@gmail.com

Boshnaghyan Armen Perchovich, chief of the division of the staff of National Security Council of the Republic of Armenia, applicant of Chair of criminal law and criminal procedural law of Law and Policy Institute.
Address: Russian-Armenian (Slavonic) University, 0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.
Tel.: +3 749 120-34-87
E-mail: ap.boshnaghyan@list.ru

Derevskova Valentina Mikhailovna, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair of Theory and History of State and Law.
Address: Irkutsk Law Institute (Branch) of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 664035, Russia, Irkutsk, Shevtsov Street, 1.
Tel.: (83952) 77-90-11
E-mail: vderevskova@mail.ru

Grigoryev Andrey Sergeevich, second-year student of Law School (Baccalaureate).
Address: Irkutsk Law Institute (Branch) of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 664035, Russia, Irkutsk, Shevtsov Street, 1.
Tel.: (83952) 77-90-11
E-mail: grigoryev-andrey96@mail.ru

Izmestyeva Elizaveta Arkadyevna, first-year student of Law School (Baccalaureate).
Address: Irkutsk Law Institute (Branch) of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 664035, Russia, Irkutsk, Shevtsov Street, 1.
Tel.: (83952) 77-90-11
E-mail: elizabeth_97@inbox.ru

Kainov Aleksandr Sergeevich, senior prosecutor of Department for supervision over execution of the environmental legislation of the Department for supervision over execution of federal legislation.
Address: Krasnodar Territory Prosecutor's Office, 350901, Russia, Krasnodar Krai, Krasnodar, Sovetskaya Street, 39.
Tel.: 8 918 333-66-86
E-mail: kainov-aleksandr@mail.ru

Kozhokar Igor Petrovich, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Private International Law.
Address: Saratov State Academy of Law, 410028, Russia, Saratov, Volskaya Street, 16, building 3, room 208.
Tel.: (8452) 29-91-47
E-mail: k_mchp@ssla.ru

Lipinsky Dmitriy Anatolyevich, Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of Theory of State and Law Department.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-67
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Malko Aleksandr Vasilyevich, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Director.
Address: Saratov branch of the Institute of State and Law, 410028, Russia, Saratov, Chernyshevsky Street, 135.
Tel.: (8452) 29-92-18
E-mail: igp@sgap.ru

Markunin Roman Sergeevich, PhD (Law), Senior Lecturer of Chair of Theory of State and Law.
Address: Saratov State Academy of Law, 410028, Russia, Saratov, Chernyshevsky Street, 109.
Tel.: (8452) 29-92-18
E-mail: igp@sgap.ru

Moiseev Aleksandr Vladimirovich, lecturer of Chair "Theory of state and law".
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: ur63@yandex.ru

Nemova Elena Nikolaevna, postgraduate student of Chair "Theory of State and Law".
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: nemova0303@yandex.ru

Panosyan Arman Tadevosovich, first level specialist of the legal acts expertise agency of the RA Ministry of Justice, undergraduate student of Chair of Criminal and Criminal Procedure Law.

Address: Russian-Armenian (Slavonic) University, 0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.

Tel.: (+37455) 65-22-33

E-mail: artak91@list.ru

Pinshin Pavel Petrovich, first-year student of Law School (Baccalaureate).

Address: Irkutsk Law Institute (Branch) of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 664035, Russia, Irkutsk, Shevtsov Street, 1.

Tel.: (83952) 77-90-11

E-mail: pasha.pinshin@mail.ru

Rozenko Stanislav Vasilyevich, PhD (Law), director of the Law Institute.

Address: Ugra State University, 628012, Russia, Tyumen Region, Khanty-Mansiysk District-Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov Street, 16, building 4.

Tel.: (3467) 357-535

E-mail: rozenko_sv@mail.ru

Rudkovsky Viktor Anatolievich, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Theory and History of Law and State.

Address: Volgograd State University, 400062, Russia, Volgograd, Universitetsky Prospect, 100.

Tel.: (8442) 66-04-70

E-mail: rudk-viktor@yandex.ru

Savelyev Yuriy Mikhailovich, senior lecturer of Chair "Theory of state and law".

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: 8 927 610-15-49

E-mail: yusproc@gmail.com

Shutemova Tamara Vasilievna, senior lecturer of Chair of the organization of the fight against the economic crimes, Institute of Law.

Address: Samara State Economic University, 443090 Russia, Samara, Soviet Army Street, 141.

Tel.: (846) 933-87-81

E-mail: shutemtv@rambler.ru

Stepanova Vera Vladimirovna, senior lecturer of Chair "Theory of State and Law".

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57, office 807.

Tel.: 8 917 970-19-91

E-mail: lawboxer@gmail.com

Valeev Rafael Rinatovich, graduate student of Chair "Civil Law, Civil Procedure and Labor Law".

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-94-29

E-mail: vraf@mail.ru

Vorobyova Olga Aleksandrovna, PhD (Pedagogy), Associate Professor, assistant professor of Chair "Business and employment law".

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: 8 909 365-30-92

E-mail: Olga80_tlt@mail.ru